

Артем Валерьевич Хрянин Женя Колбаскин и сверхспособности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63618612

SelfPub; 2020

Аннотация

Однажды на Землю падает метеорит. Он является источником неизвестного излучения, которое провоцирует изменения в человеческом организме. Это приводит к появлению у всех людей различных сверхспособностей. У всех, кроме Жени Колбаскина и еще двух ребят из его школы. Теперь их постоянно обзывают «обычными». Они вынуждены объединиться и найти причину своей обычности. Но все ещё больше осложняется, когда они узнают, что Женя скоро помрет. И теперь им надо придумать, как спасти его «обычную» жизнь.

Артем Хрянин

Женя Колбаскин и сверхспособности

Глава 0. Про дурацкий метеорит.

Это случилось два года назад. На нас просто-напросто шлепнулся метеорит. Не, вы не подумайте, что он уничтожил там всю планету и все в таком роде. А я, типа, остался один, и мой единственный друг – это мой кот. И теперь мне надо как-то выживать, так еще и вдобавок с одиночеством диким бороться. Нет. Он был мелкий. Метеорит в смысле. Наверное, с футбольный мяч или около того. При этом шмякнулся он в поле. Там только несколько бедолаг каких-то в палатках спали. Видать, туристы или любители природы. Что они там делали в такую холодрыгу? А фиг их знает. Отдыхали, видимо, от городской суеты или еще от чего. Но вы не волнуйтесь за них, они живы и здоровы. Напугались только вусмерть, конечно. Ну, а кто б не испугался, когда каменище какое-то рядом падает.

Ну, так вот. Плюхнулся, значит, этот метеорит в поле. И знаете что? Как удачно совпало. Нарочно и не придумаешь. Рядом был какой-то научный центр или что-то, типа, того. Ну там дядьки всякие и тётки в белых халатах, штанцах

и все такое. Что-то дико важное они там изучали. В общем, шлепнулся метеорит, а они тут как тут. Подкатили к нему и смотрят на него. Глаза вылупили, ходят по кругу, трогают каменюгу эту и анализы какие-то делают.

– Элемента такого батька наш Менделеев не описал, – говорят.

Во че решили. Чешут они свои затылки ученые, а тут у них датчик начинает пищать. Какой датчик? А я че знаю, что ли? Ну, в общем, запищал он этот их датчик, и показывает, что, типа, излучение какое-то идет. Ученые, конечно, не знают, что это за излучение такое и опять чешут свои почти до лысины протертые затылки.

– Непонятно, – говорят они все вместе. – Что-то тут не то. Нет такого излучения на Земле.

Тож удивили. Ничего на Земле у нас нет.

Но тут один умник говорит такой: «Давайте позвоним другим товарищам ученым, может, у них че узнаем». Остальные смотрят так удивленно на него и говорят:

«Голова, башковитый стажер попался. Не зря Иваныч к нам его закинул».

Короче, позвонили они своим дружбанам из других таких же контор. По всему миру связались, видать. Дело ж серьезное. Ну и те тож говорят, что обнаружили это никому неизвестное излучение. Вот те на, неожиданно, да? Это я вообще к чему? А к тому, что то дурацкое излучение и стало причиной всей этой катавасии.

Глава 1. Безумное утро отвратительного дня.

А для меня все это началось одним октябрьским утром. Проснулся я, значит, как обычно. В семь. Ну, не в семь, конечно. Там, где-то в 7—15 или 7-10. Мне надо было в школу опять топать. Да, а метеорит этот, короче, грохнулся в четвертом часу утра. То есть все в это время спали или ещё чего делали. Батя мой работал, например. Ну так вот, прозвенел будильник у меня на телефоне. Я его выключил, естественно, и опять улегся, и стал в потолок смотреть. Спать было охота зверски. Глаза сами закрывались.

И тут неожиданно дверь распахивается. А я, значит, спал отдельно, а брат с сестрой в другой комнате дрыхли. Ну вот, распахнулась дверь. Пожалуй, распахнулась, это я очень мягко сказал, скорее она, чуть ли не вылетела с петель. Так вот, дверь открылась, и в комнату зашел мой младший брат. Петькой его зовут, заморыш мелкий, в общем. «Заморыш», – говорю. Но он совсем не был похож на заморыша, а наоборот, это я заморышем-то был, по сравнению с ним. От него самого-то осталось только одно лицо. Короче, смотрю я на него, а у меня шары из глаз выкатываются. Я пытаюсь что-то сказать, но язык как будто засох или отсох, не суть. В общем, передо мной не Петька стоял, а горилла какая-то форменная. Честное слово. Руки у него были, как две огромные базуки. Ноги, как два большуших бака. Ну, знае-

те, типа, как из-под бензина. Конечно, я это преувеличиваю, но в тот момент так и подумал. И знаете, чё он мне сказал первым делом?

– Щас я тебе накастыляю! – говорит.

Вот и брат, называется. Хотя, может, я это и заслужил, конечно.

– Петька, че с тобой? – спрашиваю я его не своим голосом, типа, даже писклявым немного.

– А че, не видно? Я теперь сильный, а ты – заморыш! – говорит он, как ни в чем не бывало, как будто так и надо, и легонько пинает по ножке моей кровати. А кровать-то у меня мощная, железная. Ножка отлетает, как спичка. Я скатываюсь, и сказать-то ничё не могу. Видать, заслужил все-таки. Петька уходит и захлопывает дверь, да так, что штукатурка обсыпается.

Я, естественно, трясу башкой и протираю шары. «Мерещится, что ли?! – думаю. – Может, ударился вчера об че, или крышняк просто сносит. С Димоном пивко пили, да, не спорю. Но было-то это с неделю назад, должно, типа, выветриться давно. Да и по банке-то одной всего вдарили. Что за ерунда тогда?»

Сижу я так на полу, как будто ай кью у меня ниже 10 и думаю, че дальше делать. Надо же что-то предпринимать. Одеваюсь я, значит, и выхожу из комнаты. Напротив меня – спальня брата и сестры. Ну я и стучусь к ним. «Мало ли, вдруг с сестрой тоже чё случилось. Надо, может, про-

верить», – подумал я.

– Войдите, – говорит Надя своим тоненьким голоском.

Я открываю дверь и смотрю на сестру. Она, вроде, нормальная с виду. Сидит на кровати, а напротив нее – Барсик. Он такой смиренный, как по струнке прям. Ни разу до этого не видел, что бы он так сидел.

– Доброе утро, – говорю я ей.

– Доброе утро, – отвечает она, даже не поглядев на меня. –

Смотри, что я могу.

Она начинает говорить коту всякую там ерунду, типа: «Дай лапу». Ну, он и дает. «Ну ладно, – думаю, – ничего такого. Дает лапу. И что?»

– Поворот!

Он поворачивается. «Ну да, неплохо. Выдрессировала, видать».

– Кувырок назад. Двойной.

И вот тут мои глазенки лезут наверх, да со скоростью света еще, потому что кот реально делает кувырок назад. При том действительно, двойной, двойнее некуда.

– Ну как, не плохо? – спрашивает она таким тоном, типа,

Барсик наш всегда так делать умел.

Я рукой, значит, челюсть прикрыл и стою ошеломленный.

– Мэммэммэ, – вот, что я ей ответил.

– Ты, видимо, еще не проснулся, – говорит она мне заботливым голосом.

А кот вдруг издает: «Мяу, мяу, мяу»

– Рыбки? – спрашивает Надя у кота, как будто ведет какую-то дружескую беседу. – Нет уж, сначала зарядка.

– Мяу, мяу, мяу.

– Ладно, ладно, не хнычь, – говорит она, как будто это вообще в порядке вещей.

Я резко закрываю дверь. «Померещится же такое», – думаю. Открываю дверь снова и тут же ее захлопываю, так как там стоит Барсик и делает зарядку. Реально, зарядку! То есть что-то, типа, задние лапы на ширине плеч, а передними махи в стороны. Seriously говорю. Я сам уже там подумал, что пора, видать, пить какие-нибудь таблетки. «Может, гамбургер вчера отравленный съел. Говорил же Димону, что грабли они свои не моют в этой забегаловке. Ладно, че уж там, разберусь, – решил я. – В первую очередь надо к маме. Ну, мама-то должна знать в чем дело. Сто пудов. Она ж, типа, взрослая и умная. Как пить дать знает, что со мной происходит».

Ну я и пошел ее искать. В комнате ее не было. «Значит, на кухне должна быть». Я и пошел туда. Захожу такой. Но, честно признаться, уж лучше бы не заходил.

В общем, захожу я на кухню, и поначалу все идет довольно-таки неплохо. Я просто стою и пытаюсь собраться с мыслями и сформулировать свои жалобы, а мама возле плиты что-то там жарит. Яичницу, как окажется впоследствии. Ну так вот, стою я, значит, и смотрю на нее, и тут – бац – из маминой прям спины вырастает две руки. Они протяги-

ваются к столу и начинают резать помидоры. Две настоящие руки! Представляете вообще? А мама, главное, спокойно себе стоит за плитой и продолжает жарить яичницу. Солью ее там посыпает, что ли. Я, короче, застыл и даж пошевелится не могу. Прям 5д фильм какой-то, честное слово. И тут – бац – еще две руки вылезают из мамы моей и начинают мыть посуду. А она за плитой спокойненько так стоит, и как ни в чем не бывало, поворачивается ко мне, и говорит:

– Доброе утро, сынок. Как спалось?

– Я мэмнормап, – произношу я какую-то тарабарщину, потому что голосовые связки, видимо, отнялись у меня в тот момент. Да и мозг, вроде, тож отключился, потому что я не могу вспомнить, о чем я думал-то в тот момент.

– Видимо, не очень, – замечает она.

– Я ему также сказала, – говорит Надя. Она заходит на кухню, а за ней идет мой младший брат, а точнее, уже, по всей видимости, старший. Да так он еще идет, что аж стены сотрясаются.

И главное, такое чувство, что они как бы даже внимания не обращали на то, что там вообще происходило. Как будто это нормально, типа, ниче такого особенного.

– Мам, – выдавил я еле как из себя, – а у тебя, это, ну, как там... что с руками-то?

– У меня их теперь сколько хочешь, – ответила она мне, как будто даже с веселостью в голосе. – Правда, классно?

– Да, видимо, классно, – отвечаю я совершенно не осо-

знанно, а сам продолжаю во все глаза пялиться на ее руки.

– Женя, ты что, с луны свалился?! – говорит мне, типа, мой младший брат.

«Можь, стероидами переколотся? – думаю я, глядя на него. – Пятый класс называется. Машина смерти, да и только».

– Да не, Петь, он просто не выспался, – упрямо настаивает на своем Надя. – Барсик, лежать, лапки вверх.

Барсик сразу плюхается на пол и поднимает кверху лапы. Реально, я нисколько не шучу.

– Молодец, Барсик, – говорит она коту и накладывает уху в его миску. – Вот котик, кушай.

От всего увиденного мне че-т дурно становится. Я смотрю такой по сторонам, типа, какой-нибудь выход хочу найти из этой ненормальной ситуации. «Может я сплю», – думаю я в первую очередь. Щипаю себя, в надежде, что это как бы поможет. Понимаю, что не сплю. И тут я замечаю старый телек на холодильнике. Он у нас там сто лет, наверное, стоял, да никто, правда, его не смотрел вообще. Типа, всем башку тяжело было поднимать, да и пульт куда-то делся.

– Замор... Петь, включи телевизор, – говорю я брату так повелительно, как обычно это делал. Он же как бы всегда слушался меня.

– Ага, щас, сам включи, – отвечает он мне, да так дерзко, что аж холодок по спине пробегает.

Я, конечно, злюсь и сверлю взглядом его рожу, но потом

перевожу взгляд на его руки. Иду и включаю телевизор.

Включается второй канал. А по нему, вроде, чуть ли постоянно новости идут. «Как раз то, что мне надо», – говорю я себе. Хотя, меня всегда раздражал один тамошний диктор. Уж очень он картавый был, аж уши болели. А тут, значит, на экране он и был.

– Здравствуйте, дорогие зрители, – говорит он.

Я не поверил своим ушам, потому что они не услышали ни единого картавого звука. «Вот те на!» – думаю.

– К главной новости дня. Сегодня в 03—30 утра по Московскому времени, в 27 километрах от города Зурбинск (это, кстати, наше захалустье), упал метеорит. По предварительным данным метеорит имеет вес 75 кг, диаметр его 70 см. Он идеально круглый и блестящий (очень, наверное, важная информация). Ученые в данный момент очень тщательно его исследуют (показывают как мужики и тетки в белых халатах ходят вокруг камня). Но точно известно, что метеорит стал источником неизвестного излучения. Это излучение привело к тому, что у каждого человека на планете появились сверхспособности. Вот я, например, стал очень хорошо говорить, хотя раньше, конечно, тоже было неплохо. К тому же моя память стала в сто раз лучше: теперь я могу один раз взглянуть на страницу с текстом и сразу все запомнить.

Сказав все это, диктор засмеялся как-то по – идиотски.

– Извините, дорогие друзья, эмоции, сплошные эмоции.

А сейчас экстренный репортаж Зинаиды Бурмехино из города Нью-Йорк.

На экране появилась, значит, тетка такая, довольно симпатичная даже. Одета она была в какую-то ярко – оранжевую куртку, и стояла прямо перед камерой, и во все глаза тарасилась в нее, а в руках микрофон держала огромный.

– Здравствуйте, Зинаида, расскажите, пожалуйста, что там у вас происходит.

Но она молчала и не отвечала. Видать, не слышала его и продолжала просто тараситься в камеру.

– Зинаида! Вы нас слышите? – чуть ли не крича, сказал диктор.

– А, да, Дмитрий, здравствуйте, – она встрепенулась вся, будто вышла из оцепенения какого-то.

– Зинаида, расскажите, что у вас там происходит.

– Эй, осторожней ты! – недовольно вскрикнула репортерша, и задрала голову наверх, и посмотрела ввысь, как будто самолет ее, что ли, задел там. А потом мимо камеры две огромные ноги прошагали.

– Зинаида?

– Да, да, Дмитрий, извините, грубиян тут один. Ну так вот. Да. В Нью-Йорке сейчас такое происходит, словами не передать! Здесь весь вечер проходят гулянья, так же как и по всей стране, да и по всему миру тоже. Все люди вышли на улицы, они радуются, веселятся и потихоньку пробуют свои сверхспособности. Ну, что говорить, лучше посмотрите

сами.

И Зинаида эта отошла в сторону. Уж лучше бы я выключил телевизор, потому что увиденное повергло меня в глубочайший шок.

Я уже толком и не помню, что там показали по телику этому дурацкому. Одно могу сказать: там была огромная, большущая, стопроцентная дичь. Я точно помню, что по небоскрегам прыгали люди. Реально, прыгали с одного здания на другое. Представляете вообще? Огромные толпы народа прыгали туда и сюда. Другие летали и даже сталкивались друг с другом. Они, короче, врезались, падали, ругались и затем снова взлетали. Многие там еще ходили в какой-то странной одежде. Маскарад, может, у них там проходил. Много еще было зеленых, огромных теток и мужиков. А некоторые вообще носились, как угорелые, что даже и не разглядеть их было. Другие же просто кувыркались, плясали, пели и даже горели. Потом перед камерой неожиданно появился китаец какой-то мелкий, и что-то там счхенчхоньхал, помахал рукой, и тут же исчез. А потом вдруг в фонарный столб ударила молния, а в ответку кто-то лазерами стрельнул. Может мне показалось, но для всех это было, типа, в порядке вещей, что ли.

– Подумай, о чем думаешь, Дима, – неожиданно вернулась в кадр Зинаида Бурмехино. Она держала палец у виска и сосредоточенно так смотрела в камеру. – Я замужем вообще-то.

Как она это сказала, картинка сразу пропала резко, и снова появился Дмитрий.

– Ох, извините, уважаемые зрители, но связь с Нью-Йорком неожиданно прервалась, – сказал покрасневший, как рак, диктор, – мы попытаемся наладить связь, а пока – репортаж Марии Кулек из вечно прекрасного Парижа.

И почему же я не нажал на красную кнопку? Не щадил я свою детскую психику ни капли.

На экране опять появилась довольно-таки симпатичная тетка. Она чем-то походила на предыдущую репортершу, хоть у неё и была другая фамилия. Она также тарасилась прямо в экран, а позади нее была видна Эйфелевая башня. Но я не сразу понял, что это она, так как по ней как будто мураши какие-то ползали.

– Мария, здравствуйте.

– Здравствуйте, Дмитрий, – ответила она, улыбаясь. Она тоже, как и та, держала палец у виска. – Да, в субботу я смогу, мы обязательно куда-нибудь с вами сходим.

– Дадмарм, – что-то невнятно ответил растерявшийся Дмитрий, – хорошо... Мария, скажите, пожалуйста, как у вас там дела, ... что происходит в Париже?

– Ну, что я могу сказать Дмитрий. В Париже сейчас очень хорошо, как и всегда. Люди здесь очень приятные и дружелюбные. Да, власти города, кстати, позволили туристам самостоятельно взобраться на Эйфелеву башню, посмотрите.

«Вот что за мураши!» – понял я. Это толпа народу караб-

калась наверх.

– На улицах полно людей, горожан, туристов... Эй, смотри, Ваня, осторожно, сюда летит, горит! – закричала вдруг Мария, выпучив глаза.

Как только она это прокричала, на экране все закувыркалось, затряслось, и снова появился Дмитрий.

– Извините, уважаемые телезрители, связь с Парижем прервалась по техническим причинам. Так, а теперь к другим новос... – он запнулся, потому что ему кто-то начал что-то шептать.

Он сидел и кивал головой.

– Уважаемые телезрители, вот, в принципе, и все важные новости на сегодня, – продолжил Дмитрий. – Сейчас внизу экрана вы увидите номер телефона горячей линии. У вас есть возможность рассказать о своих сверхспособностях и попасть на субботний выпуск программы Игоря Махлыгина «Всем по сверхспособностям». Удачи дор...

Телек неожиданно отрубился. Я шмякнул по нему кулаком. Свет тоже, короче, погас.

– Че со светом такое? А, мам?

– Опять, наверное, дядя Валера электрическими полями пытается управлять.

– Ааа? – протянул я, как дурачок, – Че управлять?

Только я это сказал, так свет опять и зажегся.

– Он пытается переключать каналы, управляя электрическим полем.

– Чего? Мам, а че ты так спокойно говоришь-то, как будто это нормально?

– Да, сынок, нормально. А что ж нет? – говорит она невозмутимо. – Вот, ребята: яичница и салатик. Садитесь.

Ну, мы, короче, все и уселись.

– Петя, а ты руки иди вымой, – сказала она брату довольно строго.

Петя, значит, зыркнул на маму с таким явным недовольством и даж с презрением. Желваки у него набухли, мускулы задергались, но он повиновался в итоге. Бугай-то какой, а против мамы не попрешь.

Глава 2. Умные ученики, строгие учителя и Колбаскин.

Ну, в общем, пожрал я, собрался и пошел в школу. Хотя думал о том, что какой смысл идти-то туда, если у всех теперь сверхспособности. Но все, как ни странно, тож в школу топали.

Как я добрался до этой школы, рассказывать лучше не буду. Вспоминать даже не хочется. Могу только сказать, что наше маленькое, задрипанное захолустье превратилось в нечто непонятное. Я до сих пор не понимаю, как это все так быстро распространилось. Я не про излучение, а про людей в смысле. Типа инфекция или эпидемия какая-то. Прошло буквально пару часов, как шлепнулся этот метеорит, а они, как неадекватные все себя стали вести. На башню эту в Париже полезли с утра пораньше. Да и вообще, значит, залез я в ин-

тернет, перед тем как выходить, и за пять минут насмотрелся там такой невероятной дичи, честное слово. И главное, нормально это, типа, да? Никто ничего не предпринимает.

Ну так вот, дошел я до школы кое-как. Несколько раз меня чуть не подожгли, два раза чуть не заморозили. Ещё я вляпался в какую-то жидкость, что аж полподошвы разъело. Молния чуть в меня не вдарила. Ливень вдруг пошел, а потом сразу же прекратился. Железки какие-то сыпались повсюду, вещи летали. Ну, значит, добрался я в итоге до школы. Открываю дверь этого заведения, переступаю через его порог...

– Ай, ты наступил на меня, болван! – как заорет кто-то.

Прикиньте, мне кто-то орет, что я на него наступил, хотя рядом никого вообще нет. Я, значит, поднимаю ногу и смотрю на пол. Как у меня глаза не повылазили после таких потрясений, я не знаю. На полу стоял мураш какой-то. Я наклонился сильнее, смотрю – человек. Мелкий, правда, очень. Я даже узнал кто это – Колян из параллельного.

– Ааа, это ты, Женя! – говорит он и тут же вырастает. – Как жизнь?

– Эмамапав, нормально, а твоя?

– Зашибись, еще увидимся, – говорит он и снова уменьшается.

Пошел я такой, немного даж пошатываясь от потрясения, в раздевалку. Обычно в раздевалке, как у нас всё происходит? Зашел, привет, привет, переобулся, и пошел на урок.

А в тот день там столпился чуть ли не весь класс. Че они там собрались? А кто их разберет. Главное, болтали все без умолку.

Я протиснулся кое-как к своей вешалке, поздоровался там по пути с пацанами (несколько раз мне показалось, что руку они мою сломают). Увидел я кусочек свободного пространства, ну и шагнул туда...

– Эй, осторожно, Жень, не видишь, что я здесь! – говорит недовольно чей-то голос, очень похожий на Лизкин.

– Лиза? – спрашиваю я у пустоты.

– Да. А кто ж еще?! – отвечает она негативно очень и материализуется. – Ну вот, туплю мне испачкал, дурак.

– Сама такая, – говорю я ей.

– Нахал, – говорит она, и снова превращается в невидимку, и протискивается к двери, расталкивая всех на своем пути. Другим как будто даже все равно. Главное, нормально, да? Сама невидимкой превратилась, встала там, так я ещё, и виноватым остался в итоге, и нахалом, и дураком в придачу.

Короче, взял я сменку и переобуваться стал кое-как, потому что там все дико толкались. Руки еще притом как будто не слушались. Нервишки пошаливали.

Но вдруг прозвенел звонок, и вся толпа наружу понеслась, да так быстро, как кони, честное слово. Секунда прошла, не больше, и почти всех уже нет. А я в итоге стою ошеломленный на месте, как дурачина какой-то.

Выбежали, значит, все, кроме меня и группы девчонок, окруживших кого-то. Я подхожу к ним и вижу этого кого-то. Представьте мое удивление, потому что этим кем-то был Димон. Но его не узнать-то было толком. Прилизался весь таковой, духами от него за километр воняет. А девчонки стоят вокруг и слушают его очень внимательно. А он там какую-то чепуху про футбол рассказывает. Представляете? А главное-то, они вздыхают все, как будто перед ними Брэд Питт какой – то.

– Ленка, отойди-ка, – я слегка пихнул одноклассницу и вытянул из этого бабского круга своего, так называемого, друга. – Че вы стоите, вылупились на нас? Звонок прозвенел уже, идите!

Они как будто проснулись, заволновались все, схватили портфели с подоконника и побежали, как ужаленные в одно место.

– Димка, че с тобой? – спрашиваю у своего, типа, лучшего друга.

– А что не так? – отвечает он мне важным таким и высокомерным тоном.

– Че с голосом у тебя?

– Совершенно обычный у меня голос, – говорит он.

Я, естественно, начинаю терять терпение.

– О чем ты с ними разговаривал, а?

– Так, обо всем понемножку.

– А че они пялились на тебя так?

– Как?

– Как? Как? Втюрились как будто.

– Влюбились, ты хотел сказать? Так оно и есть.

– Че ты мелешь-то, а? Ты ж ссался всегда к девчонкам и близко подходить, а тут сразу влюбились, значит?

– Времена меняются, друг мой, и мы вместе с ними.

– Ты че обкурился, что ли? Бухал вчера, а? – говорю я ему и трясущу за плечо.

«Да нет, вроде, с виду нормальный», – подумал я и оглядел его всего с головы до ног.

Не фига он не нормальный с виду был. Пиджак напялил, белую рубашку нацепил, идеально наглаженные брюки. А туфли, ёмаё, в них я увидел свою кирпичноподобную рожу.

– Ты че напялил-то на себя?

– Так одеваются истинные джентльмены, – отвечает мне человек, который в столовке скатывает шарики из хлеба и шпуляет их в одноклассников.

– Когда это ты вдруг им стал?

– Я всегда им был, внутри себя, – говорит он, и аккуратно так, чуть ли не нежно, убирает мою руку с плеча, и поправляет свой пижонский пиджак. – Пора на урок, Евгений. Надежда Ивановна будет весьма не довольна.

– Ага, Евгением меня только не называй.

Ну и мы, короче, пошли на этот урок. Идем такие по лестнице, не торопясь. Вроде, все нормально пока. Все уже

на уроках, правда, а мы нет. Но это – ничего. Поднимаемся на второй этаж, смотрю – лежит швабра. Вдруг она поднимается и начинает сама мыть пол. «Ладно, – думаю, – ничем уже не удивишь». Зря я так подумал. Потому что вдруг, прям перед нами, из воздуха, возник учитель по обществу. Я вскрикнул там, как маленькая девчонка. Серьезно. А чё тут такого?

– Здравствуйте, ребята, – говорит он нам и пристраивается рядом.

Его каморка тож находилась на третьем этаже.

– Здравствуйте, Роберт Александрович, – говорит Димон, то бишь новоиспеченный джентльмен. Он, кстати, даже не шелохнулся при его внезапном появлении.

– Здмаспа, – отвечаю я так, потому что у меня язык заплетается.

– Почему опаздываете? – спрашивает учитель, но как-то, типа, совсем уж не строго.

Я уже, значит, во всю там придумываю отмазки разные, начиная от проспал, заканчивая, что пробки были.

– Девушки, – говорит Димон, как ни в чем не бывало, и даже, типа, уверенно. – Дела сердешные, Роберт Александрович.

– Аааааа, ну тогда понятно, – говорит учитель по обществу и так понимающе качает головой. – Это очень хорошо. Молодцы, ребята. Ну ладно, мне направо. Счастливо, Дмитрий, – говорит он Димке и жмет ему руку.

«Нездоровые дела нынче творятся!» – думаю я про себя.

Ну вот, короче, мы подходим к двери, где сидит эта карга усатая. А обычно, как мы делали раньше в таких ситуациях: Димка стучался и открывал дверь, а я входил и начал оправдываться, нести там чушь всякую. Главное-то, почти всегда срабатывало. А тут мои бедные уши вдруг слышат уверенные такие слова только что родившегося джентльмена: «Евгений, предоставь это мне».

«Да я уж на все согласен, пожалуйста», – отвечаю про себя и пропускаю его вперед.

Димка, значит, стучится в дверь, типа, как к себе домой, и открывает её неторопливо. Мы заходим. Он такой важный стоит, как петух какой-то, а я согнулся весь, словно заморыш. В общем, как дурочок пришибленный там я выглядел.

– Здравствуйте, Надежда Ивановна, – говорит Димка слащавым таким голосом.

– Здравствуйте, – отвечает она злобно, но Димон и виду не подает.

– О, Вы чудесно выглядите сегодня! – говорит он, типа, восхищенно, да таким еще подхалимским голоском. – У Вас прическа новая? Вам очень идет.

Я, конечно, думаю, что можно уже идти и ждать на скамеечке следующего урока, или, мож, даже к директору отправят. Но не тут-то было. Одноклассники вообще, как будто и не заметили этого (хотя они любят угарнуть с кого-нибудь), а училка улыбнулась такая, волосы свои поправила.

– Спасибо, Дмитрий, всё-то Вы замечаете! – говорит она также слащаво, как и он.

Прикиньте, это она то, которая на прошлом уроке Димону влепила двойку за просто так, а потом ещё уничтожала его словесно и морально.

– Ну, проходите, садитесь, ребята, в ногах правды нет.

«Ничего себе, – думаю, – взбрэндили, что ли, все тут?»

Ну мы и пошли к самой последней парте. Я шел там и даже шатался, а Димка же вышагивал впереди, такой весь из себя, а все девчонки глядели на него с подобострастием каким-то нездоровым.

«Куда я попал?» – думаю.

А главное-то, что все смирно сидели, как на иголках прям. Обычно галдеж стоит, половина в телефоны играют, другие спят, а тут все сидят, молчат, даже шепота не слышать.

Ну мы, короче, садимся за свою парту.

– Продолжим, – говорит училка.

Я ее, конечно, не слушаю, пялюсь на своих одноклассников. Разглядываю их всех. «Да, с виду, вроде, нормальные», – думаю. Кроме только Игоря. Он почему-то вдруг накаченным стал и сидел в белой майке, тип, чтоб бицуха всем была видна. А у Наташки волосы, то розовые были, то синие, то еще какие-нибудь. А у Степки жабры как будто на шеи появились.

Минут десять, значит, мы слушали эту какую-то умную и очень важную для жизни фигню, а все остальные, кроме

меня, сидели ровно так, рука на руку, и слушали внимательно. Я аж обалдел.

– И так, все открываем тетради, – вдруг говорит училка и все сразу их резко открывают.

«Когда они стали такими послушными?» – удивленно думаю я.

– Перепишите таблицу из учебника на странице тридцать два.

Все сразу же начинают листать учебники и писать. Я сижу в непонятках. «Откуда такое рвение?» – спрашиваю я себя.

– Проскин, не горбись, – говорит она Степки, и тот сразу же прям, как доска становится, хотя всегда горбатым был, как верблюд.

«Что творится здесь? Когда её все стали так слушаться?»

Я тоже, значит, достал учебник, медленно так очень, не торопясь. Вырвал листочек из тетрадки по литре и начал писать эту ерунду.

Сидим мы, пишем (я, правда, только один столбик написал). И тут ко мне Стас поворачивается и просит ручку. Он часто у меня их просил.

– Что за разговоры, Здоровескин? – буквально чуть ли не кричит училка. – Почему отвлекаешь своего товарища? В угол, быстро, шагом марш.

Прикиньте. Вот так вот сразу. И Стас, главное, молниеносно подскакивает и идет в угол. Представьте себе! В угол. Как будто мы в началке, что ли, хотя и там даже ни разу тако-

го не было. А все остальные повернулись и смотрят на него. И вдруг он исчез, короче. Прямо не видно его было.

– Без маскировки, – говорит училка жестко так, – чтоб все видели твой позор!

Он, значит, снова появился, а сам чуть ли не плачет. Мне даже жалко его стало как-то. Не хотелось бы на его месте оказаться. Вот так вот ручки и проси у одноклассников.

– Всем писать, – приказала училка опять.

Все резко развернулись и начали строчить вовсю. Мне что-то уже не до этого было, даже как-то мутило чуть-чуть.

– И так, проверим, что вы запомнили, – сказала эта карга наконец. – Кто скажет, из каких отделов состоит позвоночник?

Одновременно взлетели все руки, кроме моей, конечно. Представьте, че там творилось! Вообще-то, обычно, максимум одна, там, две руки поднимаются, и то только с первых парт. А сейчас... Я просто сидел в глубочайшем шоке.

– Колбаскин! – раздаётся голос училки, прямо как гром среди ясного неба.

Колбаскин – это я. Да уж, согласитесь, что фамилия очень дурацкая. Я вообще сам как бы не понимаю, что мои предки там, колбасу, что ли, какую делали, или хавали её пачками целыми. А, может, еще че похуже было. Хорошо хоть не сосисьников какой-нибудь или свинок там, козляток.

Но делать, как говорится, было нечего, и я нехотя стал подниматься.

– По-быстрее, Колбаскин, – торопит она, но у меня как-будто тело отнялось и не слушается вообще.

– А почему я? Вон сколько рук. Спросите их, – говорю я, как обычно.

– Головой меньше вертеть надо, Колбаскин!

– Ладно. Повторите вопрос, пожалуйста, – прошу я, так как реально его забыл.

Тут в такой обстановке даже имя свое забыть можно.

– Отделы позвоночника, – говорит она.

– Мда, ааа, нууу, значит, отделы позвоночника, значит, есть шейный отдел. Да, нуу. У позвоночника... – говорю я это, а сам на Димку смотрю возгорающимся взглядом и толкаю парту. Но он специально, гад, не замечает этого и смотрит вперед, типа, непричем тут. «Что-то с ним не то творится, – думаю. – Раньше-то всегда подсказывал».

– Это все? – спрашивает меня училка таким ехидным, противным голосочком.

– Нет, еще есть у позвоночника... Дима, пс, пс, Димон.

Димка – гад, даже не шолохнулся. Ухом даж не повел.

– Так, если кто подскажет, пять двоек сразу! – говорит училка.

«Да по мне, и так ни кто не собирався подсказывать».

– Тань, пс, пс, Тань, – решил я попытать удачу с другой стороны.

Тут меня ждал очередной провал. Она даже еще хуже Димки оказалась. Вообще развернула свою башню в другую

сторону и фыркнула вдобавок ко всему. Представляете?

– Ладно, Колбаскин, два.

– Но я же... Но я же ответил.

– Вы сказали про шейный отдел, да? Этого как раз хватает на двойку. Принесите мне дневник.

Ну че, делать-то нечего. Беру я портфель. Ковыряюсь там. По всем отделам ищу, а дневника нет. Нигде его не было, как я не старался его найти.

Я такой смотрю на училку, прям ей в глаза, в надежде, а вдруг в ней сострадание проснется, а она говорит недовольно:

– Ну, Колбаскин, я жду. Где дневник?

– Дома забыл.

«Хорошо, что забыл, к лучшему», – так я подумал. Но тут вижу, как Ларик-очкарик руку тянет.

– Да, чего тебе, Ромбин? – нехотя спрашивает училка.

– Наде- Наде -Надежда Але – кса- кса- ндровна, я-я мом-мом-гу от-от-нести Же-Же-ню до-до-мой, за-за-за дн-дн...

– Ты можешь отнести Колбаскина домой за дневником? – не вытерпела она.

– Д-да!

Вот думаю, засада. Уж лучше бы он заикаться перестал, а то нет же – телепорт недоделанный.

– Хорошо, – говорит она, – отнеси его домой, но только быстро.

Ну и вот, он, короче, подошел ко мне и спрашивает меня

своим лагающим голосом:

– Куд-куд-куда от-от-не..?

«Ну че, делать, видать, нечего», – подумал я.

– Напротив кинотеатра, – говорю. – Я рядом там живу.

Он кивнул своей овальной башкой, ухватил меня своей липкой и холодной клешней за руку – хлоп – и мы уже стоим возле кинотеатра.

– Я-я-я те-те-бя где-где-сь по-по...

– Я понял, подождешь, хорошо, – говорю, лишь бы побыстрее от него отвязаться.

Да уж, хорошо, что дома никого не было, а тож люлей сразу б и отхватил.

Вернулись мы как раз под конец урока. Все че-т довольные были чересчур. Только я один злой, как собака. Отдал, значит, дневник этой карге. А она улыбается такая вся, сияет аж. Поставила мне двойку чуть ли не на всю страницу, а потом говорит такая, что б я старался, мол, потенциал у меня есть. Вот че сморозила мне. Оно мне надо: «Потенциал». За потенциал по головке не поглядят.

Думаете, на этом всё закончилось. Ага, щас. Вы бы видели, как мы из класса выходили. Построились, значит, по парам, чуть ли не за ручки взялись, и вышли все так друженько прям. Комедия стопроцентная, точно говорю. Я по сторонам-то смотрел, остальные классы также выходили. Форменные зомбаки. Ну ладно уже, фиг с ним.

Пошли мы потом на скамейках посидеть, как обычно это делали. Побазарить там с ребятами можно было и прочей ерундой помаятся. Идем, значит, такие, уже подходим к этим скамейкам, а Димон вдруг выдает мне:

– Ты иди пока, – говорит, – а я с дамами пообщаюсь.

Ну вы слышали? С дамами! «Вот дает», – думаю. А лицо-то, главное, у него умиротворенное такое было и, типа, довольное собой. Аж очень захватить хотелось разочек по этой морде напыщенной, а мож, и поболее.

– Ну и катись, – говорю я ему. А он хоть бы хны, даж никак не отреагировал.

Он ушел, а я там, как дурак, встал посреди коридора. Стою, короче, и не знаю, куда тут деться. Огляделся я по сторонам, и вижу, что вокруг творятся нездоровые дела, а всем как бы плевать вообще. Стоял я вот так, стоял, как истукан. Стоял, очумевал всюду, и тут – бац – за руку меня схватила чья-то клешня, да так цепко ещё. Я аж там чуть до потолка не подскочил. Оборачиваюсь резко, смотрю – стоит девчонка прыщавая, в очках таких, с толстой оправой. Она из параллельного класса была, хорошо в учебе шарила, но я даже имени ее не знал. Ну, и я, короче, начал выдергивать свою руку, а она словно в тисках зажата.

– Ты че делаешь? – говорю.

– Не могу прочитать, – отвечает она, как какая-то помешанная.

– Че прочитать? – спрашиваю я и высвобождаю наконец

свою руку.

– Мысли и воспоминания, – говорит она так просто, типа, она всю жизнь этим занималась.

– А чей-то вдруг, ты должна их читать? – спрашиваю я скептически так очень.

– Потому что, это моя сверхспособность.

– Ну и че? Ха. Поверил я тебе. Тут в кого не ткни, у всех сверхспособность.

– Я знаю. Могу тебе доказать, что не вру.

– Ну давай, валяй, доказывай.

– Покажи мне, чьи мысли прочитаеть.

– Ладно, ну, вон, тот пацан, смазливый такой, среди кучи девчонок. О чем он думает? – я указываю на Димона.

– О футболе и о девушках.

«Ну ладно, в это я поверю», – сказал я себе.

– Ну ладно. А этот верзила, вон, который скачет по лестнице? – я указываю на своего младшего брата.

– О брате, которого хочет поколотить.

– Ладно, ладно, я тебе верю. А от меня тебе чё надо?

– Белую розу.

– Чё? Какую ещё розу?

– Белую, что б послезавтра ты мне её подарил.

– С чегой-то это вдруг?

– Лена сказала, – говорит она и указывает на девчину из одиннадцатого, которая сидела в окружении всяких-разных накрашенных девиц, – что если ты послезавтра утром,

в раздевалке, подаришь мне белую розу, то после уроков у нас будет свидание.

– Ого, – я скорчил, типа, изумленную гримасу, – А че, Лена эта, типа, будущие видит?

– Да.

– Ну а че, если я тебя сегодня позову на свидание, хотя я этого и не хочу или, скажем, завтра, или послезавтра, но без этой белой розы, то ты че, не согласишься, что ли?

– Нет, Лена сказала, что обязательно нужна белая роза и только послезавтра.

– И ты ей веришь, типа, прям на слово?

– Конечно, я прочла у нее мысли и все теперь знаю. Так что, подаришь мне розу?

– Ага, щас, разбежался. Давай, давай. Подарю, конечно, – съязвил я, махнул рукой и пошел от нее подальше.

«Вот дает, – думаю, – Белую розу я еще ей дарить должен. Ага, конечно. Мозги, что ли, от этих сверхспособностей у всех посворачивались?»

Ну а второй урок, короче, прошел ещё хуже первого. У нас была литра. Я ее терпеть не могу. Да и, вообще, кто её любит-то? Так вот, мы рассказывали стих. Оказывается, надо было его выучить, а я-то подумал, что просто прочитать. «Ну я ж калач-то тертый, вдоль и поперек», – так я сразу и подумал. Но училка эта оказалось еще свирепее, чем та предыдущая карга усатая. Никто даже пискнуть не смел.

«Что за сверхспособность такая у этих учителей?» – подумал я, глядя на своих смиренных одноклассников, которых вчера тока с урока выгоняли и к директору вызывали.

В общем, вскоре дошла очередь до Колбаскина. Ну я и пошел к доске. А обычно, как было? Мне с первой парты учебник повернут, а я и читаю стих потихоньку, типа, сам выучил. Там сидели обычно Ларик и Катька. Хоть они и странные, но ребята ничего так. Ну вот, значит, выхожу я к доске и подхожу к первой парте поближе.

– Кать, поверни, – говорю ей и пальцем так дергаю, типа, давай, давай, не медли.

А они такие вдвоем зыркают на меня, словно я какая-то макака в зоопарке. Только таблички с надписью и не хватает: Макакус Колбаскинус, родом из города Зурбинск, РФ.

– Поверните, пс, пс, – я тихонько псыкаю им.

Ноль реакции. «Вот гаденыши! – думаю. – Одноклассники еще называются».

– Что молчишь, Колбаскин?

– Вспоминаю, – говорю я спокойно, а сам уже в дикой панике.

– Название хоть помнишь? – издевается училка эта надо мной.

– Конечно. Пс, пс, Ларик, Ларик.

А у него лицо, словно камень, да и сердце, видать, тоже. «Всё, попал, – думаю. – Вот шлепанцы недоделанные».

– Ладно, Колбаскин, не мучай себя. Два тебе. Неси днев-

ник сюда.

– Пожалуйста, я сейчас посижу, повторю немного и расскажу.

– Нет, Колбаскин, четыре дня у тебя было. Давай дневник.

Прикиньте, что творят. Но это еще не все. Остальные как рассказывали, вы бы слышали. Я, честно, был в глубочайшем, беспробудном шоке. Вы представляете, Ванька, Ванька, этот юморист недоделанный, который и читать-то вслух не мог нормально, вышел и так рассказал, что сам автор этот, наверное, в гробу ему похлопал. Короче, все там получили 5 или 4 с плюсом, кроме меня, конечно. Что за жизнь-то такая?

Да, кстати, я еще одну двойку всхлопотал. Прикиньте. За то, что не смог проанализировать стих, который я не выучил. А знаете, кого спрашивали этот никчемный анализ? Колбаскина. Да. И только Колбаскина. Я ее, эту училку – сядовласку кривоносую, спрашиваю:

– А почему я опять отвечаю?

А она мне в ответ:

– Потому что у тебя нет сверхспособностей и ты – обычный, – вот, что она мне сказала, да так злобно еще.

– С чего вы это взяли? – спрашиваю ее.

– Все так говорят.

– Ну и ладно, да хоть бы и так. Но где здесь логика тогда вообще, в том, что я должен отвечать?

– Логика – не твое дело, – говорит. – Твое дело слушаться

и не пререкаяться.

Во как! «Ох, и навешает мне батя люлей», – подумал я в тот момент с толикой такой огромной горечи.

Глава 3. Я тоже хочу сверхспособности.

На перемену, честно сказать, я уже побаивался выходить. Мало ли, что там со мной сделают ненормальные эти. Нас, короче, опять построили, и мы вышли, как на выгул.

В общем, я твердо решил провести время с пользой. «Может, у меня все-таки есть сверхспособность?» – так я подумал. И всю перемену я пытался читать мысли, быстро бегать, управлять током, уменьшаться, летать, становится невидимым, растягиваться, как жеваная жвачка. Потом я врезал в стену кулаком и чуть руку себе не сломал. Пробовал поднять скамейку одним пальцем, как мой брат. Пытался пускать из рук воду, огонь, передвигать предметы, лазать по стенам и еще кучу всякой ерунды.

Короче, ничего не вышло. В итоге я сел на скамейку и стал очень сильно грустить. Вскоре прозвенел звонок, и я поплелся на физру. Все, естественно, были уже в форме и занимались всякой ерундой в зале, пока физрук пил десятый чай за утро, а, может, и курил за школой или в окошко туалета.

Честно признаться, уж лучше бы я не ходил на эту физру, хотя мне, вообще-то, всегда она нравилась, потому что я здесь что-то, да умел. А тут я, значит, переоделся и зашел

в зал. Моя бедная челюсть опять стремительно отпала вниз. Че я там увидел, не описать просто так. Я вообще-то думал, что половина одноклассников будет сидеть на скамеечках, как обычно это бывает. Типа, они болеют или просто сачкуют. Остальные же мячик будут в кольцо бросать. А я раньше любил так подходить к ним и показывать, где раки зимуют. Я довольно неплохо в баскет умел бацать. Ну, в общем, так я рассуждал, пока не зашел в зал. Оказалось, что у всех вдруг проснулось желание заниматься спортом.

И первый, кого я увидел, был Артур. Мелкий такой шмакодявочник, метр с кепкой. Что он там такого делал? Ну, он, значит, взял мяч баскетбольный в руки, подошел к кольцу, и как сиганет (без разгона, без ни чего), сделает в воздухе целых пять оборотов вокруг себя, и плавненько так опустит мяч в корзину. Я округлил глаза, и смотрю на остальных, и думаю, что сейчас все скажут: «Вау, во дает!» или что-то такое. Но нет, все продолжали заниматься своими делами, как будто то, что сделал Артур, это в порядке вещей. Вторым, кто меня очень сильно поразил, так это Анька. Раньше она была деревяхой, что даже мостик не могла сделать. А тут она такие кульбиты вымачивала, чуть ли не впятеро складывалась, будто у неё вообще костей-то и не было.

Ну, кто еще там, че делал? Владос, значит, прыжкам занимался. Он просто прыгал до самого потолка, и все тут. Любка на скакалке скакала, наверное, со скоростью света или быстрее. Лерка и Машка сразу по двадцать обручей крути-

ли, и не только на животе, но, и на руках, и на ногах. Миха на идеальный шпагат садился и делал всякие сальтухи и кувырки в воздухе. А Нинка прыгала в длину из одного конца зала в другой. Там еще много типов было интересных всяких, но рассказывать лень, да и вспоминать не очень-то охота.

Ну вот, короче, стоял я там опять, как истукан, и смотрел на них, варяжку раззявив. Наконец заходит физрук (форменная горилла) и издает такой, типа, рык: «Построится, быстро». И в свисток свистит. И все, значит, кроме меня, пулей на линию побежали. А я иду такой, задумался че-то, встаю, как обычно на свое законное место в начале колонны.

– Колбаскин!!! – кричит во всю глотку физрук (он всегда почему-то орал, как ненормальный), – мы по росту строимся, топай давай в конец колонны.

Я такой: «Че?» – говорю про себя и смотрю на одноклассников своих. Приходится аж задрать голову вверх, чтобы увидеть их противные рожи. А они, главное, тоже зырят на меня и лыбы дают. Что ж делать? Пошел я, короче, в конец колонны, к Артуру этому. И главное, странно, почему-то он тоже вдруг выше стал, так что я вообще, последним остался.

– Так, щас бегать будете, – говорит физрук, – двенадцать кругов, а ты Колбаскин – три.

Я стою и не вдупляю: «Что ж я второклассница, что ли, какая или дохляк второсортный?»

– А почему мне три?

– Потому что, ты – обычный, – говорит он.

– Ну и что, я тож двенадцать могу пробежать.

– Можешь, но только медленно, а ребята быстро бегают.

«Что за бред!» – думаю.

– Но...

– Отставить разговоры, – говорит он, – бегом марш.

И они, короче, рванули, как звери какие-то. Я пробежал два круга в обычном своем темпе, а эти уже двенадцать отбегали, прикиньте. Стоят, главное, и цокают, типа, я их задерживаю. Я-то их раньше всегда ждал. Цокают, гаденыши, представьте себе, даже Ларик этот, который после первого круга с ног обычно валился.

Ну, пробежал я, значит, три круга, вообще даже не устал и не запыхался. Встал я в колонну, то есть в её конец, а физрук смотрит на меня, как на ничтожество какое-то.

– Иди посиди, – говорит, – я пока с нормальными спортсменами позанимаюсь.

«Это они-то спортсмены? Килька дохлая». Прикиньте, да. А на днях, значит, горилла эта звала меня на олимпиаду по физре.

– Я тож хочу позаниматься, – говорю. Конечно, я не против посидеть, но это не тот случай. – Чем я хуже?

– Ты обычный, – говорит, – Еще плохо станет. Иди посиди.

– А как же нормативы и все прочее? – спрашиваю у него.

– Поставлю, – говорит, – Не мозоль глаза, иди садись, отдохни.

Что делать-то? Пошел я в итоге на скамейки. Подхожу, а там Димон сидит и улыбается во всю рожу. Сел я, короче, рядом с ним.

– Че ты сидишь здесь? – спрашиваю я у него.

– Потеть, – говорит, – не хотел. Девушкам это не нравится.

– Ничесе ты неженка! – говорю. – А как ты физрука уломал-то?

– Ты хотел сказать: «Вежливо попросил». Я подарил ему чай и плитку шоколада.

– Че ты брешишь. Где ты их взять-то успел?

– Попросил Ниночку из одиннадцатого класса слетать в магазин.

«Ниночку, фу, вот дает». И главное, я сразу понял, что слетать – это как бы в прямом смысле, а не, типа, быстро сходить или сбегать.

– А ты чем, Евгений, занимался? – спрашивает он меня опять своим вычурным, противным голосом.

– Пытался сверхспособность у себя найти. Видать, нет её у меня.

– Жалко мне тебя, – говорит он сердобольный такой. – Если ты что-то хочешь узнать про свои сверхспособности, то тебе надо обязательно сходить к Татьяне Павловне.

– К кому, к кому? К физичке, что ли?

– Да, – говорит и рьяно так кивает башкой.

– И на фига?

– Ты хотел сказать: «Зачем»? Потому что она знает, какие сверхспособности есть у каждого человека.

– А ты к ней, че, ходил уже, что ли?

– Да, вот на этой перемене сходил.

– Ну, и какая у тебя способность?

Как я это спросил, лицо его сразу стало шибко заинтересованное и довольное, аж опять рубануть по нему захотелось.

– Обольстительность, обоятельность, обходительность, знаток футбола, ум, большая сила и еще несколько менее важных, – говорит он и загибает свои холенные пальцы.

Я сижу и пялюсь на него. Бабник, значит, умник, качок, футболист и еще какой-то.

– А не многовато ли? – спрашиваю.

– Нет, у многих еще больше.

– Ты че прикалываешься?

– Ты хотел сказать: «Шутишь»? Нет, я говорю серьезно.

– Мда, а мысли там читать или еще че в этом же роде, многие умеют?

– Если я не ошибаюсь, то да, многие.

– Летать тоже?

– Да.

– Предметами управлять?

– Да.

– Телепортироваться?

– Да.

– И все сильные теперь?

– Да.

«Ну зашибись!», – думаю. У всех по пять, десять, двадцать штук способностей, а у меня ни одной.

– Ну и че, когда я могу к физичке этой сходить?

– К Татьяне Павловне? К ней можешь прям сейчас идти.

– А ни че, что у нее урок?

– Нет. Она отменила все уроки на сегодня и проводит консультации по сверхспособностям.

«Точно мозги набекрень у всех посьезжали, – думаю. – Уроки вон уже отменяют».

– Ты че, серьезно?

– Да.

– А директор что? Ей по фиг, что ли?

– Ты хотел сказать: «Все равно». Нет, она сама разрешила и первая проконсультировалась.

Я полностью опупевал в тот момент времени. Что б наша-то деректриса, да и занятия отменила. Она уж лучше, наверное, жабу сожрет или тухлую рыбёху схавает. А тут на тебе.

– Ладно, Евгений, я отлучусь в уборную, – говорит мне Димон так официально, типа, собрание у нас здесь на скамеечках какое-то.

– Ага. Мог бы и не говорить. Иди давай, не промахнись там, суперметкий.

– Спасибо, Евгений, – говорит он серьезно так, типа, не за-

мечает, что я его подкалываю. – Удачи тебе в твоих начинаниях.

– Ага, и тебе не хворать.

Ну и пошел он к физруку. Подошел, значит, к нему, а тот че-т заулыбался сразу, обрадовался даже, руку ему пожал, по плечу похлопал, еще раз руку пожал. Потом еще махал Димке, когда тот уходил. «Что происходит в этом безумном мире?» – подумал я.

И вот, сижу я там один и размышляю: «Что мне реально идти к этой карге и спрашивать про эти дурацкие сверхспособности? А вдруг у меня их нет. Че делать тогда? Да нет, должно же что-то быть, раз у всех есть.

Короче, пока я там сидел на скамейке и напрягал мозги думами серьезными, мои однокласснички, которые до вчерашнего дня не могли гантелю пятикиллограммовую поднять, подтягивались. И что тут такого? Да ничего такого. Я со счета сбился, когда считал, сколько раз они подтянулись. А сбился я на ста двадцати пяти. Наверное, потому что мой мозг отключился. Вот так вот. А потом они стали отжиматься.

– Упали, отжались, двести раз, – крикнул физрук.

Я очумел от такой цифры. Это ж, типа, кем надо быть, что б столько раз отжиматься.

Одноклассники же, как услышали эту команду, так все с турников сразу, и поспрыгивали, и на пол упали. Но тут я думаю такой: «Фиг им, не смогут, после подтягиваний-то».

А нет, двести раз как миленькие, даже девчонки, прикиньте. Ну, а как они пресс делали, рассказывать лучше не стоит. Одно могу сказать: в тот момент моя самооценка упала ниже нуля, а то и намного ниже.

Потом они начали в баскет играть, в основном, пацаны. А девчонки пошли, типа, отдыхать. Ну и одна – Катька, села рядом со мной и по плечу меня похлопала, тип, приободрила. Да так она похлопала, что ключица моя чуть не рассыпалась.

– Не переживай, – говорит она, – обычным тоже неплохо быть.

– А чей-то ты так уверена, что я обычный? – спрашиваю ее раздраженно.

– Все так говорят.

– Кто это все?

– Да все, кого не спроси.

– Ааа, ну ясно-понятно.

– Да ты не обижайся, – говорит.

– Я не обижаюсь.

– Да прям, я же вижу, с каким грустным личиком сидишь, только слезок и не хватает.

– Ага. Конечно. Чушь не городи.

– Не стоит завидовать. Ты что не знаешь? Большая сила – большая ответственность.

Прикиньте, че сморозила. Ну и муть голимая. Типа, у нее ответственность какая-то там. «Кем себя возомнила-то?» –

думаю.

– Кать, что-то ты ерунду городишь, – так прямо и высказываю в ее наглое, хоть и красивое лицо, а ей хоть бы что. Сидит она и продолжает на меня смотреть, главное, еще жалостливо так, будто я какая-то собачонка хромая.

– Ничего, все образуется, и на твоей улице будет праздник, – сказала она какую-то очередную чушь и похлопала меня по спине, типа, опять приободрила. Чуть ребра, короче, все мне не переломала. А потом пошла обручи свои крутить. Сто штук или больше.

После этого дурацкого разговора я понял, что надо все-таки сходить к физичке и всё выяснить самому. Но сначала надо было отпроситься у физрука.

Встаю я, значит, и иду к этому шкафоподобному физруку, а он сидит на стуле: свисток в зубах и кружка чая в руке. У него вообще-то фиг когда отпросишься, сварливый такой мужик. Подхожу я, короче, к нему и говорю:

– Борис Алексеевич, можно мне к Татьяне Павловне сходить?

Он же сразу, как услшал это, резко подскакивает такой и глаза на меня выпучивает. Но стоит заметить, что чай он не ни капли не раплескал, хоть и кружка у него почти полная была.

– Конечно, Колбаскин, хочешь узнать про свои сверхспособности? – спрашивает меня. – Но у тебя ж их нет!

– Почему вы так уверены?

– Все так говорят.

– Ага, слышал уже. Ну, так мне можно идти или нет?

– Да, иди, конечно. Хотя стой, подожди. Ребят, Колбаскин уходит! – кричит он этим заморышам-переросткам, и они все к нам бегут. – Он идет к Татьяне Павловне узнать про свои сверхспособности.

– Так он же обычный! – выкрикивает Сашка.

– Нет, может у него все-таки есть какая-нибудь маленькая, малюсенькая, малипусенькая способность, – говорит Катька.

– Да не, вряд ли, – говорит Степка.

– Ага, в носу ковыряться, что б другие не видели, – говорит Ванька и ржет, как конь педальный. Вот же скотина шелудивая.

Все тоже гогочут. Гиены форменные, одним словом.

– Ну, иди уже! – влазит своим противным, скрипучим голоском Янка.

– Может тебя донести? – говорит Ванька. «Вот удот!» – А то устанешь по дороге?

– Идите вы... – говорю я раздосадованно.

Меня это, короче, что-то шибко разозлило, и я развернулся, и резко вышел из спортзала, и пошел в раздевалку. Иду, главное, и слышу, как они там радуются. Мне, вроде, даже показалось, что кто-то сказал: «Наконец-то он ушел!». Вот и называй их одноклассниками после этого.

Глава 4. Поехавшая физичка.

Подошел я, значит, к кабинету физики. Всегда меня тошнило от этого помещения. Там вечно почему-то холодно, тоскливо и ничего непонятно. Понять эту физику вообще не реально, скажу я вам честно. Ладно, подхожу я к нему, а там очередь. Прикидываете? Очередь. Больница, что ли, какая? Пять человек – шмакадявки все мелкие. «А учится, когда они будут? Куда учителя-то вообще смотрят?» – думаю я про себя и становлюсь в конец очереди. И тут же я слышу, как одна мелкая спрашивает шепотом у другой:

– Это он, да?

– Да, – говорит другая, – не тыкай пальцем.

И вся эта мелочь начинает посмеиваться. Серьезно, стоят и посмеиваются. Шепчутся еще. Совести вообще нет. Мелкие девчонки называется. Я, конечно, делаю вид, что не обращаю внимания. Буду еще с мелкотой всякой связываться.

Тут вдруг дверь кабинета открывается, и оттуда выбегает мелкий пацан, шпендель такой, и кричит во всю глотку:

– Урааа! Я могу иголками пуляться!

И как начнет руками махать, и повсюду иголки летят, во все стороны. А девчонка одна сразу силовое поле выставила и закрыла всех, кроме меня, естественно. И мне одна иголка прям в шею впилась.

– Ай, ты че творишь? – говорю я ему и достую иголку. Она на иголу кактуса чем-то была похожа, сантиметра два длиной.

Знаете, что дальше было? Этот мелкий засранец смотрит на меня, да так с ухмылочкой ещё, и говорит:

– А, это ты, обычный. Не парься, до свадьбы заживет.

Прикинте, че сказал. Какой на фиг свадьбы. Мне б до нее хоть дожить, а в такой обстановке это вообще маловероятно.

Че-т, короче, меня эта ситуация вывела из себя в конец. Я просто взял и пошел к двери напролом. «Буду ещё – думаю, – ждать этих невоспитанных шмакодявок». Я думал, вообще-то, что они как бы вякать начнут, а они поодскакивали все в разные стороны, будто я заразный какой-то. Ладно, мне-то и лучше.

Ну я и зашел в кабинет, и захлопнул за собой дверь. Зашел, я, значит, туда и не вижу ничего. Темень там какая-то стоит. Только портреты этих умников – ученых в рамках светятся.

– Проходи, Колбаскин, – говорит физичка таким странный голосом, типа, с эхом еще каким-то.

– Куда? Я ничего не вижу, – говорю.

– А, извини, я забыла, что ты в темноте не видишь, – сказала она и хлопнула в ладоши. Сразу зажглись какие-то лампы, типа, масляные, что ли.

«Че тут устроила?» – думаю.

Я подошел к её столу и сел рядом на стул. А на столе, значит, у неё вообще какой-то бардак был. Палочки какие-то дымящиеся стояли. Воняло от них жутко. И еще какие-то фигурки странные были, и трава сухая лежала. То есть, вооб-

ще че-т нездоровое там творилось, в этом и так ненормальном кабинете.

– Зачем пришел? – спрашивает она меня своим эховитым голосом и сверкает глазенками.

– Хочу узнать если у меня сверхспособность...

– Нет, ты – обычный! – говорит она резко, не успел я даже вопрос закончить.

– Вы уверены?

– Да. Как ты посмел сомневаться в моих способностях? – сказала она громко, и у нее, типа, глаза ещё красными вдруг стали.

– Да не сомневаюсь я, просто уточняю, – отвечаю ей успокоительным тоном, а то мало ли, что эта поехавшая физичка может тут сделать со мной.

– Ладно, ладно, – говорит она и сразу обхватывает мою бошку рукой.

Держала она меня так, наверное, с минуту. А потом, значит, клешню свою опустила резко, и ещё как бы обессиленно так. Как макоронина, короче, она у неё болталась.

– Нет, я ничего не чувствую, а мои способности не действуют только на обычных.

– В смысле не действуют? – спрашиваю я.

Она посмотрела на меня, как на тупицу, и цыкнула ещё.

– Скажи, ты не замечал, что люди не могут твои мысли читать, видеть твое прошлое и вообще не могут на твой разум воздействовать?

– Ну да, вроде. Но меня ж телепортировал сегодня одноклассник?

– Это другое, – говорит.

Я сижу и дыню свою чешу.

– Что я, типа, как та девчонка с вампирами? – спросил я и усмехнулся по-дурацки.

– Не понимаю о чем ты.

– Ладно, ладно, ни о чем. Так что мне делать?

– Не знаю.

– А я могу как-нибудь получить сверхспособность?

– Не знаю.

Ну я, в общем, почувствовал, что разговаривать дальше бесполезно, да и физичка че-т без настроения стала.

– Ладно, – говорю, – я пошел. Спасибо.

– Не за что, Колбаскин, – сказала она и тяжело вздохнула.

Вот тут-то она была права, действительно, не за что.

Вышел я, значит, оттуда, и звонок прозвенел. Урок закончился. А шмакодявочки эти стоят до сих пор и лупят на меня своими глазенками мелкими.

– Ну, что? – спрашивает одна из них, самая, видать, противная. – Обычный ты, да?

Я прошел мимо них и даже взглядом не удостоил. Буду еще с ними связываться. Мелкие какими-то ушлыми стали вообще. Наглые такие.

Глава 5. Обычные не одиноки.

Ну вот, значит, иду я по лестнице вниз и думаю: «Пожрать хоть надо, что ли. А то нервы эти, аж жрать хочется, как собаке. Может, хоть в столовке поспокойнее будет».

Короче, прошел я опять через весь этот хаус, который творился там в школе, и в итоге подошел к столовке. «Большая перемена все-таки, – думаю, – столовка должна быть битком забита». Зашел я внутрь, а там пусто оказалось, как и у меня в желудке. Только один стол вдалеке и стоял. За ним каких-то два жирных чувака точили булки вовсю. Ну я к ним и подошел.

– Здравов, пацаны. А че никого нет? – спрашиваю у этих желудков ходячих.

– Есть никто не хочет, – отвечает мне один их них.

Другой даже не посмотрел на меня, а только продолжал усиленно жрать, как будто у него отберут эти булки.

– Почему? – спрашиваю я и сажусь рядом.

– А ты че, – он откусывает полпиццы и жамкает её, – не знаешь? У всех теперь такой метаболизм: хочешь – ешь, хочешь – нет.

– Ты прикалываешься, что ли?

– Нет, – говорит и закидывает в топку остаток пиццы.

– А вы че здесь тогда сидите?

– У нас сверхспособность такая – есть сколько хочешь.

«Ну и сверхспособность, – думаю. – Этим лишь бы по-жрать».

– А вы там булки-то еще оставили в буфете? – спрашиваю

его, хотя и догадываюсь, что он мне ответит.

– Нет. Все забрали. Да, ты бери, угощайся, – говорит он мне любезно так.

– Ладно, – говорю я и беру первую попавшуюся булку с вершины этой мучной горы. Пирожок с повидлом. Мой любимый.

– Спасибо.

– На здоровье.

Сидим мы, хаваем, короче. Он мне даже стакан чая пододвинул, тип, чтоб не в сухомятку. Заботливый, видишь ли, такой. А тот другой даже голову ни разу не поднял, жрет и жрет без продыху.

– Так ты че, реально, обычный? – спрашивает он меня и закидывает сосиску в тесте целиком себе в пасть.

«Откуда они все это знают?» – спрашиваю у себя.

– Да. Ну и че? – говорю я недовольно.

– Да ни че. Тяжело, наверное, так жить?

Офигеть, да? Как будто они уже всю жизнь с этими сверхспособностями дурацкими. А эти-то вообще жрать только и умеют.

– Да нет, – говорю, – нормально. Всегда так жил и дальше буду жить.

– Да прям?! – говорит и забрасывает кекс к себе в глотку. Я же пока только пол-пирожка успел съесть. – Неужели не хочешь сверхспособности, как у всех?

– Зачем? – говорю, – Мне и так нормально. Буду я еще

всякой ерундой заниматься.

– Да ну, – говорит, – скучно же.

– А че скучно? Говорю ж, нормально мне и не скучно.

– Ну не знаю, всем охота быть особенным.

– Булочки тоннами жрать – это, что особенность такая, что ли?! – чуть ли не кричу я. – Все сверхспособные, а продолжаете ерунду всякую делать.

– Да что ты? – говорит он мне так спокойно, что аж раздражает еще больше. – Не злись по пустякам.

– Да ну тебя! – сказал я и залпом осушил стакан (хорошо, что в столовке чай у нас всегда был остывшим) и взял, короче, еще один пирожок, встал и свалил оттуда. А этот в след кричит мне, типа, не отчаивайся, мол, все у тебя будет хорошо. «Ага, конечно, если б я булки тоннами жрал, то уж точно все у меня было бы хорошо».

Ну я и вышел из столовки очень прям злой. Встал там перед входом в неё и начал рвать зубами этот бедный пирожок. Сожрал я его и думаю: «Надо жить дальше. А че еще делать?»

Пошел я тогда к расписанию, потому что забыл какой у нас следующий урок. Подхожу, смотрю, а там, значит, на полдоски объявление приклеено.

ВНИМАНИЕ!!! СОБРАНИЕ ДЛЯ ОБЫЧНЫХ В АКТОВОМ ЗАЛЕ В 11.20. ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНО. ВСЕ ОБЫЧНЫЕ ОСВОБОЖДАЮТСЯ ОТ ЗАНЯТИЙ.

«Ничего себе, – думаю. – Так серьезно прям, что ли, всё

это?».

Смотрю я на мобилу- 11.16. «Ну а че еще делать-то? Пойду, раз говорят. Может, че полезное там узнаю».

Ну, и пошел я к актовому залу. Иду, а коридоры пустые почему- то. Никого нет, вообще пусто.

Пришел я в итоге к этому залу, смотрю, а там толпа народа стоит. Учителя все, главное, школьники. Да все там были. Вся школа, короче, собралась. Начали они передо мной расступаться, типа, проводы какие, на войну там или еще куда. И все они ещё че-то так переговариваются, посмеиваются, а некоторые наоборот такие жалобные, грустные лица сделали.

– Крепись, Колбаскин! – кричит мне какой-то амбал.

– Да, не унывай, – поддерживает его девчонка такая неказистая.

И тут, короче, вылезит ко мне Ванька, хохмач этот недоделанный. Идет он впереди меня, и кричит:

– Дорогу, дорогу, расступись, обычный человек идет!

«Вот, гад. Ослиная моча».

– Заткнись! – говорю.

– Да ладно тебе, – говорит, – я тебе даж дверь открою.

И он реально открывает дверь и делает такой, типа, поклон. Все гогочут, даже учителя эти. Но тут звонок звенит, и все они сразу же срываются с места, и через две секунды никого уже нет.

Я, короче, зашел в этот актовый зал, а там пустота зияю-

щая. Но на первом ряду кто-то сидел, какие-то мелкие шмакодявки. «Поржать, что ль, пришли? Опять мозги клевать будут – думаю. – Сейчас я им всыплю».

– Вы кто такие? – спрашиваю я у них.

– Мы – обычные, – говорит мелкая девчонка.

– Да, – поддакивает пацан в квадратных очках.

– Садись, – говорит мне эта малявка и хлопает ладошкой по стулу рядом с ней, типа, я собачонка какая-то.

Ну и я, конечно, сел на другой ряд. Как только я сел, на сцене из неоткуда появилась наш завуч, такая-то такая-то. Не помню, как ее звали. Она всегда вела эти бесполезные и скучные концерты и конкурсы: какие-то там викторины, и мисс того, и мисс сего. Одета она была, значит, в красный плащ и прическа у нее дурацкая была, типа, хохолка какого-то, а на шее еще кулон стремный висел. То есть разоделась она, как курица петушина.

– Здравствуйте, дорогие друзья, – сказала она в микрофон.

Зачем ей этот микрофон нужен был, так я и не понял. Главное, смотрела она не на нас, а вдаль куда-то.

– Вы обычные, – говорит. – Это факт. Я даю на обсуждение этого вопроса пятнадцать минут, время пошло.

Звук гонга, короче, раздался и она – завуч эта, сразу куда-то делась. То есть не ушла, а просто исчезла. «Форменный идиотизм», – думаю. Я повернул свою башку и посмотрел на этих мелких, а они тоже на меня вылупились, такими же

выпученными шарами, как и у меня.

– Что делать будем? – спрашивает девчонка.

– Не знаю, как вы, – говорю, – а я домой пойду.

– Не получится, – говорит пацан, – мы пробовали уже выйти.

– Не носи чушь, – говорю я и иду к двери, уверенный такой в себе.

Подошел я к двери, дергаю ручку. Не поддается. Сильнее дергаю, потом толкаю дверь плечом, стучу руками и колочу ногами.

– Обсуждайте вопрос, тогда выпущу, – слышу я голос завуча, который, типа, эхом по всему залу расходится.

– Вы че с ума сошли, что ли?! – кричу я.

Ответа нет. Все ровно, что стенке говорить.

Ну и че? Бестолку же. Пришлось мне вернуться к малявкам этим.

– Ладно, – говорю им. – Как вас зовут, хоть?

– Я – Настя.

– Я – Леша.

– Понятно, а я – Женя. Сколько вам лет.

– Мне 8, – говорит мелкая, – я во втором классе учусь.

– А мне 12, я в шестом учусь.

«Да уж, ну и мелкая рыбешка мне попалась», – подумал я.

– Вы уверены, что вы обычные? – спрашиваю я у них.

– Да, – одновременно отвечают они.

– Мы были в том ужасном кабинете, – говорит Настя.

Слышали, а я что говорил? Устами младенца, так сказать.

– А что нам делать? – спрашивает Леша.

«Вот и повезло же, – думаю, – мне с напарниками такими».

– Я откуда знаю. Ты ж у нас умник, твоя рожа все время весит на стенде возле расписания.

Он, вроде, как немного даже обиделся, хотя я ж комплимент ему сделал.

– Я не знаю, – говорит он.

«Олимпиадник называется».

Ну и мы, короче, тупо сидели там и молчали. Минут, наверное, так пять. Типа, думали, как быть дальше.

– Может нам к метеориту съездить, – вдруг говорит Настя писклявым своим голоском.

– Зачем? – спрашиваю я.

– Может, что-нибудь обнаружим, у ученых спросим, – тут же подпердывать Лешка этот начал.

– Ага, конечно, эти ученые сами ничего не знают, только вид делают. Да и как мы вообще, к этому камню подберемся? Там же, наверняка, всё огорожено.

– Нет. Ты что, новости не смотришь? – говорит Настя и достает из портфеля лопату огромную, хоть щас картошку копай.

– Для чего тебе такой мобильник большой? – спрашиваю я у нее. – Ты ж в первом классе еще только?

– Во втором! – отвечает она рассерженно немного. – Он

мне для учебы нужен.

Ага, как же, все так говорят. У меня, вообще, в её возрасте, тетрис был, и нормально. Да и сейчас – кнопочный мобила, и не жалуясь.

Короче, достала она эту лопату и начала показывать мне и Лешке видео какое-то. Там куча народу, значит, просто шатались вокруг этой каменюги и фоткались. Ученные эти, главное, тоже фоткались и в камеру махали. Еще летали там в небе всякие люди. Дурдом, одним словом.

– Ладно, – говорю, – я понял. Тогда завтра туда съезжу и посмотрю че к чему.

– Мы тоже поедем, – говорит Лешка своим полумоманым, басовитоподобным голосом.

– Нет.

– Да, – опять пищит эта мелкая. – Мы тоже обычные! Мы должны быть вместе!

– Я не собираюсь с вами нянчиться.

– И не надо, мы просто будем рядом и поможем тебе!

Она чем-то напомнила мне сестру. Такая же упрямая, как ослишка какая-то.

– Ладно.

Как, я это, сказал, так прям перед нами появилась вдруг завуч. Мы аж подпрыгнули все от испуга.

– Обсудили? – спрашивает она нас своим эховитым голосом.

– Да, – отвечает Настя. – Мы завтра утром туда поедем,

куда метеорит упал.

– Утром мы не сможем, – говорит Лешка, – у нас же уроки.

– Об этом не беспокойтесь, – говорит завуч. – Вы освобождены от занятий до тех пор, пока не станете нормальными.

Я, конечно, был рад такой приятной новости. Кто хочет на эти уроки вообще ходить? Но вот что-то последние её слова мне не очень понравились.

– Мы и так нормальные! – говорю я ей, точнее, чуть ли не кричу.

– Нет, вы обычные! – говорит она грозно и исчезает.

Дверь позади нас открывается.

Эти двое малявок как-будто прилипли к стульям. Сидят и чуть ли не плачут. Ну я и решил свинтить по-быстрому, то бишь избавиться от этой назойливой мелкоты. Я встал и пошел к двери, по-тихому так. Вышел, значит, и тут меня за рукав тянет кто-то. Смотрю – мелкая эта прицепилась. А позади нее очкарик плетется.

– Ты забыл? – спрашивает Настя. – Нам теперь надо быть вместе.

– Не надо. Идите домой, – говорю.

– А когда мы завтра встречаемся? – спрашивает олимпиадник этот.

– Нуу, давайте в 9, возле кинотеатра.

– Хорошо, – сказали они почти одновременно.

Я пошел, короче, в раздевалку, а они за мной опять та-

щатся. Переобуваться я не стал (обувь уличная развалилась же от какой-то кислоты). Просто, значит, курточку накинул и вышел из раздевалки, а эти двое стоят передо мной одетые и ждут. Хатики какие-то, честное слово. А как они так быстро переоделись, ума не приложу.

Я посмотрел на них, посмотрел и пошел, а они возле меня прутся. И, главное же, не отстают, хоть я и старался быстрее идти.

Лешка, ботан этот, в итоге отвязался первый. Сказал, что где-то там живет – возле реки. А эта шмакодявка осталась со мной.

Мы идем с ней, а на улице тот же бедлам, что и утром был. И тут эта мелкая начинает мне заливать всякую ерунду. Рассказывает мне, типа, про маму свою. Про то, что она крутая нынче стала, то и это умеет делать. Предметами там управляет, быстро бегает, в невидимку превращается, поет отлично, пляшет, вяжет и всякую ерунду еще, короче, научилась делать.

– А папа что? – спрашиваю.

– Папа, – говорит она грустно, – ушел два года назад к тете Ларисе. Мама сказала, что они теперь дышат под водой и быстро плавают, поэтому они уплыли в Америку.

– Че серьезно?

– Да.

Абсурд, да и только.

– А ты вообще как к этому относишься? Ну, в смысле к то-

му, какими люди стали, да и к сверхспособностям этим? – спрашиваю я у Насти.

– Хорошо, – говорит она. – Это же прикольно, когда сверхспособности есть. Но люди некоторые злее стали.

– Кто?

– Учительница моя. Она меня сегодня наругала за то, что я чихнула и не извинилась. А я и не знала, что нужно извиняться. Она накричала на меня, и я всю перемену плакала. Раньше она добрее была.

Да уж, что-то она меня совсем расстрогала. Мелкая она еще для всего этого.

– Может тебе портфель помочь понести? – предложил я.

Она же посмотрела на меня, улыбнулась и говорит:

– Нет, спасибо, Женя, я сама. Вон мой дом уже. Я пошла.

Пока.

– Пока, Настя.

Я посмотрел ей вслед. Тоже таким мелким был когда-то. Проще как-то было.

Глава 6. В семье не без уroda.

Поднимаюсь я домой, а на уме одно: «Лишь бы дневник родаки не спросили». «Хотя ж рано ещё», – вспоминаю. – Мама на работе, батя спит, наверное». Ну и захожу я, значит, домой, вешаю куртку на крючок, снимаю свои туфли...

– Привет, сын, – говорит отец. Он выходит из кухни и идет в зал, а в руках тащит бутылок десять пива.

Я, конечно, очумел немного.

– А не рановато ли, пап? – спрашиваю я.

– Не, – говорит, – я теперь не хмелею, хоть сколько пей, все равно.

– Ааа, понятно.

Я уже не шибко удивляюсь дурацким сверхспособностям. Насмотрелся за день.

– А че ты не спишь? – спрашиваю его, а он даже не смотрит на меня. Сидит, глушит пиво и зырит в телик. В общем, как обычно.

– А мне теперь спать почти не надо. Я это, сова как бы, – говорит.

«Сова». Прикиньте?

– А как на работе, спокойно?

– Какой спокойно?! Зеки все взбунтовались. Кто металлом управляет, кто огнем дышит, кто ножи из рук метает, кто прутья гнет голыми руками. Ужас полный! Хорошо хоть телепортов или бегунов этих не было. Но мы тож, сынок, не промах. Усмирили их по-быстрому. Сахарков им камеры изо льда сделал. Теперь они там и кукуют.

Я стою и не верю своим ушам. «Камеры изо льда? Это еще чё такое?»

– Но там же холодно, – говорю.

Зеков-то тоже жалко.

– Не, – отвечает так самодовольно, – я им там подогрев смастерил. Как в шоколаде они там. Одиночка для каждого.

Мечта. А ты что не на уроках?

– Отпустили, – говорю, – потому что я обычный.

У него аж пиво из рук выскочило, как он это услышал. А сам подскочил такой резко и говорит:

– Как так?

– Да вот так.

– Не может такого быть, – говорит папа и качает головой, тип, не верит, – что б у моего сына и не было сверхспособности?

– Ладно, что ты так расстраиваешься.

Он, значит, весь раскис, как хлебный мякиш, и повалился в кресло, и за голову схватился, будто я помер вообще.

– Пап, ты че?

– Ступай, – говорит, – горе мне это пережить надо.

Вот это горе: сын обычный.

– Пап, а дневник посмотришь? – говорю я. «Мож, хоть так его растормашу, – думаю. – Эмоциональная встряска какая-никакая».

– На что мне твой дневник? – говорит. – Ты ж обычный, наверняка, там двойки одни.

И снова качает головой.

«Ну ладно, – думаю, – раз такое отношение, то и в комп можно будет подольше поиграть, а то я ж теперь обычный».

Ну и пошел я к себе в комнату, переоделся и сел за комп. Не шибко-то, часто я вообще в комп играл, но иногда-то можно было. В танчики там одни любил рубится по сетке.

Хорошо получалось, главное. Медалей полно было и других всяких наград.

Ну и вот, короче, врубил я комп, захожу в эту игру. Выбрал танк, карту, загрузился и поехал. Проехал метров пять и меня тут же загасили. И знаете, че я услышал? А услышал я такой тоненький, чуть ли не девчачий голосок. Этот голосок сказал мне: «Женя 2475, ну ты и школота!». Прикиньте? Какой-то шмакодявочный ободранец назвал меня школотой. Меня, естественно, сильно бомбит, и я хочу в ответку что-нибудь сказать, а то че, оборзели же совсем. Но только я начинаю говорить, как меня выкидывают в ангар. Я вообще офигел. Ничего-то сказать даже не успел, сразу бан, значит.

«Ладно, – думаю. – С кем не бывает». Взял я другой танк, пониже уровнем. Загружаюсь. Интернет немного тормознул, и я на пять секунд дольше грузился. Подождал, загрузилось, смотрю, а танк уже горит. «Что за ерунда?» – думаю. Ну и начал я следить за другими танками. Мне аж дурно чуть не стало после увиденного. А что там такого было? Ну, начнем с того, что около десяти танков просто-напросто летали в небе, как самолеты какие-то и стреляли друг в друга. Еще там был один танк, который по-тихому так заныкался за зданием, а потом он просто стрельнул, и снаряд полетел прямо, а затем повернул направо. Реально, направо, под девяносто градусов, снаряд этот, и подбил другой танк. Другие там через стены стреляли или прям под землю уходили, типа, кроты какие-то, а потом вылазили на другой стороне карты.

Некоторые, вообще, невидимыми могли становиться. А с какой скоростью они ездили, я ж офигел. Формула 1 позавидовала бы. «Что за читы такие дикие-то?» – думаю. – Совсем меры не знают. Ладно там стрелялка какая или стратежка, но танчики. Это ж почти история-то».

Ну, в общем, что-то меня всё это дико разозлило. Я комп просто из розетки выдернул и всё. И знаете, че я сделал тогда? Сам даже не верю. Книгу взял, короче. Представьте, как они меня все довели. До ручки дошел. А мне эту книжку мама положила, типа, что б я просвещался. Намек такой тончайший, что я как бы туповат.

Лег я, значит, на кровать и начал читать эту какую-то стихотворную муть про своего теску. А он еще тем гадом оказался. Главное же, увлекся даже, интересно было, но все равно заснул где-то на середине.

Просыпаюсь я такой, а на улице темно уже. «Ничесе, – думаю, – поспал». Смотрю на часы – еще четыре только. Бац – снова солнце засветило. «Вот дундуки, делать им, что ли, больше нечего?»

Вышел я из комнаты и слышу, что мама уже пришла, и они с папой что-то там очень рьяно обсуждают. «Меня, наверное, а кого ж ещё. – подумал я – Это я ж всегда у них плохой и во всем виноватый».

Хотел я, вообще, на кухню идти, но че-т на глаза не хотелось им раньше времени попадаться, а то, как обычно, началось бы. Ну я и решил к мелким сначала зайти, проверить,

что там с ними. Поэтому я постучался в их дверь.

– Да, – говорит деловая эта колбоса, то бишь сестренка моя.– Войдите.

Вхожу я, значит, а Надя сидит на кровати и читает книжку, да, так внимательно еще, как будто понимает, что там написано.

– Ты че, читать умеешь, что ли? – спрашиваю я у нее.

– Да, конечно, – говорит она, как ни в чем не бывало, типа, вообще, с пеленок умеет читать.

Ну да, правда, глупый вопрос этот. Раз с котом разговаривает, так и читать умеет в 5 лет- то.

– Че читаешь?

Она мне показывает книжку, которую я только что читал. Совсем взбрендила. В таком-то возрасте и такую муть читать.

– Взяла, – говорит, – пока ты спал. Если ты не против?

– Не против, но тебе рано еще такое читать, – говорю я и выхватываю у нее книгу.

– Мямамяма, – начинает она канючить, – отдай, интересно мне.

– Сиди, – говорю, – мелкая, не вякай.

Она сразу надулась вся, как эта рыба-еж, короче. Руки свои мелкие сложила на груди и в сторону отвернулась. Дудка такая, видишь ли.

– Ладно тебе, – говорю, – я тебе другую книгу потом принесу. Хорошо?

Она дуется и не отвечает. Характер показывает.

– Надя, Надя, Надька, – говорю я и начинаю её шикатать в боках.

Она извивается вся, но все равно, типа, дуется.

– Хватит, – говорит, – щекотно.

Я не перестаю, и она смеяться начинает.

– Ты не дуешься на меня? – спрашиваю.

– Нет, – говорит она и сразу добавляет: «Почти».

– Ну и то хорошо, – говорю я. – Что у тебя там в садике сегодня было?

– Рисовала, – говорит она, да так, типа, скромно, – хочешь посмотреть?

– Ну давай.

Она обрадовалась, соскочила с кровати, залезла в свой мелкий портфельчик и протягивает мне альбом. Я открываю его, и у меня опять шары выкатываются из моих бедных глазниц. Смотрю, короче, на рисунок, а там Барсик сидит на фоне какого-то леса и поля. Чистой воды кошачья Мона Лиза. Главное, он довольный такой, что и не поймешь, то ли он улыбается, то ли нет. И смотрит так на тебя, что аж стремно становится.

– Ну как? – спрашивает меня сестра.

Я сижу, молчу. Глазам не верю. Такие линии, цвета, тени и все прочее.

– Женя?

– А да, да. Естественно, – говорю такой и глаз че-т дерга-

ется.— Когда ты так научилась рисовать?

— Я всегда так умела! — гордо она так восклицает.

Ага, это она-то. Во дает. До этого, неделю назад, показывала мне рисунок, типа, нашей семьи. Палочки одни и кружочки. А Барсик наш состоял из овала, круга, загогулилки, точек и четырех палочек. И тучка, солнце такое еще, ни к селу ни к городу, и птицы в виде запятых летят. А тут те на. Всегда она так умела.

— Молодец, — говорю и приобнимаю ее за плечо. — Красивая картина.

Сестренка все-таки моя, не буду ж я её обижать.

— Спасибо, — говорит она, типа, застенчиво и убирает альбом обратно.

Я же встал, и подошел к окну (надо было размяться после такого потрясения), и стал смотреть, че там на улице происходит. Да уж, картина там была, как говорится, маслом. Форменный, умопомрачающий, сверхабсурдный бред. А что там такого было? Ну, значит, на турниках макаки эти скакали — Петька со своими дружбанами-пятиклассниками. Выкручивали там всякие вещи невероятные, а вчера, главное, бегали с палками по двору и стреляли друг в друга. Представьте себе? А в песочнице, что там происходило, словами не передать. Дворцы они какие-то строили, что ли? Я-то в их возрасте даже из ведерка не мог формочку сделать, все рассыпалось у меня. И на качелях там дети ещё качались. 360 градусов, да с такой скоростью, что и космонавт поза-

видывал бы. А про то, как на великах и скейтбордах ездили, лучше вообще не говорить. Передумал я предлагать Наде сходить на улицу погулять. Уж лучше пускай дома сидит, тут хоть безопаснее.

– Чем заниматься будешь? – спрашиваю я у сестры.

– Люба меня к себе позвола, – говорит, – будем разучивать «К Элизе» Бетховена.

Я, естественно, немного удивился. Ну а че? Она-то кузничка не могла сыграть, а тут Бетховен сразу.

– Понятно, – говорю я, а сам прифигел, конечно, но виду не подаю. – А вы справитесь? Сложно же, наверное?

– Пфф, пустяки, – говорит, – минут десять не больше.

Прикиньте, да? Я там на гитаре пытался что-то изобразить. Месяца два, наверное, мучался. Какие-то аккорды выучил, несколько штук, а гитару в итоге Димке отдал. Так она у него и лежит, пылится. А тут за десять минут Бетховена, значит.

– Сядь, пожалуйста, – говорит Надя мне, уж больно серьезно, и вид у нее такой же. А сама она сидит на краюшке кровати и смотрит на меня глазами своими маленькими. Ну я и сел рядом.

– Что? – спрашиваю.

– Жень, а ты что, обычный?

И она туда же.

– Откуда знаешь?

– Мама с папой тебя весь день обсуждают.

Говорю ж, я так и думал.

– А ты что скажешь? Плохо, что я – обычный?

– Нет. Ты же мой брат, – говорит она и обхватывает меня своими маленькими рученками.

Хоть и мелкая она, а намного лучше этих взрослых.

– Поеду, – говорю, – завтра на этот метеорит смотреть, может, чё узнаю там.

– А меня возьмешь?

– Нет, ты еще мелкая очень.

– Сам ты – мелкий! – говорит, но необидчиво так, но, все равно, конечно, делает вид, что надулась.

Я опять ее начал шекотать, а она смеяться.

– Ладно, пойду я, Надя.

– Хорошо, Жень, пока.

Вышел я из комнаты мелких и аккуратно прикрыл дверь. Родаки до сих пор что-то там усиленно обсуждали. То есть меня, конечно. Ну я и решил проверить, че они там сейчас делают.

Захожу я, короче, в зал, а они тут же резко замолкают.

– Привет, Женя, – говорит мама, да таким голосом, тип, провинилась в чем-то.

– Привет, – говорю им.

А они оба молчат и смотрят на меня так, как будто им стыдно. Хотят, вроде, чё-то сказать и не могут.

– Мне деньги, – говорю, – нужны. Завтра утром поеду

к этому метеориту, может, че узнаю там.

– Да, да, хорошо сынок, – говорит мама и чуть ли не бежит к сумочке, – Сколько тебе надо?

– Рублей 500, может, 400.

– Хорошо, вот держи, – она протягивает мне 4500 тысячи.

– Но, это много! – говорю я удивленно.

– Ничего, ничего, бери, купишь себе что-нибудь, развлечешься, – говорит она так, будто избавится, они от меня хотят. Лишь бы, значит, я быстрее сгинул отсюда.

– Ладно, спасибо.

– Не за что, Жень, – говорит мама.

А папа стоит и смотрит на меня, как пришибленный.

– Я пойду, погуляю. Можно?

– Да, да, конечно, иди.

«Удивительно. Ни про уроки не спросили, ни про домашку. Лишь бы я по-быстрее свалил с глаз, что ли? Четыре с половой, конечно, не плохо, но все равно чувство какое-то не такое».

Потом я, короче, пошел на кухню и сожрал, че в холодильнике нашел. Борщец, вроде, вчерашний это был. Затем пошел я к себе. Зашел я в комнату и звоню Димону, джентльмену этому неумытому. Он берет трубку и говорит важно так:

– Здравствуйте, Дмитрий слушает.

– Здравово, Димон, это я.

– Евгений?

– Да, а кто еще? Ты, это, на стадик пойдешь, футбол по-

гонять?

– Нет, – отвечает своим противным, слащавым голосом. – Извини, Евгений, сегодня не могу. Мы с Сюзанной идем гулять по парку.

– Че, какой еще Сюзанной? Мы ж вчера ещё с тобой договаривались.

– Извини, Евгений, планы изменились, – говорит он, типа, вежливо так, из-за чего меня еще больше бомбит. – Если изволишь, можешь к нам присоединится.

– Ага, – говорю ему разочарованной злобно очень, – делать мне больше нечего, как вашим провожатым быть. Нашел дурака!

– Как изволишь, Евгений, – говорит он.

– Ага, давай, давай, удачи тебе с Сюзаночкой твоей.

– Спасибо, Евг...

Я сбросил трубку. Благодарит он меня еще. Болван. Ну и разозлил же меня этот гад. Вычурным таким стал. Пижон недоделанный. Разговаривает, главное, как какой-то псевдоинтилегент небритый.

Глава 7. Бесплезная прогулка.

А че делать-то? Переоделся я и пошел один на стадик этот.

В подъезде я встретил Петьку. Он так зыркнул на меня, как на врага народа. «Обрате, которого хочет поколотить», – вспомнил я слова девчонки этой, которая ко мне сегодня приставала.

Пришел я, значит, на стадион. Хорошо, что он близко был, и мне не пришлось тащиться через весь город, а то меня точно бы там поджарили или испепелили, молнией пронзили, заморозили, растворили, раздавили или еще чё похуже.

На стадионе, к моему большому удивлению, было полно народу. «Все вдруг спортсменами, – думаю, – стали». Обычно же только тетки какие-нибудь с палками своими по кругу ходят, и мужики ещё бегают еле как, как будто в штаны навалили. А тут, значит, даже на турники и на брусья очередь была, прикиньте.

Ну и подошел я к футбольному полю, (сначала, правда, пришлось преодолеть толпу бегунов) смотрю, вроде, нормально играют. Не носятся, как угорелые. То есть, как обычно. Знакомые там некоторые тоже играли.

– Привет, Вовка! – крикнул я одному кренделю. Он на воротах всегда стоял, потому что жирный был.

– Привет, Жень!

– Зайти можно? – спрашиваю.

– Да, – говорит. – За тех заходи, у них одного не хватает.

Зашел я за тех, играем, значит. Бегать они стали, конечно, быстрее чем раньше. Я даж запыхался, но, в принципе, успевал за ними.

Ну вот, играем мы уже минут десять, но они ни разу мяч так и не дали. Единалы какие-то, в общем. Но тут, значит, я сделал рывок, Генка увидел это, пасанул, и вывел меня один на один. Я, короче, как замахнулся и пнул с пьрца,

хорошенько так, завалился на землю и кричу:

– Ааааа!

Подбегает Вовка, вратарь этот косолапый.

– Че такое? – спрашивает.

– Че с мячом?! – кричу я, – Камни там, что ли?!

– Да, – говорит он спокойно так, – камни.

Боль тут же прошла от удивления. Я сел и таращусь на него, а он на меня зырит и лыбу, главное, давит, хотя как бы пытается сдерживаться. Другие тоже подбежали и стоят, хохочут, как дикари.

– На фига? – спрашиваю.

– Улетал, – говорит, – постоянно на метров сто или больше, вот мы его и утяжелили.

– А че мне ни сказали?

– Забыли, что ты обычный. Для нас-то он, вообще, легкий очень.

Я встал, значит, еле как, а Вовка этот помог мне.

– Ладно, – говорю и отмахиваюсь от него, – пойду я от вас подальше!

Футболеры недоделанные. Главное, иду и слышу, как кто-то из них говорит так громко, типа, специально, чтоб я тоже услышал: «Тяжело, наверное, быть обычным». Остальные такие: «Да, да», – понимающе так, а потом загоготали все. Дятлы, одним словом.

Присел я, значит, возле баскетбольной площадки. Ногу взгромоздил на скамейку. Кроссовок снял. Посмотрел, что,

да как. Болит зараза, но, вроде, не сломал. Надо было додуматься в мяч камней наложить. Болваны сверхспособные.

Ну и вот. Сидел я просто так, чтоб нога отошла немного, и заодно на баскетболистов этих смотрел.

Баскет, вообще, дело умирающее в нашем задрипенске. Играют нормально единицы только. А тут смотрю, аж на два кольца бегают. Но, как сказать, бегают. Если бы сюда привезли команду звезд НБА, то эти б звезды проиграли подчистую. Эти-то даже и к кольцу не подходили почти. А зачем, правда? Швыряли прям с середины поля и все время попадали. А если и подходили, то там был всегда стопроцентный данк. Разве так интересно играть?

Посидел я так немного, а потом обратно поковылял. Прихрамывал, конечно, да и слабость еще какая-то появилась. Остановился я в итоге у кинотеатра. «Дай, – думаю, – зайду». Деньги-то у меня были. Тыщенку я с собой прихватил.

Ну и зашел я в этот торговый центр, или как его там называют. Хотел, короче, на эскалаторе проехаться. Смотрю, а они все отключены. Видать, я один такой немощный остался, которому по лестнице тяжело подняться.

Короче, дошел я еле как до третьего этажа. Из кинозала как раз люди выходили. Смотрю я на них, а они все заспанные. Представляете? Зевают прям во все рыло и подтягиваются ещё. А в мою сторону идут какие-то пацан с девчонкой.

– Не очень че-т фильм, – говорит эта девчонка и тож зевает.

– Да не, пойдет, – отвечает ей пацан этот. – Зато выспались хорошо.

– Да, это точно, я тоже немного вздремнула.

Представляете? Нормальный, да, такой разговор возле кинотеатра.

Ну я и подхожу к ним.

– Извините, ребят, – говорю, – А что за фильм вы смотрели?

– Мир героев 2, – отвечает пацан и сразу добавляет: «Не ходи лучше на него, не советуем».

– Да, скучный фильм, – качает головой его подружка.

«Странно, – думаю, – неделю назад все сума по нему сходили. Мы с пацанами тоже его смотрели. Нормальный фильм, вроде, был. Зажрались они, видать».

Пока я там так думал, они развернулись и полетели. То есть реально, полетели.

Ну и я, короче, подошел к афише этой и смотрю на нее. Вот там че на ней было.

1. Мир героев 2: Контратака (фантастика, фэнтези, драма, приключения, боевик, комедия, триллер, мелодрама). У этого фильма столько жанров было, что только истории там или биографии какой не хватало.

2. Читая мысли 4. Сага. Часть 2. (фэнтези, мелодрама). «Да уж, – думаю я, – удивили, так удивили. Тут полмира как бы мысли читает. Да и, вообще, как про чтение мыслей можно столько фильмов снять-то? Что они там у рыб каких-ни-

будь или комаров мысли эти уже читают?»

3. Тряпичная кукла 2 (ужасы, триллер). «Да уж, – думаю, – у меня и так тут ужасы сплошные и триллер в придачу. Да и смысл какой смотреть эту галиматью, и так же все понятно. Семейка какая-нибудь, обязательно с детишками, придут зачем-то (непонятно, правда, зачем) в какую-нибудь хибару задрипанную, а там их эта кукла и начнет кошмарить почем зря, а они будут бегать и орать по всему дому, типа, уехать оттуда нельзя. Вот и весь сюжет.

4. Ягненок Паша (мультфильм, семейный). «Нет, это уж лучше с мелкой сходить», – подумал я. А, вообще, жалко ягненка. Паша – это ж, типа, одно из самых склоняемых имен. Пашка, Паштет, Пахан, Павлодар, чебурашка, пахашка и так далее, короче. А хотя че, наверное, этого ягненка в мультике и так, типа, все чмырят на ферме этой какой-нибудь. Но тут он, значит, вдруг че-нибудь такое необычное делает, и все его уважают в итоге, и ещё ягнису какую-нибудь находит себе. А, мож, вообще, побег какой-нибудь устроит и в Альпы смоемся или ещё куда. Вот и весь мультик. А че? Разве не так? Детишкам, вообще, че угодну втюхать можно.

«Ладно, в следующий раз схожу. Мож, че на следующей недели путнее выйдем», – подумал я и решил, хоть в сортир их зайти, а то че, зря пришел, что ль. Да и че-т до дома не хотелось терпеть.

Ну и вот, подхожу я, короче, к толчку и тут – бац – передо мной неожиданно появляется парень. Опять прям из возду-

ха. Поразвелось этих телепортов, как мух.

– Только для зрителей, – говорит он с таким отвратным акцентом.

– Я только по-маленькому, – говорю я ему чистую правду.

– Нет, – говорит, – только для зрителей, которые приобрели билет, либо 30 рублей.

«Не фига себе, – думаю, – 30 рублей буду я ещё платить за туалет какой-то обоссанный! Вот же вообще уже!».

– Че жалко, что ли?! – спрашиваю у него, а то че-то все какие-то стремные стали со своими сверхспособностями дурачками.

– Нет, не жалко, – говорит он и корчит гримасу такую противную, как будто ему в лицо кто-то пернул. – Не положено.

Ну, я и плюнул, типа, на пол, развернулся и пошел оттуда. Вообще уже, даже и в туалет нельзя сходить просто так. Но зато я у них все буклетики с фильмами прихватил. А че? Будут знать, как с Колбаскиным связываться.

Глава 8. Старики нагрянули.

Зашел я, значит, в подъезд и поднимаюсь по лестнице. «Хоть дома отдохну», – думаю. Открываю дверь. Меня тут же сразу за шею кто-то хватает и под мышку засовывает. Да, главное, крепко так. «Петька, – думаю, – щас мутузить меня будет».

– Здорово, Женек.

Меня отпускают. Смотрю – дед.

– Привет, – говорю и шею разминаю. Костями меня своими прихватил дед мой Коля, который – то пульт с трудом поднимал раньше. – А ты че здесь делаешь?

– Мы с бабкой приехали навестить вас.

– Чей-то вдруг?

– Родители сказали нам, что ты – обычный, вот мы и приехали помочь?

– Зачем? – говорю недовольно. – Я че больной, что ли?

Он, значит, на это ничего не отвечает, а просто стоит и улыбается.

– А как вы так быстро добрались? – спрашиваю я, потому что бабушка Таня и дедушка Коля жили в километров, наверное, семиста от нас.

– Бабка твоя телепортнула нас, – говорит.

Мда, я как бы не очень удивился.

– Ну ладно, че стоять здесь, пошли, внучок, – говорит он. – Бабка приготовила там тебе поесть. Проголодался, небось?

– Не очень, – отвечаю, – немного.

Когда нервничаю, всегда жрать охота.

– Ладно, дед, щас в туалет сначала зайду, – говорю я и иду в сортир.

Да, вот такие вот подробности. А что из этого? Мне ж реально хотелось, не буду ж я терпеть. Да и как там говорится-то: «Что естественно, то не безобразно». Это ж, так сказать, самая любимая фразачка тех, кто рыгает и пердит

на людях. Да и, вообще, гляньте вон фильмец какой-нибудь. Там же в каждом втором фильме кто-нибудь, да ссыт. Ну серьезно. А иногда, вообще, стоят они в сортире, ссут, так ещё и лясы точат. Это как бы в порядке вещей.

Ну ладно, сходил я, короче, в туалет, и захожу на кухню, а там еды на столе, как будто роту решили целую накормить. И еще, главное, че-то там стоит бабушка и варит опять.

– Привет, Жень, – поворачивается она ко мне, подходит и обнимает, да так крепко, что у меня кишки чуть не вываливаются.

– Садись, ешь, – говорит, – а то худой какой-то.

Ага, я у нее всегда худой. Даже когда, как свинья жирный был, все равно худым называла.

– Я не съем это все, баб.

– Постарайся, – говорит, – ты же теперь обычный, сил много надо.

– Мг, – говорю я, усаживаюсь и начинаю ужираться.

Че-т так вкусно, главное, прям тает во рту. Раньше такого не было.

– Вкусно, – говорю.

– А то, – говорит дед, – бабка твоя теперь такое умеет готовить, закачаешься.

«Закачаешься! Откуда понабрался дед таких словечек?»

– А у тебя, дед, какие сверхспособности? – спрашиваю я у него. Интересно же все-таки.

– Я теперь здоровый, как бык, – говорит он хвастливо. –

Вижу отлично, так что все этикетки сегодня в туалете прочитал без очков. Класс вообще, скажу тебе. Ну, и эмоциями умею управлять. Хочешь покажу на бабке, – последнее он сказал шепотом и подмигнул мне.

– Ну давай.

Он, значит, повернулся к бабушке и вперился в нее взглядом. А она там спокойно стояла и че-то варила. Но тут она вдруг, как подпрыгнет и начнет плесать, вместе с этой поварешкой в руке. Вприсядку даже. А потом бабушка резко грустной очень стала, чуть ли не заплакала прям. Постояла, постояла так, и как начнет колотить поварешкой по столу со всей злости.

– Ну че? – спрашивает дед у меня, – Нормально, а?

– Да, неплохо – говорю.

И тут бабушка – хрясь – ему по голове поварешкой этой ударила, а она ж увесистая такая, а деду хоть бы хны.

– Я ж тебе говорила, зараза, эмоции мои не трогать!

– Ладно, – говорит дед и руки вверх так поднимает, типа, сдается.

– Да, – ко мне он опять поворачивается, – башка у меня еще теперь бронебойная стала.

Мне, короче, смешно так че-т стало с них. Я, в общем, заржал там, как конь. А дед с бабушкой смотрят на меня и тоже как ночнут гоготать вовсю. Как гиены какие-то троим угорам. Чему смеемся? Непонятно.

– Что смеетесь? – спрашивает мама, заходя на кухню, а

за ней папа идет по пятам.

Оба они смотрят на меня, как на чумного какого-то.

– Да, так, – отвечает дед. – Как там ваши соседи?

«Небось, меня там обсуждали. Сто пудов», – думаю.

– Нормально, – отвечает папа, – Женьку обсуждали. Советовались, как быть дальше.

Я ж, короче, чуть не поперхнулся этой гречкой вкусной.

– В смысле дальше? А че я больной, что ли? Ненормальный какой?

– Нет, сынок, – говорит мне мама и гладит по голове. – Кушай, кушай, силы тебе завтра понадобятся.

То тоже смотрю, что выпроваживают они меня.

– Я, может, и не поеду, – говорю специально, что б реакцию их проверить. – Мне и без сверхспособностей нормально живется.

– Нет, сын, надо съездить, – говорит батя серьезно и грозно так, что я аж офигел. Типа, я закон какой нарушил, и он меня если че, в тюрьму свою засадит.

– Ага, – отвечаю недовольно так.

«Понятно все с ними, – думаю. – Спровадить меня решили. Видать, я им репутацию какую-нибудь порчу, или просто глаза мозолю».

Ну и вот, сижу я, жру, а они все стоят надо мной, охают и ахают постоянно, аж кусок в горле застревает. Нависли надо мной. Коршуны.

А потом вообще, дичь полнейшая началась. Позвали они,

значит, малых, и мы пошли в зал в настольные игры играть. Прикиньте. Ну там кости бросать, и по карте двигаться, какие-то денежки игрушечные, типа, зарабатывать. «Вот, – думаю – забава. У всех сверхспособностей до кучи, а играем в какую-ту ерунду дикую. Абсурд форменный». Да и я вообще-то не хотел играть, но дед прихватил меня и говорит такой:

– Надо, внучок, тебе полезно.

Типа, я умственно отсталый какой, что ли.

Ну и сел я с ними играть. Первый раз проиграл, второй, третий, четвертый, пятый. И главное, ни разу дальше 9 клеток не сдвинулся. Все время батя выигрывал, что я уж начал подозревать, может, он эти кости двигает, там, типа, силой мысли или еще как. Больно у него вид был сосредоточенный.

Я в итоге не выдержал и пошел спать, хоть и рано-то было еще. Даже зубы почистил. Вообще удивился. Да прям, как положено чистил – минуты так три. Зубной ниткой ещё прошелся. «Че творится со мной?» – думаю.

Лег я, включил светильник и опять эту книжку взял. Страниц десять может осилил и отрубился. Вот снотворное хорошее. Книги эти в смысле.

Глава 9. В погоне за сверхспособностями.

На следующий день, утром, подхожу я к этому кинотеатру, как и договаривались. А эти шмакодавки уже там стоят и ждут меня. Нарядились, главное, так, как будто мы в поход

какой собрались. Рюкзаки огромные напялили, шапки теплые на бошки одели.

– Привет, – говорят они мне оба.

– Привет.

– Почему опаздываешь? – спрашивает меня этот Лешка.

– Надо так, – отвечаю.

«Буду я еще перед кем попало отчитываться. Вот перец какой наглый».

– Че вы так вырядились? – спрашиваю я у них.

– Мы же путешествовать едем! – говорит Настя.

– Какой путешествовать?! Киллометров 30 ехать.

– Ну и что? Все равно путешествие.

– Мда, понятно. И че у вас там в рюкзаках? – спросил я.

И они как начали перечислять все подряд. Белье они там какое-то взяли, носки ещё, трусы, кофты. Зубные щетки прихватили, пасту, мыло, еды всякой до кучи, кружки, ложки. Там столько, короче, всего было, что я даже и вспомнить-то не могу.

«Вот, – подумул я, – мамы у них заботливые. Видать, тоже решили спровадить детишек своих обычных».

– Не, – говорю, – так не пойдет. Вы еле как тащитесь будете, а я не собираюсь вам помогать весь этот хлам нести.

– А что нам тогда делать? – спрашивает мелкая.

– Раньше бошочкой своей надо было думать.

«Вот засада, – думаю, – обратно их не пошлешь, сто лет же ждать придется, а к себе я домой их портфели дурацкие тож

не понесу».

– Пошли за мной, – сказал я им.

Мы, короче, зашли в супермаркет. Не помню его названия, что-то типа, с какой-то цифрой, вроде, связано.

– Снимайте, – говорю, – рюкзаки.

Они сняли послушно. Ну я и начал их содержимое закидывать в эти ящики для хранения.

– А если их заберут?

– Не ссы Лешка, не заберут, всем уже плевать. Да и кому ваши пожитки дурацкие нужны?

В общем, запихал я в два ящика все еле как. Только еду им оставил (испортится же, жалко), но кроме, конечно, фасоли в банках и шпрот. Совсем уже взбрендили. Еще бы там грибов каких или огурцов маринованных взяли бы.

– На, берите ключи, – сказал я им и отдал каждому свой ключ.

– Спасибо, – сказала Настя, – так даже легче стало.

– А я о чем. Вы б еще палатки взяли.

– Мама мне предлагала, – говорит Лешка серьезно, – но я сказал, что это лишнее.

«Да уж, а две кружки и фарфоровая тарелка – это не лишнее».

Ну и вот, пошли мы, значит, с ними на вокзал. Хорошо еще, что у нас такое захоlustье мелкое, и пешком куда угодно можно дойти. Минут за двадцать мы и управились.

И дошли, главное, почти спокойно. Вчера, вроде как, все с ума сходило, а сегодня уже меньше таких было. Попадались странные типы, конечно. Ну вот, например, прошли мимо нас мужики. Один из них был в красном плаще, а другой в белом таком костюме. Они все спорили о чем – то, да прям серьезно так, чуть ли не с пеной у рта. Еще какие-то гориллы, дрались между собой в фонтане. Один из них, значит, все время падал в воду, но резко всегда подскакивал и говорил: «Это я только начал». Во как. И они опять мутузились. А потом они обнялись такие, как два братана, и один говорит:

– Пошли покурим?

– Пошли, – отвечает тот, который вечно падал.

Ну вот, а когда мы к вокзалу подходили, перед нами какая-то скрюченная бабка старая шла и на спине огромный мешок несла. Настя дернула меня за куртку и говорит:

– Помочь надо. Видишь, бабушке тяжело.

Ну, я и пошел, что я не пацан, что ли.

Подошли мы к этой бабуське.

– Извините, – говорю. – Вам помочь?

– Да, сынок, – говорит, – очень меня выручишь.

Я наклонился, и она мешок этот перекинула мне на спину. Меня аж в бетон чуть не вдавило. Вовремя успел вылезти из-под этого мешка, а то, вообще, наверное, сдох бы там. Встал я такой, отряхиваюсь, смотрю на бабку, а она улыбается.

– Что у вас там? – спрашиваю. – Кирпичи, что ли?

– Да, – говорит.

Прикиньте?

Открываю я этот мешок, а там реально кирпичи лежат, до фига и больше.

– Вот хотела дорожку в огороде выложить, – продолжает она, типа, нам интересно это знать. – Мне Нинка из соседнего подъезда сказала, что там стройка заброшенная есть, вот я и пошла туда.

– А вам не тяжело? – спрашивает Настя.

– Нет, – говорит. – А вы что подумали, что мне помощь нужна?

– Да, вы же так сгорбились, – говорю.

– Вот умора, – говорит бабка и бьет себя по коленке, тип, угорает с нас. – Это я так по привычке хожу.

И она выпрямилась вдруг, так что я вообще, по сравнению с ней, был горбуном стопроцентным.

Вот так, значит, мы и добрались до автовокзала. Пришли мы туда, и смотрим все вместе на площадь привокзальную, и удивляемся. Вообще, туда попали или нет.

– А почему нет автобусов и людей? – спрашивает меня Настя, как будто я знаю.

– Не знаю, – так ей и отвечаю.

А там реально никого почти не было. Несколько человек только и одна маршрутка какая-то.

Стоим мы так, и тут, откуда не возьмись, мужик перед нами появляется. Полненький такой, в жилетке. Вылитый таксист, короче.

– Вам телепортация нужна? – говорит он, – Всего 700 рублей за один прыжок, 1200 за два, 1700 за три.

– Нет, спасибо, – говорю.– А че так дорого?

– Не дорого брат, у меня самое дешевое.

«Ага, конечно, дешевое. Брат. Брехун пузатый. Вообще грабеж какой-то среди бела дня. Совсем обнаглели».

– Пошли, – говорю своим, типа, братьям по несчастью, – к маршрутке. У вас деньги вообще есть?

– Да, у меня 150, – говорит Настя.

– А у меня 200.

Да уж, вот вам и великие путешественники. Всякой ерунды понабрали, кучу целую, а денег не взяли.

Ну, и подошли мы к этой маршрутке, а ней, значит, ничего не указано. Таблички никакой нет, куда едут или не едут, не понятно. Дверь открыта была, я и заглянул. За рулем там сидел парень такой, лет так под 30, наверное, в очках. С виду нормальный, вроде.

– Здравствуйте, – говорю.– Куда вы едете?

Сказал я это ему, а он подпрыгнул аж, замигал так быстро, занервничал, как будто я маньяк какой-то или страшилище болотное.

– Здравствуйте, – говорит он, – мы к метеориту направляемся.

– Нас подбросите? Мы заплатим сколько надо.

– Да, так подбросим, садитесь. Сколько вас?

– Трое.

– Ааа, ну в самый раз, садитесь, вон, за мной прям.

Мы зашли, короче, и уселись.

– Сейчас, – говорит он, – минут через пять поедем. Девушка еще одна подойдет. Вечно она у нас опаздывает.

Очень странная, честно говоря, компания там была. Впереди всех, значит, сидел такой лысый старик. Лысый, лысый прям, что аж, как в зеркало можно глядеться. Рядом с ним, хотите – верьте, хотите – нет, синяя бабуська сидела. Представьте себе, я сам был в шоке. Но для всех это как бы было нормально. Позади них сидела тетка в очень странных, прямоугольных, темных очках, а рядом – рыжий мужик, потерянный немного. Они, вроде как, за руки держались. В третьем ряду сидел седовласый парень, но на вид ему было всего лет 25, может, а то и меньше. Че он седой был, так я и не понял. Может быть нервничал много. И в самом конце, на одиночном кресле, сидел очень угрюмый пацан моих лет, весь в черной одежде. Он все время в телефоне ковырялся.

– Сколько с нас? – спрашиваю я у водителя, хоть он и сказал, что так подбросит.

– Так вас подбросим, – говорит он опять. – Все равно мы с семьей тоже едем к метеориту.

«Ну и семейка, – думаю. – Дикая какая-то. Типаж на типаже».

– Спасибо, – благодарю я его.

– Да не за что. А вот и она.

Сказал он это, и тут же в маршрутку зашла деваха. Она

была мощная такая вся, мускулистая сильно, и прическа у нее стремная была, типа, завитки какие-то. Зашла она, а тетка в этих стремных очках сразу и говорит:

– Чё долго так, из Китая, что ль, шла?

– Не ваше дело, – ответила девчина это, да так остервенело, что я аж удивился.

Она уселась рядом с седовлаской, поцеловала его и спрашивает шепотом:

– Что она ко мне прикопалась? Что я такого опять сделала?

– Я все слышу, – говорит та в очках, – не надо ябедничать моему сыну на меня же.

– Ладно, мам, успокойся, – говорит водитель, – у нас тут вообще-то гости.

– Извини, сынок, извини, полетели.

«Полетели? Наверное, она имеет в виду быструю езду?» – подумал я.

– Все престигнулись? – спрашивает он.

«Че? В маршрутке еще и пристегиваться надо, что ли?» – спросил я у себя. Но все равно пристегнулся и Насте помог тоже.

Отъехали мы, значит, от остановки и тут – бац – взлетать начали. Реально взлетать. На маршрутке этой разваливающейся. Настя сидит, глаза выпучила и голос, видать, потеряла от страха. Лешка же еще и рот растопырил.

– Не ожидали? – спрашивает очень весело водитель.

– Нет, – говорю.

– Это мое новое изобретение. А все, – говорит он с самодовольной усмешкой, – потому, что в качестве топлива я использовал персиковый сок.

– Персиковый сок? – спрашиваю.

«Не ослышался ли я?»

– Да, – говорит, – он обладает огромным гравитационным потенциалом.

– Аааа, понятно. А че другой сок не обладает им? Там апельсиновый, яблочный или яблочно-персиковый? А мультифрукт?

– Нет, – говорит. – Хотя яблочно-персиковый, в принципе, можно использовать, но это зависит от концентрации. Сейчас такую бадягу продают иногда, даже пить невозможно, не то что летать.

– Аааа, ну да, точно, – говорю я, как пришибленный дурачок.

– О, смотри! – вдруг вскрикнула Настя и указала в окно. – Маша летит!

– Маша?!

– Да, одноклассница моя.

Я посмотрел в окошко, а там реально девочка летела, спокойно так, и махала нам рукой. Мы ей тоже помахали, и она тут же улетела.

«Че, вообще, происходит?» – думаю.

– Я чуть не забыл, хотел спросить вот что, – сказал води-

тель. – Мы сами не из Зурбинска, только за Викой заезжали. Говорят, что у вас там обычные живут, то есть без сверхспособностей, это правда?

– Да, – отвечаю я и злобно смотрю на Настю с Лешкой, чтобы они рты свои не раскрывали, – но я не знаю кто они.

– Аааа, бедняги они, – говорит он и качает головой. Расстроился как бы. Жалость в нем проснулась, видишь ли.

Прикиньте, да! Сутки всего-навсего прошли, а для всех это, типа, уже нормально, как будто всегда так и было. А нас, короче, в красную книгу уже можно заносить, как вымирающий вид.

Ну и вот, через минут шесть или семь мы уже были там. Они нас высадили, а сами еще куда-то полетели. А я, вообще, как думал до этого. Думал, что все здесь будет огорожено. Ну как там бывает? Пленки эти всякие, ленты, лаборатория, охранников куча, ученых и все такое. А они, значит, сделали здесь, типа, парк развлечений. С одним, правда, развлечением только. В смысле, с камнем этим. Повсюду там стояли машины, палатки даже были. Люди ходили, летали, бегали туда-сюда. Ворота огромные ещё сделали и кассу поставили.

Да, представьте себе, за это пришлось еще и платить. Видать, кто-то решил, что можно и денег по-легкому срубить на этой канители. Ну, мы и заплатили за вход по сотне и еще по двести за то, что бы прикоснуться к нему. В смысле, к метеориту этому. Я не хотел, но Настя начала выступать. Разнылась вся, что, типа, вдруг, если мы к нему прикоснемся,

то у нас тоже появятся сверхспособности и всё такое прочее. Бред, короче, полный. Но в итоге пришлось мне за них заплатить. Хорошо, что для обычных скидка была, хоть какие-то для нас плюсы. Типа, мы инвалиды какие.

Купили мы эти билеты никчемные и пошли к воротам. Перед воротами вколотили огромную табличку: «Телопортам за незаконное проникновение штраф 5000 рублей». Рядом с этой табличкой стояла контролерша. Довольная такая, радостна даже. Обычно же они мрачные до жути. Скажешь ей: «Здравствуйте», а она тебе сквозь зубы ответит так: «Здрассе». А потом спасибо скажешь, а в ответ тишину только и услышишь. Ну, короче, я протянули ей билеты за нас всех, а она такая посмотрела на них, и они сами надорвались. Представьте, типа, ей даже лень в руки их было брать.

– Пожалуйста, ребята, проходите, – говорит она, да так вежливо, что аж не по себе как-то стало. Ну мы и пошли.

Внутри, в этом лагере или парке, как его там назвать правильно, не знаю. Там было, в общем, как... знаете, типа, как на День города какой-то, что ли. Были там всякие палатки с булочками, хот-догами, гамбургерами, салатиками и так далее. Конкурсы какие-то проводили. Шашлыки там делали и там же прям и жрали их все. Сахарную вату тоже продавали. Настя с Лешкой начали у меня ее выпрашивать. Как маленькие себя там вели.

– Нет, – говорю, – перебьетесь, и так я за вас уже заплатил. Они, естественно, надулись, но все равно тащились ря-

дом.

Еще там игрушки и сувениры продавали. Главное, наде-
дали уже магнитиков, брелков и значков всяких с этим ме-
теоритом. Когда только успели?

Костры еще там жгли, сидели вокруг них, плясали и песни
горланили. Короче, лишь бы всем было собраться, да побу-
хать, да повеселится. В общем, как обычно. А на камень тот
всем уже по фигу было. Он, вообще, был на самой окраине
этой канители. Оградили его, значит, заборчиком каким-то
мелким и калитку даж сделали, тоже мелкую такую же. Там
стоял еще один контролер и мужик в белом халате, типа,
ученый, а, может, мошенник какой. Он предлагал экскурсию
провести за 300 рублей. А что там экскурсировать-то? И так
все видно. Просто небольшая, круглая, серая, блестящая ка-
менюга валяется в земле, вот и все. Я, конечно, спросил у
него (у этого ученого) про свою обычность и про то, че мне
делать вообще. А он мне говорит, что это как бы секретно
всё. Во как. И еще там двое зевак просто стояли рядом и фо-
ткались. Вот и все, кто был возле камня, а вчера народу здесь
было просто завались. Интерес, видать, у всех резко пропал.

– Можно я первая? – сразу заканючила мелкая.

– Да мне все равно, – говорю, – идите, как хотите.

Там, короче, только по одному запускали трогать этот ка-
мень бесполезный. Идиотизм, в общем, какой-то.

Ну и зашла сначала Настя. Потрогала она этот метеорит.
Ещё напрягла меня, чтоб я её сфоткал, как она его мацает.

Но как она его не трогала и не терла, ничего с ней не произошло.

Потом Лешка пошел. Тоже тер его, трогал, и так, и этак, ноль реакции. Он еще минут десять потом стоял там, а Настя его фоткала, типа, что б как будто он этот камень на ладони держит. Балбесы, одним словом. Что с них взять?

Потом настала моя очередь. Я захожу и только открываю эту калитку, а там в этом лагере выть кто-то начинает. Реально. Типа, знаете, вокруг костра они там, что ли, ходят, как индейцы какие-то. Тревожно так, главное, завывают, что аж стремно стало. Ну я и иду к этому камню. И главное, выть это ненормальное, усиливается, чем ближе я подхожу к этой каменюге. Протягиваю я руку к нему медленно, да так мне показалось, что минут двадцать я ее протягивал. И докоснулся в итоге пальцами к метеориту – хрясь – в глазах у меня резко все потемнело.

Глава 10. Бесплатная медицина. Зато честная.

Очнулся я. Лежу, смотрю – потолок какой-то белый с желтыми разводами и обшарпанный весь, и лампы такие большие, которые еще гудят постоянно. Приподнялся немного, вижу – тип какой-то сидит. То ли врач какой, то ли санитар. Халат у него был расстегнут и такой помятый весь. Ноги он взгромоздил на кровать. И еще, главное, сам был в брюках, а на ногах кроссовки одеты. Типа, стиль школьника, что ли. В ушах у него наушники еще были, и пританцовывал он так,

как будто претя от музона своего. А возле окна стояли Настя с Лешкой. Настя увидела, что я очнулся, и ко мне подбежала, а Лешка к врачу подошел.

– Очнулся, – говорит он ему.

Тот вынул один банан из уха, посмотрел на Леху, так невозмутимо очень.

– А, да, хорошо, – говорит, – щас подойду.

И обратно наушник одел и сидит пританцовывает. «Ну и врач», – думаю.

– Что случилось со мной? – спрашиваю я у своих, так сказать, сотоварищей по обычности.

– Сознание потерял, – говорит Настя.

– Да, до камня как дотронулся, так сразу и потерял, – подтвердил Леша, да с таким ещё туповатым лицом.

Видать, они сами сильно перепугались, потому что бледные оба были.

– А как добрались мы сюда?

– Телопортация, – ответил Леха.

Ну да, естественно, что за глупый вопрос.

Тут подошел этот пофигист. Доктор, то есть.

– Как себя чувствуете? – спрашивает он.

– Нормально.

– Вы скоро умрете, – говорит он мне, да таким голосом, вообще, спокойным-спокойным, типа, это обычное дело. Знаете, как будто он каждый день так по больнице идет и говорит всем: «Ты скоро умрешь . Да, и ты тоже. А, и ты. О,

привет, ты умрешь скоро». И так далее, короче. Тип, у него эта фраза вместо приветствия.

Ну так вот, сказал он мне это, а я чуть копыта там сразу и не откинул от такой новости. Резко подскочил, и даже башка перестала болеть.

– Что? – спрашиваю таким недалеким и очень тупым голосом. – Умру?

– Да, – говорит.

– Когда?

– Точно не известно, – отвечает. – Может через несколько часов, или дней, или месяцев, но точно умрете скоро.

«Может, приколист какой? – думаю. Но говорил он серьезно вообще.

– Почему это я должен умереть? У меня что, рак, что ли? Или еще че похуже?

– Нет, – говорит. – С организмом у вас все в порядке. Вы умрете из-за того, что вы обычный.

– В смысле? Так и они, значит, умрут? – я указал пальцем на Лешку с Настей.

– Нет. Они еще долго жить будут.

– А чей-то я умру тогда?

– Не знаю, – говорит, – возможно, излучение на вас так повлияло.

– Ага. А я вот не пойму, как вы вообще определили, что я умру скоро, – сказал я ему, а сам думаю: «Вот и попался тухлый голубец, посмотрим, как ты теперь выкрутишься».

А он, значит, посмотрел на меня снисходительно и брезгливо и говорит:

– Я супердиагност, сверхспособность у меня такая.

И голову еще задрал так, типа, павлин какой-то общипанный.

– А че, вылечит вы меня не можете, если вы все прям тут супер такие и сякие? Может лекарство какое есть?

– Пфф, – фыркнул он громко, – Если бы все было так просто, ха, врачи и не нужны были, да и медицина тоже.

Ну, короче, смотрю я на него и не знаю, что еще сказать-то. Послать мне его токо сильно охота, вот и все.

– Ладно, – говорит. – Вижу вам уже намного легче, можете идти домой, а я пока пойду. Там промедольчик должны уже привезти.

– Доктор, – решил я попытаться еще раз. – А что, нет вообще никого, кто мог бы мне помочь?

Он остановился и, типа, призадумался. Бородку свою холенную еще пощипал.

– Знаете, может, ученый из Сербии – Мирослав Йодович сможет вам помочь. Он приехал сюда изучать это излучение, и говорят еще, что он стал сверхмудрым.

– А где мне его искать, этого ученого?

– В Отеле.

– В каком?

– Отель.

– А название какое?

– Это и есть название, у нас тут только один отель. Прощайте, – говорит он так, типа, я всё – трупак какой-то.

А сам он развернулся резко и чуть ли не убежал, что б я его, наверное, еще че не спросил.

Ну, я смотрю на этих бедолаг шмакодявочных, а они глазами на меня лупешкают и тоже так, типа, я уже всё – око-чурился.

– Че за город это? – спрашиваю.

– Рыболовец, – отвечает Леша.

Да уж, тоже та еще дыра. Километров шестьдесят, наверное, до нашего захолустья пердолить.

– А че вы не могли сказать, что б телепортнули к нам?

– Мы растерялись, – отвечает Настя, да жалобно так, что мне аж стыдно стало за наезд такой, – телепорт был из этого города.

– Мы не хотим, что б ты умирал, – говорит Леша.

– Да, ты нам нужен, – протянула Настя и даж немного заплакала.

– Ага, понял я. Токо вы уже меня раньше времени и похоронили. Смотрите тут на меня оба, как на мертвяка како-го-то.

– Извини, – говорит Настя.

– Ладно, – сказал я и встал с кровати. Спина аж отваливалась, такие там матрасы были, словно на асфальте лежишь. – Пошли этого ученого-мудреца искать.

Ну, и вышли мы, значит, из палаты этой, и пошли по боль-

нице. Идем, а там пустота, короче, только перекасти поля не хватает и лампочки такой мигающей, как в ужастике. Когда я лежал у нас в больнице (меня там резали, аппендицит был), так народу там куча была, даж некоторые в коридорах лежали, а тут никого. Только медсестру встретили какую-то странную. Она посмотрела на нас удивленно так, будто людей здесь и не должно быть вовсе, и пошла себе дальше.

Глава 11. Ополоумевший мудрец.

Городок этот – Рыболовец, был еще меньше нашего и страшнее, ко всему прочему. Зато отель мы быстро нашли. Отель это, конечно, громко сказано. Если бы не огромная, старинная, замасканная вывеска «Отель», мы б обязательно мимо прошли. Я вообще-то, сначала подумал, что это здание под снос.

К нашему большому удивлению, народу внутри оказалось очень много. Иностранцев всяких, кстати, тоже полно было. Балакали они там все по-своему. За стойкой, или как она там правильно называется, стояла приятного вида женщина. Она позвонила этому Йодовичу и даже проводила меня к нему. Шмакодявок я оставил внизу, чтоб не мешались.

Ну и вот, я постучался к этому ученому, а он мне открыл дверь и говорит такой:

– Здравствуйте, проходите, пожалуйста.

На чистом русском, короче, прикиньте. А я-то думал, шас

он на своем начнет базарить или там на английском, а я ни вась-вась, вообще. Думал, что жестами буду с ним общаться.

– Будете чай? – спрашивает он меня.

– Нет, спасибо, – говорю я и стою, как истукан, не зная, куда тут деться.

А он же сразу суетиться начал. Че-то со стула скинул. Тряпки какие-то, что ли. Сам он мелкий такой был, хиленький весь, сморщенный, скрюченный, как топинамбур.

– Присаживайтесь, вот, пожалуйста.

– Спасибо, – сказал я и сел на стул, да чуть не завалился.

Одна ножка там дико болталась.

Старикан же, значит, уселся напротив, на кровать и начал зыркать на меня пристально очень. А сам молчит, главное, походу ждет, когда я первый начну говорить.

– Хорошее у вас произношение, – типа, комплимент ему делаю, чтоб как-то разговор начать.

– Спасибо, – говорит он, – на всех языках мира теперь умею говорить.

«Да уж, – думаю, – мне бы свой-то кое-как выучить».

– Что привело ко мне вас?

– Умираю, – говорю сразу. А че тянуть? – Из-за того, что я обычный. Врач сказал, что вы можете мне помочь. Сказал, что вы изучаете это излучение.

– Нет, мой друг, нет. Все они думают, что я излучение это изучаю, вообще-то, просто посмотреть на метеорит приехал я сюда.

Как он это сказал, так я сразу весь и обмяк. "Все, – думаю, – коньки скоро откину".

– Унывать не стоит, друг мой, – говорит он. – Не только ученый я, но и мудрец великий. Все знаю я и знаю, как помочь тебе.

Я сразу воспрянул и уши наострил. А он, короче, сказал это и опять замолчал. Ждал, видать, что б я его расспрашивать начал. Терпение мое испытывал.

– Ну и как? – не вытерпел я.

– Найти любовь ты должен.

«Вот, – думаю, – сбрендил старикашка. Какую любовь? Двадцать первый век на дворе».

– Че вы ерунду городите? Какую еще любовь? – не выдержал я и реально ему так сказал. А ему хоть бы хны, сидит и пялится на меня. Улыбается так еще по-хитрому.

«Прикалывается дедок этот, что ли?»

– Вы шутите? – чуть ли не кричу я. А чё? Вообще-то как бы жизнь моя на кону, а он травит тут юморок. – Я что Белоснежка, что ль, какая-то? Может мне ещё и семь гномов найти?

Хотя гномов, правда, у нас полным-полно в последнее время развелось.

– Нет, – говорит он так, как будто реально мудрец всезнающий. – Любовь обычная спасет тебя, отыскать ее должен ты.

– И где мне ее искать?

«Она, что на улице просто так валяется, любовь эта ду-

рацкая?»

– Знать не могу я, – говорит.

– Вы ж мудрец! Сами сказали, что все знаете?!

– Этого и сам не знаю я, – говорит. – Для себя любовь найти сам ты должен.

Короче, лапшу мне на уши вешает, да такую длинную и широкую, что и вилами фиг наматываешь.

– Ладно, – говорю, – понятно. Ну, а если я, вот, у того спрошу, кто будущее видит. Он мне скажет тогда, где мне эту любовь найти?

– Нет, – говорит, – поверхностно видят они и только то, что произойти может, но то, что произойдет по-настоящему решать только тебе. Обычный к тому же ты, будущее твое они не могут увидеть всего.

– Ну да? – вот и попался мудрец недоученный. – А как же тогда вчера девчонка одна увидела меня, типа, будущее мое?

– Через другого человека увидела она тебя. Могут они...

– Ладно, понятно, понятно, – перебил я его.

Мои уши уже не выносили этой несуразной мути. А знаете, вообще, что мне это напомнило. Запутанный, замудренный фильмец, вот, что мне это напомнило. Напридумывают они, значит, всякую заумную, шибко глубокомысленную ерунду, а потом у простых людей сто вопросов и непоняток. И после этого начинаются объяснения. Что, да как, почему всё, видишь ли, так, а не эдак. Почему он сделал то, а ни это. Короче, этот дедок тоже, мне дичь такую же втирал. Что, ти-

па, это будущее они видят, а то не видят. Вообще, короче, не поймешь, что он тут горюдит тебе.

– А я могу как-нибудь сверхспособность получить? – спрашиваю я у него.

– Любовь – сильнейшая из всех сверхспособностей, найди её ты, – опять он долдонит мне всё про то же.

– Мда, ну ладно, понятно. А что-нибудь попроще могу я получить. Ну там, силу большую, скорость, чтение мыслей и все такое прочее?

– Нет.

– Почему?

– Не знаю.

– А почему нет, тогда?

– Так я чувствую, а чуйка моя не подводит меня никогда.

– А, может, мне ещё у кого-то спросить надо?

– Нет, мудрее всех я и вряд ли тебе еще помочь кто сможет.

«Ничесе, – думаю, – высокомерный какой старикашка».

Ну, я и понял, значит, что от него ничего путевого не добьешься. И мы потом, несколько минут просто сидели и пялились друг на друга, как неандертальцы какие-то. Он еще сопел так противно, как будто вот-вот и задохнется, а мне его ещё и откачивать потом.

«Ладно, – думаю, – может еще че спрошу, раз он прям мудрец такой великий».

– Скажите, пожалуйста, вы же вот мудрец такой луч-

ший, да?

– Да, юный мой друг.

– Можно у вас тогда спросить еще кое-что?

– Что хочешь спрашивай, на все ответ дам тебе.

– Ну ладно. Вот можете мне тогда объяснить, а то я не понимаю. Вот почему все люди, у которых сверхспособности эти разные есть, почему они ерундой всякой занимаются? Я в том смысле, что все ж они теперь шибко умные, сильные и так далее. Почему ж они, короче, что-нибудь полезное делать не начнут? То есть я имею в виду, не мир там спасать и с бандитами бороться, а например, я даже не знаю... Ну вот, например, в городе у нас развал полный, да? Все кому не лень об этом говорят. Почему бы же им тогда всем вместе не собраться и не устроить там уборку какую-нибудь, типа, субботника, что ли? Листву всякую там убрать, мусор и так далее. Им же и есть, типа, не надо много, и долго работать могут. Могли бы придумать, где деньги достать на ремонт всяких домов, дорог и прочее. Так даже звать никого не надо, да? Можно самим все сделать. Да и вообще, значит, много всего полезного можно сделать с такими способностями. Да? Так вы мне скажите, почему они продолжают всякой ерундой своей привычной заниматься, так еще и с ума сходят? Вон, чувак один машину летающую сделал на персиковом соке, или вон, мужики с утра пораньше в фонтане дрались. Да и все они че-нибудь такое же творят. Что им делать больше нечего? Вы мне объясните, пожалуйста, а то я не пони-

маю, – закончил я это говорить и вздохнул. Накипело что-то у меня. Я аж сам себе удивился. Никогда таких длинных речей не выдавал.

Он же все это время, как я там распинался, сидел такой довольный прям, улыбался всё и кивал, как будто понимает меня.

«Ну, щас, – думаю – он мне все скажет, как надо. По полочкам, так сказать, разложит».

Мудрец этот, значит, губешками своими сначала зашамкал, а потом сказал:

– Маленький еще ты, не так просто все, как ты думаешь.

И замолчал. Я на него глазенки вылупил, жду продолжения, а он на меня тож вылупился и все тут. Молчит, как рыба.

– Если все не так просто, так может объясните мне, – опять я не вытерпел.

– Объяснять не буду ничего, – говорит он. – Поймешь со временем сам ты.

И все, конец. «Вот воду-то как мутит старикан этот, – сказал я себе. – Пойду-ка я отсюда, а то ничего путного от этого сверхмудреца не добьешься».

– Ладно, – говорю. – Спасибо вам, я пойду.

– Да, хорошо, – говорит он, встает и руку мне подает. – Любовь найди ты, и оки-доки все будет.

«Оки-доки! Вот это мудрец!»

– Ага, – говорю я ему и пожимаю руку. А он че-т так сжал ее, что аж костяшки мои хрустнули. – До свидания.

Правда, мне очень хотелось сказать: «Прощайте», – и никогда эту ухмылочку самодовольную больше не увидеть.

– Удачи, да прибудет с тобой мудрость, – вот че сморозил. Прикиньте?

Короче, проводил он меня и пошел, наверное, делами своими сверхмудрыми заниматься.

Выхожу я от него, а эти шмакадавки мои отлетают от двери, как шматок грязи от ботинка.

– Че вы тут делаете? – спрашиваю я их и иду поскорее, да подальше, от этого мудреца недоделанного.

– Мы только пришли, – говорит Лешка. – Волноваться начали, что тебя так долго нет.

Вижу же по их лицам, что он врет, как дышит.

– Мг, конечно. И что вы слышали?

– Всё! – сразу сдается с потрохами Настя.

– И про любовь тоже?

– Да.

– А что, эта правда, что только любовь тебя спасет? – спрашивает Лешка.

– А кто его знает, этого старика. Вроде, серьезно говорил.

– И что мы будем делать? – спрашивает Настя.

– Мы? Чей-то вдруг мы?

– Потому что мы одна команда! – говорит Настя таким, ну очень уж возвышенным тоном.

– Да, – подпердывает опять Лешка. – Мы тебя спасем.

«Да уж, – думаю, – точно откинусь с такой командой».

Но на самом деле мне как-то даже приятно стало, что кому-то не все равно. Так вот, в общем, и сформировалась наша «Обычная команда».

Глава 12. Бедная Соня.

Вышли мы, значит, из этого непонятно сколько звездочного отеля и направились на вокзал. Рыболовец этот был таким же не нужным никому городишком, как и наш. Даже люди здесь такими же были. Также занимались всякой нездоровой ерундой.

От отеля до вокзала было метров двести, не больше. Да и вокзал сам представлял собой что-то, типа, одной автобусной остановки. Ни автобусов, ни людей там не было, токо какая-то девчина сидела на остановке и рыдала вовсю. Я уже хотел пойти попытать счастья на жд вокзале, но эта мелкая начала меня тягать за куртку и показывать головешкой своей на девчину эту, мол, подойти надо.

– Надо помочь, – говорит она мне.

– Да не хочу я, че я буду в чужие проблемы лезть? Своих и так хватает.

– Нельзя так, – говорит она своим писклявым и раздражающим голоском, – может ей плохо.

«Естественно, плохо, рыдает вон, как корова», – думаю.

А эта уже в спину меня пихает. Я, короче, посмотрел на Леху, надеясь найти у него какую-нибудь поддержку, а он, значит, сделал вид, что, типа, непричем здесь. Типа, моя ха-

та с краю.

– Пошли, – говорит Настя.

– А че сама не пойдешь?

– Боюсь.

– А меня че тащишь тогда? Я че тебе герой, что ли?

– Ты старше нас.

– Ну и че? Че я сделаю? У меня даже платка нет, чтоб дать ей.

– Вот, держи, – влез неожиданно Леха этот, гаденыш ботанический.

Стоит он, короче, и протягивает мне свой платок сопливый.

– Ну и засранец же ты, Леха, – сказал я и почему-то усмехнулся. Развеселила меня эта сцена дурацкая.

Ну и взял я у него этот платок задрипанный, и мы пошли к девахе этой.

Подходим мы к ней, а она не обращает даже внимания на нас. Сидит себе и рыдает. Знаете, бывает иногда так, когда кто-нибудь рядом ревет и тебе тож как-то грустно становится, что аж рыдать самому охота. И вот в этот раз че-то со мной такое и получалось. Я еще посмотрел на моих шмакодявок. Настя там уже сама чуть ли не рыдала, а Леха вот-вот и начнет. «Ладно, – думаю, – пора прекращать это, а то щас все здесь разрыдаемся».

– Извините, девушка, – говорю я этой девчине рыдающей.

Ноль реакции.

– Девушка, что с вами? – я уж наклонился, и чуть ли не в ухо ей заорал, и платок протянул.

Она подняла голову, посмотрела на меня, гримасу ещё такую страшную скорчила, как будто кошачьи саки нюхает, и говорит:

– Парень меня бросил.

Сказала она это и выхватила у меня платок прям из рук. Да как сморканется, да так смачно, что аж противно че-т стало.

«Нашла из-за чего так расстраиваться», – думаю.

– А почему вы здесь сидите? – спрашивает у нее Настя.

Она на Настю смотрит, хлопает глазенками своими опухшими и всхлипывает.

– Хотела, – говорит, – уехать, куда глаза глядят.

Настя подошла к ней с грустным таким и жалостливым лицом и наглаживать её по плечу стала, а та типа, даж успокоилась и попыталась улыбку изобразить, но это у нее не получилось.

– А что он бросил-то тебя? – спрашиваю я. Интересно же, че она так сокрушается.

– Обычная я, – говорит и опять сморкается, – вот и бросил.

«Да уж, – думаю, – специально-то и не придумаешь. Шли, шли и обычную нашли. Но её парень, конечно, редкостный осел».

– А еще, – всхлипнула она, – он сказал, что у меня нос

большой.

Что правда, то правда, шнопок у нее был, что надо. Но сама она, стоит сказать, была ничего такая.

– Мы тоже обычные, – вдруг Лешка, как всегда не вовремя, решил свое веское словцо вставить.

Девчина эта чуть ли не просияла там, когда услышала это. Всклипывать даже почти перестала.

– Да?! А я-то думала, что я одна такая, – сказала она и Настю обняла.

Я уж офигел опять.

– Меня Соней зовут.

– А я – Настя, это – Леша, а это наш главарь – Женя! – протороторила мелкая, как будто заучила эту фразу наизусть.

«Главарь», прикиньте, да. Вот загнула.

– А что у вас команда какая-то?

– Да, – говорит Леша, – так и называется: «Обычная команда».

Соня аж засмеялась и говорит:

– А мне можно в вашу «Обычную команду»?

– А сколько вам лет? – спросил я.

– Двадцать четыре.

– Не. В нашей команде только дети, – говорю, – до 18 лет.

Взрослых не принимаем.

«Буду еще, – думаю, – поучения от нее слушать какие-нибудь. Хоть и молодуха, а кто ее знает, кем она себя там мнит. Начнет меня учить уму разуму, мне это больно надо прям».

– Пожалуйста, – говорит она жалобно так и, главное, смотрит на мелкую. Нашла она слабое звено в нашей, так называемой, команде. – Я буду паинькой, честное слово.

Настя посмотрела на меня своими округлыми, полными слез глазами и говорит жалобно:

– Пожалуйста, Женя, давай Сонечку возьмем.

Ну что ж? Я сдался, хотя и эта «Сонечка» по поведению не шибко-то на взрослую походила. Скорее на взрослого такого ребенка. Ну а че? Сидела, редела посреди дня, непонятно где. Рассказала про свои проблемы первым встречным, да еще и просит принять ее в какую-то вымышленную команду. Ну и чё? Взрослой ее, что ль, после этого называть?

В итоге приняли мы ее в свою команду, скрепив это рукопожатием. Настя вообще хотела, что б мы еще на грабли свои поплевали. Сказала, типа, так ковбои делают. Мы с Лешей ее отговорили. С трудом большим, правда.

Ну и, короче, чтобы как-то отметить это очередное пополнение в наших рядах, мы пошли в ближайшие кафе под оригинальным названием «Кафе». На самом же деле, нам просто жрать уже хотелось.

Народу в этом кафе было раз, два и обчелся. Сели мы, значит, за стол, а мелкие сразу подоставали из своих рюкзаков еду всякую. Блины какие-то в контейнерах, колбасу, сыр, сок, хлеб, печенье, картошку с мясом и еще че-то. И, главное, говорят: «Давайте с нами, а то мы все не съедим».

– Че вы делаете? Со своим же нельзя, – говорю им. – Щас

нас выгонят.

Тут, значит, подошла к нам официантка, здоровая такая бабища.

– Не могу, – говорит она, – прочитать ваши мысли.

«Вот оно че!»

– Мы обычные, поэтому не можете – говорю я.

– Аааа! – сказала она удивленно и сразу заволновалась. –

Так что вы будете заказывать?

– А можно нам свое поесть? – спрашивает у нее Настя.

«Вот наглая какая, – думаю, – Сейчас точно выгонят».

А та, короче, как услышала это, посмотрела резко на мелкую, затем на то, что они выложили на стол. Глаза у нее заметались туда-сюда, да так быстро, будто она смотрела на то, как какие-нибудь китайцы в пинг-понг рубятся.

– Да, да, конечно, пожалуйста, – сказала она дрожащим голосом.

И побежала со всех ног обратно, типа, мы заразные какие-то.

Я вообще-то был в шоке от такой обстановки дел. Раньше-то даж воды своей попить нельзя было, приходилось прятать бутылку и пить чуть ли не из-под стола. А тут вон как получается. Жрите, как хотите.

Ну и мы, короче, начали дружно поглощать все, что было у Насти с Лехой. Да так быстро, как будто мы несколько лет не жрали. А официантка эта все смотрела на нас округлыми своими фарами, словно мы инопланетяне какие-то.

В итоге сожрали мы все, и вышли из этого кафе «Кафе» с набитыми животами, и уселись на ближайшую скамейку, чтоб там внутри у нас все улеглось немного.

Но только мы сели, вздохнули облегченно, как перед нами мужик нарисовался. Бледный такой весь, как мел. А губы у него, главное, краснющие-краснющие были. Да, и одет он был странно, в какой-то, типа, костюм. Пиджак там и брюки, но задрипанный, пыльный весь такой, как будто перед тем как его надеть, он им помы в нашем спортзале мыл.

– Че вы такие грустные? – спрашивает он нас. – Сигаретки не найдется?

Мы не успели даже ничего ответить ему, как сверху, между ним и нами, приземлилась женщина. Она была вся в черном, мощная при том, типа, женщина-качок. Она, короче, сразу же схватила этого мужика за ухо.

– Он вам не докучал? – спрашивает она у нас таким хрипящим, страшным голосом, что аж мурашки по коже идут.

Мы отрицательно машем своими бошками, потому что ответить из нас ни кто, ни чего не может, хотя и рты у нас у всех были порастопыренны.

– Извините, ребята, – говорит. – Как напьется, так глаз до глаз за ним нужен.

Сказала она это и потащила его за ухо прям к старой черной развалюхе. Я даже не заметил, как эта развалюха тут оказалась. Закинула она его на переднее сидение, как тряпку какую-то, а сама, значит, заднюю дверь открыла, а там, бугай

какой-то сидел.

– Ну, что? – спрашивает она его. – Куда ты его дел?

Бугай сидит и ничего не отвечает.

– Ладно, я-то знаю, что ты его Маришке отдал. Сейчас к ней и поедем, – говорит тетка эта угрожающе, хотя у неё голос и так страшнее некуда.

Он что-то там пробубнил злобно в ответ.

– Ага, так значит, ну точно у нее, сейчас... А ты куда собрался?

Пока она там окучивала эту громилу, мужик, видимо, муженек её, по-тихому дверь открыл и намеревался смыться, но она его за шкуру прям схватила и зашвырнула обратно, как кота какого-то нашкодившего. И еще че сделала? Взяла она эту пимку, от двери которая закрывается, защелкнула ее и отломилась прям голыми руками. В старых-то машинах они, вроде, железные были. И дверь она захлопнула. А мужик чет разозлился и как начнет кричать: «Давай, давай, давай, давай». Кричит и все тут. Типа, драться хочет, наверное. Все это, в общем, дичь, как очень странно выглядело. В итоге они уехали на этой развалюхе черной, а мы сидим, и смотрим друг на друга, и сказать-то ничего не можем. Опупели от происходящего. Минут, наверное, десять, так сидели. Я ж, говорил вам: абсурд сверхспособный творился там вовсю.

– А что дальше делать будем? – первая нарушила молчание Соня. – У нашей команды есть цель?

Естественно, ответила Настя.

– Мы должны найти Жене девушку, а то он умрет, – сказала мелкая, решив, наверное, что вокруг, да около ходить не стоит. Лучше сразу в лобешник, так сказать.

Такая неожиданная новость, видать, удивила Соню, больше чем меня, когда я ее узнал.

– Умрет? – спросила она, хлопая своими ресницами длиннющими.

– Да, – говорю, – врач сказал, что на меня, типа, излучение так подействовало, и еще он сказал, что вылечить меня никак не может. Ну, а потом мы пошли к ученому-мудрецу, тож странный такой тип. Он мне и сказал, что я должен любовь себе найти, то есть девушку. А где ее искать, мы и не знаем.

Да, да, да, я тож думал о том, что в море полно рыбы, как любят говорить, типа, всезнающие, умные и познавшие баб мужики. Но тут-то надо было еще посмотреть, какое море-то стало, да и рыбешка вся с ума посходила.

– Я знаю где, – говорит Соня. – В парке влюбленных.

– Где?! – спросили мы удивленно.

– В парке влюбленных. Его вчера вечером построили (я ж говорю, что ерундой какой-то занимались, на это-то время у них нашлось). Там сейчас живет много любовников-обольстителей.

– Любовников-обольстителей? – спросил я офигевая.

– Ну да, это те, у которых сверхспособности такие: обаятельность, обольстительность...

– Обходительность, я понял, понял, мой друг таким же

стал. И че там за это надо... – я запнулся и посмотрел на мелких, а они так внимательно зырили на меня, поэтому я потер двумя пальцами незаметно для них, чтоб только Соня видела. Типа, за деньги, что ли, хотел я спросить у нее.

– Нет, – говорит, – там прилично все. И для детей, и для взрослых. Просто пару себе можешь найти и влюбиться.

Ну да, конечно, вот так вот просто. Я ж говорю, дурдом форменный.

– А ты откуда знаешь?

– Я была там. Пошла туда, когда Стас меня бросил. Хотела зайти, но не решилась.

Сонька, короче, опять чуть плакать там не начала, но хорошо, что Настя ее во время успокоила своими поглаживаниями по плечу.

– И где этот парк влюбленных находится?

– Да там, на окраине, недалеко, – она махнула рукой, типа, там где-то.

– Ладно, я тогда пошел, а вы домой езжайте, – говорю им, но сам, конечно, понимаю, что сейчас начнется то еще нытье.

Да и сам я, честно признаться, привык, в общем, к этим шмакодявкам назойливым. Одному-то скучно. Но этого сказать я им, конечно, не мог.

– Мы с тобой! – сразу начала выступать Настя.

– Да, мы ж одна команда, вдруг тебе помощь понадобится! – чуть ли не закричал Лешка.

– И мне тоже можно? – тихо спросила Соня.

– Ладно уж, пошлите, – говорю. – Фиг же отлипнете от меня.

Они че-т сразу стали радостные такие все и даже Соня, и мы, короче, потопали в этот дурацкий парк.

Глава 13. Парк для влюбленных.

Этот дурацкий парк оказался не таким, как я его себе представлял. На самом деле, это была деревня какая-то, а не парк. Там было много маленьких домишек, дорожек всяких, скамеек и прочей ерунды. И самое, главное, что меня больше всего поразило, так это то, что там было разделение по возрасту. Да, серьезно. Ты шел, короче, по дороге этой главной. Дорога та, типа, под старину была закошена, как в какой-нибудь деревушке французкой, или бельгийской, или немецкой, или ещё какой. Ну и вот, шел ты, значит, по этой дороге, а там надписи такие большие с возрастом висели. А не помню, как там деление точно шло. Что-то, типа, с 7 до 10, с 11 до 14, с 15 до 17, с 18 до 21, с 22 до 25, с 26 до 29 и так далее, вплоть до стариковского возраста. Это, значит, разделение деревушки так шло, а все остальное там как бы общее было. Ну, там, парк сам, озеро какое-то, колесо обозрения, карусели, кафешки и все такое прочее.

– Когда ты говоришь, всё это построили? – спросил я у Со-ни.

– Вчера вечером, – ответила она мне.

– А как так они всё успели?

– Людей очень много сюда приехало: суперстроители, суперинженеры и суперрабочие, вот они за несколько часов всё и построили.

Я ж вам говорил, что когда надо, так быстро все сделают.

Мы, короче, все вместе зашли в большие ворота (красивые такие, кстати, типа, от дворца какого-то) и пошли по этой главной дороге. Шли мы, шли и зашли, значит, под вывеску: от 7 до 10. Хорошо, хоть там для младенцев не было этого абсурда или для грудничков. Додумались, хоть с семи лет эту ерунду придумать.

Ну вот, зашли мы под вывеску эту, и тут сразу пацан какой-то мелкий к нам подбегает и дергает Настю за косичку.

– Ау, – вскрикнула она и посмотрела на него, – обалдел?

– Да, – говорит, – от любви к Вам я обалдел.

И протянул ей, короче, букет цветов. Прикиньте. Ухожер мелкий называется. Ну а Настя сразу, конечно, и поплыла. Взяла она эти цветы и нюхать стала всюю, чуть ли ни с головой в них ушла.

– Как вкусно пахнут, – говорит.

А там тюльпаны какие-то задрипанные.

– Давайте с Вами по парку погуляем, – предложил он ей и поцеловал руку.

Она покраснела вся и на нас смотрит.

– Я скоро приду, – сказала она нам, – встретимся возле входа.

– Я бегать за тобой не буду, – говорю ей, – не больше часа

давай.

– Хорошо.

Ловелас этот маломерный ее за руку схватил и потащил. А она сама, значит, как сосиска какая-то безвольная за ним пошла, и скрылись они за домами.

Почему я её так просто отпустил? Ну а чё? Буду я ее учить, что ли, с кем встречаться, а с кем нет? Я ж не папаша ее. Что хочет, то и делает.

Дальше потопали мы уже троем и вскоре дошли до следующего возраста.

Только мы очутились под этой новой вывеской с возрастом (11—14), так сразу какая-то девчина к нам подбегает и Леху прям в щеку целует. Он, короче, на месте застыл. Реально, как будто суперклеем его там приклеили. Сознание, видать, чуть не потерял. Дотронулся еще так до места, куда она его поцеловала, и лицо у него такое тупое-тупое до неузнаваемости стало, даж очки не помогали.

– Привет, – говорит деваха эта, – я Оля. А тебя, как зовут?

Леха стоит и понять вопроса не может, или язык у него онемел.

– Я Леша, – говорит он, когда уже целая вечность прошла.

– Леша, красивое у тебя имя. Пойдем со мной, Леша.

Она его за руку взяла и потащила за собой. А Лешка пошел за ней, как пристукнутый, и ноги у него аж заплетались. Даже ничего нам так и не сказал. Видать, слова забыл.

«Вот, – думаю, – логово сирен здесь, что ли, какое разве-

лось?»

Двинулись мы с Соней дальше. Прошли этот Лешкин при-тон малолетний и дошли в итоге до моего возраста. Зашли туда, но че-т ко мне никто сразу не подбегал, как к этим шмакодявкам. Наверное, из-за Соньки. Может, думали, что она, типа, моя девушка.

– Ладно, Соня, – говорю я ей, – Ты иди пока.

А она, видать, и не собиралась меня ждать. Как я это только сказал, так она, и рванула вперед, и даж взглядом меня не удостоила.

– Через час возле ворот, – крикнул я ей вслед.

Я, короче, и не знал, что надо вообще там делать, и поэто-му просто уселся на скамейку. Сел я, и тут же ко мне подско-чила девица такая разодетая вся, покрашенная ещё сильно. Вылитая фифа, короче. Села сразу ко мне близко и духами как обдула меня, что я чуть сознание там не потерял.

– Привет, – говорит голосом таким, типа, соблазнитель-ным. – Что грустишь тут один?

Ну, а я че? Я ей правду всю сразу и сказал. Че скрывать-то, все равно потом узнает, если сойдемся.

– Я обычный, – говорю. – Мне срочно любовь надо найти, а то я умру скоро.

Услыхала она это и сразу отпрянула от меня, точнее, чуть ли не оттолкнула. А потом спрашивает такая, хлопая своими покрашенными ресницами (я аж подумал: «Щас взлетит»):

– Обычный?

Типа, про любовь, что я там распинаялся, и про смерть свою, она вообще, как будто и не услышала.

– Да, – отвечаю я.

– Фи, не буду я с обычным якшаться, – сказала она и сразу же побежала от меня к другой потенциальной жертве.

Не успел я даже осмыслить произошедшее, как ко мне, чуть ли не на коленки, мадам такая села, важная вся из себя. Села, значит, и глазками своими стреляет. Она поначалу, вроде, нормальной оказалось. Разговорились мы с ней. Но как только я заикнулся про свою обычность, она тож резко подскочила и говорит мне, мол, «не буду я с тобой снюхиваться, ты обычный и мне с тобой скучно будет». Вот так вот.

Потом ещё ко мне красotka одна подошла, ноги до ушей. Тож убежала в итоге. Потом была на спортивном стиле девушка. Она убежала еще быстрее. Оно и понятно, она же спортсменка. Блондинка еще была. Котиком меня называла. Потом брюнетка – меломанка. Она музыку постоянно в наушниках слушала, не отрываясь, даж когда пыталась со мной разговаривать, а мне чуть ли не кричать приходилось. Ещё две рыжих подошли и ушли. Одна страшенькая была, типа, интеллигентка, но когда узнала, что я обычный, то послала меня куда подальше. Затем шатенка была, красивая такая. Мне она сразу приглянулась, а я ей нет. А также была девушка в длинном платье, которая убегала от меня, да чуть даже не упала.

В конце концов ко мне подошла большая толстушка. Я подумал: «Она-то, наверное, подороже будет этих худосочных». Ну и села, она, короче, на скамейку рядом.

– Привет, – говорю ей доброжелательней некуда.

– Я с обычными не общаюсь, – во че она мне сказала. Видать, все уже растрепали, что я – обычный. – Я пришла посидеть и поесть.

И она реально достала какие-то булки, и начала просто жрать, да так, что аж крошки на меня сыпались.

Короче, сидел я так, может, с полчаса, а может, и больше. Никто ко мне не подходил. Я пытался с кем-то заговорить, но и это тоже не получалось.

В итоге ко мне подошел пацан, вылитый Димон, такой же прилизанный и надушенный, будто весь флакон одеколona на себя вылил.

– Не расстраивайся, что ты обычный, – говорит он таким же слащавым и очень противных голосом.

– Ага, спасибо.

– Можешь ты уйти, пожалуйста, – говорит он мне, – А то ты скамейку всю занял, а людям сидеть негде.

Короче, вы поняли. Меня уже оттуда прогоняли. Типа, обычным и одиноким там делать нечего. Ну, я и встал, отряхнулся от крошек и поплелся обратно в гордом одиночестве. А повсюду сидели пацаны с девчонками, сюсюкались, обнимались, целовались. Меня от этой блевотины чуть там и не стошнило.

Пришел я, значит, к воротам и стою, жду своих, так сказать, саратничков по обычности. Стою, стою, а их все нет. Час этот давно уже прошел-то. Я уж злиться начал, и на них, и на себя, за то, что отпустил их. Плюнуть я на них хотел, да поехать домой. Но мы ж, типа, одна команда. «Да и что эти ненормальные с ними сделают?» – подумал я. Совесть, короче, чё-то не на шутку разыгралась. Ну и пошел я их искать. Сначала на поиски мелкой отправился.

Искал я ее на этом шмакодявском участке, или как его там правильно назвать. Потом пошел к колесу обозрения. Её там не было. На каруселях тоже. Вышел к озеру. Пошел по кругу. Ищу ее. Смотрю – Соня лежит, да ещё с патлатым каким-то. А там в этом парке теплее как-то было, чем вообще на улице. Обогреватели у них там были какие-то, что ли. Ну и вот, они, значит, на одеялко улеглись и за руки держаться. Патлатый этот что-то ей активненько втирает, и потихоньку так нависает над ней, и наклоняется. Засосать, видимо, хочет. А что ж еще? Ну, и я подбежал к ним резко, и скинул его. А он, значит, как мякиш какой-то отвалился. Сам – то он немаленький был, но даж слова мне не сказал. Лежит такой, типа, довольный и на Соню смотрит. Я эту дурочку взрослую схватил за руку и поднял.

– Куда ты, милая? – застонал любовничек этот недоделанный.

– Я вернусь к тебе, любовь моя, – застонала в ответ Соня. «Ага, вернешься, как же. Только через мой труп, если», –

подумал я и потащил ее подальше от этого психа ненормального.

Пришлось мне ее за руку таскать повсюду и Настю искать, потому что она смылась бы от меня, дай ей только повод.

Зашли мы сначала в кафешки эти все. Мелкой там не было. Потом опять прошвырнулись по каруселям и вышли в парк. Идем, значит, смотрю – сидит математик этот великий наш, олимпиадник горемычный. Уселся он на скамеечке с этой девчулей, и руку на спину ей положил, и стихи рассказывает. У лукоморья дуб там и ещё че-то. А она сидит, и восторгается прям, и чуть ли не хлопает. Я его хватанул, а он от нее оторваться не может. Рука у него, тип, прилипла. Отодрал я его от нее кое-как в итоге и за собой потащил.

– До свидания, Маша, – говорит он ей.

– До свидания, Леша.

Идем мы, а я их обоих за руки держу, чтоб не сбежали. А им все равно как будто. Они, как овощи какие-то тащатся за мной и всё.

Пошли мы, значит, дальше по этому парку. А он был довольно большой. Ищем эту шмакодявку повсюду. Точнее, я ищу, а этим плевать вообще.

Заходим мы, короче, на площадку с качелями, а эта там. Сидит она такая довольная, а этот Ромео недоросший качает ее. Она хохочет, как дурочка. Я подхожу к ним и резко останавливаю качели, что Настя аж чуть ли не вылетает из них. Я её хватаю за руку, а она вцепилась в качели и не отпускает.

– Не хочу, – говорит, – уходить! Я с Димой хочу остаться!

«Вот, – думаю, – Дим этих поразвелось».

– Нет уж, пойдешь, как миленькая.

Я ее, конечно, пересилил в итоге. Она хотела к этому мелкому ухажеру побежать обниматься, но я ее удержал. Ну и вот, скрутил я её, если можно так сказать, разворачиваюсь, смотрю, а этих и след простыл. Бежали они, что ли? Наверняка, потому что нигде их поблизости видно не было.

«Ну, – думаю, – и что делать? Щас пойду их искать, эта, сто пудов, смоеется. Что я за ними, до ночи здесь бегать буду?»

И тут меня вдруг мысль осенила. Хорошо, что я всегда маленький, складной ножичек носил с собой. Достал я его и отрезал две качели этих. Четыре веревки получилось. Одну я обвязал вокруг себя, другой привязал к себе Настю, а две оставшихся в рюкзак к ней закинул.

Ну и пошли мы этих бедолаг влюбленных опять искать. Идем мы, а Настя сзади плетется, как собачонка какая-то. Ну а чё делать? Это ради нее же.

Короче, вернулись мы обратно, где карусели эти. Там их не нашли. Позаходили во все кафешки. Тоже нет. Вышли к озеру. Смотрю – сидит он со своей кралей на скамейке в форме сердца, и губешки там уже всюю раскатал, видать, целовать собрался. Ну и подошел я к нему, да как подзатыльник тресну.

– Че творишь? – говорю.

И без лишних слов, поднял его, да привязал к себе, и повел.

– До свидания, Мария.

– До свидания, Алексей.

«Ага, до свидания. Теперь уж точно, прощай родная, и не жди».

Обошли мы потом все это озеро по кругу. Сони этой несчастной нигде не было. Но тут вижу – сад какой-то растет, там цветов всяких куча, деревьев и прочее. В первый раз я его не заметил, видимо. Заходим мы туда, а эта Соня-те-терья взрослая, сидит в беседке, на скамеечке, и уши опять развесила. Патлатый этот снова ей что-то слащавое навешивает и приближается к ней, явно же, засосать хочет. «Ну, – думаю, – не бывать этому». Я подскочил к ним и отшвырнул его. Да так, что он аж свалился со скамейки этой.

– Милый, ты не ушибся?

– Нет, пампусик, все в порядке.

Фу, меня аж че-то подташнивать начало. Схватил я, короче, этого пампусика и тож к себе привязал.

– До встречи, любовь моя.

– Оревуар, моя ненаглядная.

Я оттуда припустил чуть ли не бегом. «Мало ли, что этот ненаглядный может вытворить. Кто его знает вообще. Все тут с ума посходили».

Идем мы наконец к выходу. Не знаю вообще, как это со стороны- то выглядело. Дико, наверное, очень. Ну а че?

Подросток привезал к себе двух шмакодявок и взрослую бабищу и ведет их, словно какая-то собачница, которая выгуливает всех своих чихуа-хуа.

Но самое-то удивительное, что я был не один такой. Вы представляете или нет? Идем мы, значит, мимо парка, а от туда выходит мужик, а за ним, как какие-то альпинисты идут: женщина, жена его, видать, пацан моего возраста, видать, сын и девченка лехинового возраста, видать, дочь.

Они поравнялись с нами, и этот мужик ко мне подходит, и улыбается.

– Что тоже убегали? – спросил он меня.

– Да, – говорю, – еле выловил.

– Да, ужас какой-то. Часа два за ними бегал.

– Вы, вроде, одного потеряли, – говорю я ему и указываю назад.

Дочурка его сбежала или улетела, пока он лясы здесь точил со мной.

– Ек-макарек! – сказал он и рванул обратно.

Я после этого стал тоже на своих поглядывать, а то мало ли. Но они вообще какие-то безвольные были, как макароны переваренные.

В итоге вышли мы за ворота. Я их отвязал и усадил на скамейку. Вроде, немного очухиваться стали.

А рядом, прикиньте, такая же сцена примерно была. Женщина, значит, стояла напротив мужика, видать, мужа и двух девчонок, видать, дочерей, и водой их поливала из пятилит-

ровой бутылки. Они сразу все и очухались.

– Извините, – говорю я ей, – можно я у вас воды остаток заберу? Вам больше не надо?

– Бери, – говорит. – Что тоже повлюблялись в невесть ко-го?

– Да. Спасибо.

Взял я бутылку эту и сам сначала попил, а то жажда меня долбила очень. Упарился я за ними бегать. Попил, значит, а потом начал потихоньку им воду на головы их дурные лить. Сам я удивлялся тому, что делал. Ну а чё? Обстоятельства такие. Зато сразу они все и поочухались. Действенное это средство. В смысле, голову водой обдавать.

– На, пейте, – говорю им и протягиваю бутылку младшей.

Они все стали жадно хлебать воду. «Жажда их мучает, видишь ли. Любовнички несчастные».

– Че вы такое устроили? – спрашиваю их таким тоном, тип, я их батька, а они нашкодили.

– Извини, – сказали все они по очереди.

– На нас же не действует эта фигня, что вы там все вытворяли? – продолжаю я докапываться до них.

– Он был такой обольстительный, – сказала Соня.

– Да, такой обаятельный, – добавила Настя.

– Да, она такая обходительная была, я даже...

– Стоп! – невытерпел я. – Хватит чушь нести!

Они сразу умолкли и головы повесели. А я сел рядом с ними и занял такую же понурую и удрученную позу.

– А как ты? – спросил Леша. – Нашел себе девушку?

– Ага, конечно. Ничего я не нашел.

Сказал я это, а сам на них не смотрю, но чувствую на своей башке их молчаливые и, типа, сочувственные взгляды.

– Найдешь еще, – сказала Соня и потрепала меня по плечу.

– Да уж, конечно. Видать, выбора нет, придется мне эту белую розу дурацкую дарить.

Да, вот мне и пришлось вспомнить про эту девицу. Я, вообще-то, про нею сразу подумал, когда дедок мне про любовь и все такое заливал. Но уж больно она страшенькая была. Да и эта нездоровая тема с белой розой какой-то отпугивала меня немного. Бред, в общем, сивой кобылы.

– Белую розу? – спрашивает Настя.

– Да. Девчонка там одна из школы сказала, что если я ей, типа, розу белую подарю завтра утром, то она обязательно со мной на свидание пойдет.

– Так хорошо, – говорит Лешка. – Надо купить розу.

– Ага. Где? Магазины эти цветочные рано все закрываются. Да и пока до дома доедем, точно все закрыто будет, а по этому Рыболовцу я больше ходить не собираюсь.

– Я знаю где! – чуть ли не закричала Соня и сразу же подскочила. – В саду. Сейчас сбегаю.

И она, короче, разогналась уже, но я вовремя ее прихватил. Знаю я ее сады и цветочки. Патлатник обыкновенный – вот её любимый цветок.

– Нет, – говорю ей повелительно так, – присмотри лучше за ними, а я сам сбегаю.

– Ладно, – она опустила покорно голову и пошла обратно.

Глава 14. Женя Колбаскин и гранит науки.

До нашего захолустья мы добрались на поезде или на электричке, без разницы, короче. Я вообще-то думал сначала, что мы там одни будем ехать. А мы зашли туда с мелкими, а там народу, тьма тьмушкая. Вроде, как я понял, все они ехали на какие-то соревнования по сверхспособностям. Абсурд, в общем, полнейший.

Ну и вот, зашли мы туда, а там толкучка такая дикая была, что нас в итоге к толчку и оттеснили. И всю дорогу мы вдыхали эти приятные ароматы. Мы аж там чуть не задохнулись. Да и, вообще, в этом вагоне всякие нездоровые вещи творились. Обычно же, как в поезде бывает: все спокойно сидят, спят, читают, в мобильниках ковыряются, музыку слушают и все такое прочее. А тут, значит, гвалт был невыносимый. Реально, все че-т кричали, спорили, сверхспособностями своими мерились. Бабки там всё орали, что б им место уступили, хотя они даже здоровее молодых были. Ещё контролерша бегала по всем вагонам за сверхбыстрыми зайцами и ругалась на них. Предметы ещё всякие летали там повсюду. Один раз, значит, вообще какой-то молоток пролетел мимо, прикиньте. Я еле как успел увернуться от него. Невидимки эти всякие ещё постоянно в нас стучались. А потом вооб-

ще какая-то тетка начала с тележкой ездить туда-сюда и ноги наши давить. А сама она всё время кричала так пронзительно и противно: «Пирожки горячие, беляши, чебуреки». В общем, добрались мы кое-как до нашего городишки, вышли на перрон, и наконец-то вдохнули более-менее чистый воздух. Потом я проводил мелких до магазина, где они свои шмотки оставили, и мы распрощались, и пошли по домам.

Пришел я, значит, домой с этой дурацкой белой розой в руках. А родокам, да и всем, короче, плевать, что меня целый день не было. Никто даже встречать меня не вышел. Только мама, типа, крикнула из зала:

– Кто пришел?!

– Я! – вот и весь диалог.

Им даж не интересно было: узнал я че или нет. Батя с мамой сидели и телек смотрели в зале: фильмец какой-то древний. Бабушка тож там в кресле сидела и вязала: шарф какой-то или носки.

Я пошел на кухню пожрать. Закинул розу в вазу, погрел себе макарон с мясом и сел рядом с дедом. Он газетенку какую-то читал и семечки шелкал. Хрумкал очень противно и ещё сплевывал так громко: «Тьфу, тьфу».

– Ну как, нормально съездил? – спросил он.

– Нормально.

И все на этом. Газетенку он свою продолжил читать и семечки отвратительно шёлкать.

Не стал я никому говорить про то, что я умираю, и что меня только какая-то непонятая любовь спасет от этого, а то еще кипишь какой устроили или вообще обрадовались бы. Поэтому я пожрал и поплелся к себе в комнату, смирившись уже с тем, что я скоро сдохну.

Брат сидел за моим компом и рубился вовсю в какую-то, наверное, шибко интересную вещь. Мышка там чуть ли не со скоростью света по столу летала. Щелк, щелк, щелк, щелк. Но мне уже как-то по фиг было. «Пускай играет, мне все равно», – подумал я, и лег на кровать, и стал смотреть в потолок.

Лежал я так, лежал, не знаю точно сколько, может, полчаса или час. Ну и вот, лежал я так, лежал и вдруг меня, короче, злость какая-то охватила и решимость непоколебимая. «Со счетов они меня списали, значит! Мало того, что я умираю, так мне и в школу нельзя, видишь ли, ходить, из-за того что я – обычный! Обнаглели вообще! Может, я тож учиться как бы хочу! И че если я – обычный, то не человек, что ли?! Тупым меня считают! Нет уж, перебыются! Я покажу им кузькину мать!»

И тут я сделал то, что, наверное, уже сто лет не делал. Я подскочил с кровати и собрал все учебники, которые у меня были, и тетрадки тож. Свалил всё в портфель так, что он весь разбух, и пошел к Наде в комнату. Там у них два стола было, да и тихо всегда.

Зашел я к ней, а она сидит за своим столом и очеред-

ной кошачий шедевр рисует. Там у неё, типа, кот прям на столе сидит почему-то, а рядом яблоки какие-то валяются. А на тумбочке у неё ещё скульптурка из пластилина стояла. Тоже Барсик наш. Токо он, типа, уселся на стул, как человек прям, и лапку под рожу положил, типа, думает. Откуда моя сестра мелкая такие мысли черпала, ума не приложу.

Ну и вот, короче, сел я за Петькин стол, позвонил Димону, узнал, че задали на завтра. Он, конечно, отговаривал меня идти в школу. Говорил мне, что я не справлюсь и всё такое. «Это мы еще посмотрим!» – сказал я ему.

Ну а потом понеслась. Первое, что я сделал, так это литру. Опять эта гримза задала нам стих учить, токо теперь на выбор как бы. Ну я и выбрал средний такой. Что б, типа, я, и не дурак, и не выпендриваюсь. Выучил я его, короче, на зубок. Так, по крайней мере, мне казалось. Потом рассказал Наде несколько раз. Она мне даже хлопала, а я поклонился, как положено. Потом я физику эту дурацкую делал. Задачи всякие решал и к контрольной готовился. Даж, вроде, че-то немного понял. Муть голимая – эта физика, если честно. И потом ещё геометрию сделал. Теорем там до кучи выучил, рисовал все, чертил че-то. И еще, значит, физра у нас завтра была и труды. То есть повезло, что озарение на меня нашло на самый легкий день в недели, а то б башка моя лопнула от перенапряжения. Я-то и так уже закончил поздно. Сестренка уже уснула давно. Я укрыл ее и пошел к себе, а там балбес этот уснул прям на столе. Ну и, короче, что-то на ме-

ня нашло. Перенес я его, бугая такого, на его кровать. Пупок, конечно, чуть не вылез у меня наружу, но осилил кое-как.

Глава 15. Обычный? Ну и пофиг.

Проснулся я на следующее утро даже, как вам это сказать, в хорошем настроении, что ли. Умылся, зубы почистил, все как положено, в общем, сделал. Портфель собрал, дневник не забыл взять, оделся прилично: брюки там, рубашка и свитер.

Потом сожрал мамин омлет. Пока я ел, пришел дед на кухню и начал шутки всякие травить, подкалывать меня там, Петьку. Я смеялся вместе со всеми. Розу эту в итоге забыл, пришлось за ней возвращаться.

Добрался я до школы без особых происшествий. Так, только бегун один меня чуть в канаву не столкнул.

Зашел я в школу. Иду, короче, и все кто на меня не посмотрит, удивленные такие глазенки делают. Мол, я ненормальный какой, приперся тут, а меня и не ждали больше никогда увидеть. «Ну и че? – думаю, – Я им покажу, где раки зимуют!». Мне там, кстати, даж не надо было толкаться, все сами передо мной расступались, тип, я суперзвезда какая или чумной. Из раздевалки все сразу выбежали, как я зашел. А мне и по фиг, так-то даже просторнее и спокойнее. Переобулся я тихонько, не торопясь, губкой прошелся пару раз по туфлям и пошел с этой белой розой к раздевалке этой девчонки. Я ж даже не знал, как ее звать-то.

Стою я, значит, возле её раздевалки с этим цветком никудышным, а её все нет и нет. Мимо проходят всякие и смеются надо мной. Похохатывают ишаки безмозглые. «Ну и ладно, – думаю, – мне жизнь моя важнее, буду я еще внимание на насмешки дурацкие обращать». В итоге выходит она из раздевалки. Что она сразу не могла, что ль, выйти?! Сто лет я там стоял, ждал ее, как дурак! Вышла она, значит, а позади нее свора девчонок стоит, угорающих над нами.

– Привет, – говорю я и чувствую, что че-т здесь жарко очень стало.

– Привет, Жень, принес все-таки, – сказала она и сразухватила у меня розу.

– Я...

– После шестого урока, возле раздевалок, жди меня, – сказала она, и обратно в раздевалку запрыгнула, и дверь захлопнула прямо перед носом. Только я и слышал, как эти сороки там защебетали обо мне.

Че-т любви я какой-то не почувствовал.

Пошел я, короче, на геометрию. По дороге Димона встретил. Он все таким же пижоном был наряженным.

– Привет, – говорю.

– Здравствуй, Евгений, – опять он своим противным голосом отвечает мне.

– Ну, че? Как там с твоей Сюзанночкой?

– Очень хорошо. Спасибо, что спросил. Мы с ней очень

мило побеседовали.

– Ага, беседавали, конечно.

Знаю я их беседы. Насмотрелся уже в этом парке дурацком. Так сказать, сыт уже по горло это миллой блевотиной.

– А как у тебя дела? Слышал, что ты Нелле белую розу подарил (как это все быстро расходится, минут пять прошло). Это очень романтично, Евгений. Не ожидал от тебя.

Ничего себе заявление: «Не ожидал». Типа, я чурбан какой-то, что ли, бессердечный. Обходительным еще называется. Джентльмен неотесанный. «Ну ладно, – думаю, – буду я еще из ерунды какой-то с другом ссориться».

– Так что ты, узнал что-нибудь про свою обычность, её можно исправить?

– Нет, – говорю, – да и исправлять-то нечего, это вас надо исправить.

Первым уроком, как я и говорил, была геометрия. Учителькой там была толстуха с пятакон, как у кабана. Кабаниха, короче. Она, конечно, как и все остальные учителя шибко строгой стала. Сначала мы теоремы эти разбирали. А я все тянул руку, чтоб она меня вызвала, но она специально, зараза такая, делала вид, что не замечает. Потом начали мы задачи всякие решать, типа, связанные с этими теоремами. Конечно, вначале всегда легкие задачи идут. Я тянул руку, как оголтелый, но она опять смотрела как бы сквозь меня, будто я стеклянный какой-то.

Ну и вот, решили мы, значит, три задачи, не очень сложных, и тут осталась самая сложная, а там эти всякие синусы, косинусы, катангенсы и прочая муть. Я руку, естественно, поднимать не стал. «Буду я еще позориться», – подумал я такой.

Вызвала она, знаете кого? Ларика-очкарика. Мне, конечно, очень хотелось, что б его вызвали, но мы ж не в сказке живем. Поэтому Колбаскин пошел к доске. Да, как вы поняли, она вызвала единственного человека, который не тянул руку.

Вышел я, значит, как дурак, со своим учебником, и стою, плясую, то на училку, то на одноклассников.

– Ну, что стоишь, Колбаскин? Решай и проговаривай, чтоб класс тоже слышал.

Делать было, короче, нечего. Ну я, и стал решать, и чертить там всякую муть несуразную. И главное, что у меня в голове начали всплывать разные эти знаки, картинки, слова, которые я вчера вечером читал. Училка мне помогала, конечно, немного. И по ней было видно, что она, типа, в недоумении сидит. Ну вот, значит, потел я там, крехтел, исписал почти весь мелок, руки все испачкал, и наконец решил эту задачу. Поворачиваюсь такой, а все остальные смотрят на меня, шары свои вылупили, да так, типа, я не задачку захудалую какую-то из учебника решил, а как будто я – Пифагор там какой-то, и новую теорему придумал.

– Молодец, Колбаскин, – говорит Елизавета Анатольев-

на радостно.— Четверку я тебе сегодня поставлю, заслужил. Неси свой дневник.

Принес я ей свой дневник, она мне там четверку и поставила. Главное, двойки они чуть ли не на полстраницы ставят, а тут мелкую, прям мельчайшую четверку такую нарисовала, ток под лупой и смотреть.

Все меня потом провожали удивленными взглядами, пока я шел обратно на последнюю свою парту.

На перемене я сидел один на скамейке и повторял стих этот дурацкий. И тут, короче, подсаживаются ко мне они. Да, شماкодявки эти — Леха и Настя.

— Здравствуйте, приехали, — говорю. — А вы че здесь делаете?

— Как что? — отвечает Леша, — Учится пришли, как и ты.

— Да, они учится нам не запретят! — запищала Настя.

«Вот, — думаю, — это действительно мои ребята, моя команда».

— Розу-то подарил? — спросил Лешка.

— Да.

— И на свидание пойдешь сегодня? — спросила Настя.

— Да.

И она, короче, обняла меня. Прикиньте.

— Ты чего? — спрашиваю я удивленно.

— Не хочу, что б ты умирал. Ты же не умрешь?

— Нет, — говорю.

Что — то расстрогала она меня, сурового пацана.

– Ладно, – говорю, – идите давайте, а то скоро звонок будет.

– Хорошо, – сказала Настя сквозь слезы.

– Счастливо, – сказал Леха и протянул мне свою лапу.

– Давай, присматривай ты за ней, – я указал на мелкую, – а то натворит чего ни попадя.

– Хорошо, Женя.

Ну, и они ушли. «Обычная команда», блин.

На литре седовласка эта кривоногая опять лютовала всюю. Начали мы стихи рассказывать. Передо мной было несколько человек. Они рассказали, конечно, зашибись как. Училка была ими очень довольна. И тут настал мой черед.

– Так, Колбаскин, – говорит она небрежно. – А, здесь все понятно, опять не выучил, можешь даже не вставать.

Но я резко подскочил и говорю громко:

– Нет, я готов!

Она, значит, шары сразу вылупила, типа, не ожидала такого разворота событий.

– Ладно, – говорит, – выходи тогда, посмотрим, как ты выучил.

Нервничал я дико, естественно, но начал как положено: с автора, с названия. Ну, а потом понеслась. Я, тип, приставил, что я сестренке своей рассказываю, а она сидит на кровати и смотрит на меня с умилением таким детским. С расстановкой, с выражением распинался я там, как по нотам,

короче. Ну и вот, рассказал я всё и стою там, как дурачок, а эти все однокласснички мои и училка смотрят на меня, рты пораззявили, типа, я не стишок какой-то задрипанный выучил, а целую поэму наизусть рассказал, да при том, сам её и сочинил.

– Молодец, Колбаскин, – сказала Любовь Алексеевна, – четверку тебе поставлю, неси дневник.

И поставила она мне еще одну микроскопическую оценку. Увидела, значит, что я уже одну четверку по геометрии сегодня получил, и говорит:

– Растешь, Колбаскин, старайся еще.

Я такой думаю: «Ничего себе, куда мне еще стараться-то. Совсем, что ли? И так мой предел, потолок, так сказать».

Наступила перемена. Хотел я вообще физику повторить, но че-т меня уже тошнило от нее. Так что я просто сидел и смотрел на то, что вытворяли одношкольники мои. А вытворяли они опять всякую сверхнездоровую ерунду.

Мелочь там всякая носилась по школе, типа, в доганялки сверхбыстрые играли. Те, кто летал, тоже соревновались в кто кого обгонит. Сверхсильные сбились в маленькие кучки и хвастались своей бицухой друг перед другом, или же в ар-мрестлинг фигачились. Те, кто мысли умел читать, всё обсуждали кого-то и посмеивались, то над тем, то над другим. Любовники-обольстители или как их там правильно-то называть, искали себе жертв. Димон опять сидел с какой-то но-

вой фифочкой и что-то ей активно втирал. Невидимки тоже сформировали свою группу. Об них, короче, все время кто-нибудь, да стучался, и возмущался, а они в ответ его ругательствами обсыпали. Эти огнепуляльщики и ледышки спорили все время и дуэли, типа, устраивали. Выясняли, кто круче. Были и приколисты тоже. У одних, у которых регенерация была сверхбыстрая (к ним и Ванька относился, хохмач этот недобитый). Они, значит, че делали. Подбегали они неожиданно к девчонкам, и палец там, или даже руку ножиком резали. А там кровища такая, как будто. Девчонки, естественно, визжат и пищат, а у них все сразу и заживает. Но долго они не веселились, потому что неожиданно завуч появилась, и всех их позабирала к себе. Были и такие, которые предметами, управляли. Им очень нравилось скамейки поднимать вместе с людьми и смотреть, как они визжат. Были еще те, кто силовые поля создавал. Идет, значит, кто-нибудь так спокойненько вообще. Идет себе, идет и – бац – врезается со всей силы башкой во что-то и отлетает. А во что врезался, от чего отлетел, неизвестно. То есть, вы поняли: забавлялись там, кто как мог.

Ну вот, прозвенел звонок, и мы начали заходить в этот ужасный кабинет физики. Холодно там было, как обычно. Физичка как увидела меня, глаза свои сразу округлила и брови вскинула наверх. Удивилась, видать, очень, че я приперся сюда вообще.

– Колбаскин, ты что здесь делаешь? Тебя освободили

от занятий. У нас сейчас сложная контрольная, все равно два получишь, можешь идти.

– Нет, – говорю, – спасибо вам Наталья Дмитриевна за заботу, но я останусь и напишу контрольную. Я же все-таки с первого класса в этой школе учусь, так что имею на это полно право.

Высказал я ей это, а она еще пуще выпучилась на меня и говорит таким ослабшим голос:

– Хорошо, садись тогда.

Мы все и уселись.

– Ручки и черновик оставить, все остальное убрать. Увижу, что кто – то списывает, быстро в окошко вылетит.

– А если кто летать не умеет? – спросил Ванька, и на меня посмотрел, и заржал.

– Научится, – сказала физичка и начала раздавать свои тетрадки для контрольных.

А она, короче, была повернута на этих тетрадках. Они у неё обязательно должны были быть: одноцветные, без рисунков, в обложке, с ровными уголками и нельзя было корректором ничего замазывать, только аккуратно зачеркнуть и сверху правильно написать. В общем, маразматизм полнейший. Да, и еще надо было обязательно писать только синей шариковой ручкой. Гелевой нельзя, а черной, тем более. Бзик какой-то. Я так однажды черной ручкой контрольную написал, а она заставила меня всю тетрадку заново переписывать, за весь год почти. А разница-то какая? Черная, синия, сло-

ва-то и цифры одни и те же.

Так вот, она, значит, подошла ко мне и тетрадку эту бросила чуть ли не в рожу.

– На, пиши, – говорит. – Ручка синяя?

– Да, – отвечаю и показываю ей пять синих шариковых ручек. Ну а че? Несколько запасных взял на всякий пожарный.

Раздала она потом варианты эти, а я сразу на все задачи глянул и думаю: «Все, опять опозорился». Но все равно как бы начал их решать.

Сижу я такой, морщу лоб, мозги напрягаю и вспоминаю, о чем я вчера думал, когда физику эту читал. И начал, значит, вспоминать, что думал о том, и о сем (о всем, кроме самой физики), а рядом с этими мыслями, слова и формулы из учебника стоят. Вот таким макаром я как-то всё и решил, что смог, конечно.

Сдали мы тетрадки в конце урока. Физичка их, вообще, всегда потом проверяла и на следующий урок говорила оценку. А тут она вдруг начала ковыряться в стопке с тетрадями, и вытащила мою, и как начнет ее читать лихорадочно, головой водит туда-сюда, и за башку аж хватается. Дочитала она, и медленно так тетрадь поверх стопки кладет, и медленно-медленно голову на меня поворачивает, а на лице у нее чуть ли не гримаса ужаса.

– Четыре с минусом, Колбаскин, – сказала она и плюхнулась на свой стул.

Все такие сразу зашелестели, зашептали и на меня уста-

вились изумленно, тип, я не контрольную по физике на четыре с минусом решил, а, типа, я – Ньютон какой-то, и еще, короче, штук десять новых законов запилил по-быстрому.

И прикиньте, че потом было? Ларик встал, значит, такой со своей первой парты, повернулся ко мне, и хлопать начал. Ну знаете, типа, как в фильмах бывает. И остальные тож встали, даж Ванька этот, и тоже начали хлопать мне. А училка сидит и чуть ли не плачет. А я стою, как дурачок, и улыбаюсь, и поклончики маленькие делаю. Вот такая вот ерунда и происходила у нас.

От всех этих утренних потрясенний мне, естественно, жрать очень захотелось. Ну и я, конечно, в столовку отправился. Пришел туда, а там опять два гибона этих жрут всюю. Подошел я к ним, поздоровался. Тот, с которым я в тот раз базарил, руку мне протянул свою жирную. То есть она не только была, типа жирная, потому что толстая, но и потому, что реально в каком-то масле, что ли, была. А тот, так и сидел, не поднимая головы, и жрал без прорыва. Он закидывал булки себе в рот чуть ли ни со скоростью пулемета.

– Ну че, как ты? – спрашивает меня первый этот.

– Нормально.

– А че ты в школу пришел, тебя же освободили?

– А че? Может я учится хочу! – ответил я ему и достал из рюкзака контейнер с бабушкиными блинами. Они с твоим еще были. Он как увидел их, аж слюну пустил.

– На, буде...

И я не успел даже предложение свое закончить, как он уже выхватил этот блин у меня, который я ему протягивал. Если б я руку не отдернул во время, прям с рукой, наверное, и сожрал бы. И главное, схавал он его, вроде, даже не жував, как удав какой-то.

Ну ладно, первый блин ушел. Достаяю я, значит, второй и тут – бац- тот, другой жироед голову вдруг поднимает, и зырит во все глаза на блин, и облизывается. Я руку с блином ему протянул, и он его тож одним резким движением выхватил у меня, и сразу в топку себе закинул.

– А вы чё – братья? – спрашиваю я у первого, потому что лица у них один в один прям.

– Да, близнецы, – говорит.

– Ааа, понятно, а как звать-то вас?

– Я – Эдик, а он – Игорь. Оба мы – Боровяткины.

Боровы – это точно. Да уж, но, мне ли смеяться. Я, вообще, Колбаскин. Евгений Колбаскин. Звучит, да? Прям шас на афишу цирка, да в колонку с клоунами.

– А вы из столовки-то вообще выходите? – спросил я у него и наконец- то сам откусил блин.

– Да, – говорит, – на уроке посидим и обратно. А вон еще кто-то идет.

Я развернулся, а там опять они. «Преследуют меня, что ли?», – думаю. А сам-то, честно говоря, даже немно- го рад был их появлению.

– Вы че приперлись? – спрашиваю их, а они, короче, в наглую прям за стол садятся.

– Привет, я – Настя, а это – Леша, – говорит она Эдику этому толстозадому.

– Привет, ребят, а я – Эдик, а это вон – Игорь.

Игорь даж посмотрел на них и рукой так махнул, тип, поздоровался, а потом сразу опять за дело принялся. Вот же требуха ненасытная.

– А вы чё, тоже обычные? – спрашивает Игорь шмакодявок.

– Да. А что такого? – ответил Лешка и сразу так, типа, быканул немного. Моя школа, че сказать. Одна же команда.

– Ничего, ничего, просто спросил.

Шмакодявки же мои опять подоставали всякой ерунды и начали уплетать за обе щеки, точнее, за восемь, так как половину они этим бездонным желудкам скормили.

– Ладно, – говорю им всем, когда блины свои дохавал, – я пошел на физру. Давайте.

– Пока, Жень.

– Пока, Жень.

– Пока, Жень.

А тот, значит, рукой только мотнул и жрать продолжил.

В этот раз на физру я пришел до звонка, переоделся и пошел разминаться. И мне как-то все равно было, что остальные там делают. Я просто спокойно разминался.

Когда приперся этот обезьяноподобный физрук и опять свистнул, то я уже стоял в конце колонны. Ну и чё из этого? «В конце, так в конце», – подумал я.

Физрук, когда увидел меня, то весь сразу напрягся, да и лоб так сморшил, что даж на какого-то мопса страшного похож стал.

– Колбаскин, иди посиди! – говорит он, то есть кричит, как обычно.

– Нет, я тоже буду заниматься!

– Ты, что это развыступался Колбаскин, иди сядь на скамеку!

– Нет, – говорю твердо, – не сяду. Чей-то я должен сидеть? Я не больной никакой.

– Колбаскин, а ну, иди сиди! – кричит он так и, типа, с угрозой ко мне подходит.

– Вы что, угрожаете мне? – говорю я, ехидненько улыбаясь, – В тюрягу захотелось? А че, давайте, папа мой вас пристроит, у них там сейчас комфорт: камеры ледяные и все такое.

– Ладно, ладно, Колбаскин, хочешь заниматься, занимайся, нет проблем.

Зассал он, видать. Поверил-таки в чушь полнейшую.

– Давайте ребята, 15 кругов легко бегом, а ты Колбас... – начал он.

– Я тоже пятнадцать, – перебил я его.

Ему пришлось молча согласится.

– Бегом марш.

Для этих гепардов недоделанных, легко бегом означало – нестись сломя голову. Они, короче, пробежали пятнадцать кругов, а я только пятый начал. Ну, они, естественно, встали, и цокать начали, и поторапливать меня. А мне было плевать как-то, я просто бежал в свое удовольствие и в своем обычном темпе. Под конец они даже цокать перестали. Видать, поняли, что я не из простого теста слеплен, хоть и сверхспособностей у меня никаких нет.

Добежал я, в общем, встал в колонну, а физрук опять смотрит на меня, как на калеку, и уже чет-то сказать хочет, но я его опережаю.

– Зарядку и все остальное я тоже делать буду, – говорю.

Ему только и оставалось, как качать головой и соглашаться со мной.

После зарядки мы начали подтягиваться. И мне все равно, что даж девчонки по сотке делали. Я же просто запрыгнул и подтянулся, как обычно, десять раз. Зато своими обычными силами. Потом мы пресс делали. Я сделал сорок раз. Ну и что такого, что остальные в несколько раз больше сделали? Зато я как бы сам. И сам я отжался тридцать раз. А мне больше и не надо.

Потом я с ними даже в волейбол играл. Одноклассники лупили по мячу с такой злобой сильной, как монстры прям какие-то, честное слово. Но я все-таки зачастую справлялся с их ударами, что они аж сами удивлялись мне. И я как бы

ещё неплохо пасовал. Так что, в конце игры, они даже все похлопали меня, пятачок мне подавали. В общем, кости мне чуть все не переломали своей похвалой. Но я все равно довольный был собой, потому что я, типа, сам по себе что-то, да представлял.

Ну, как вы поняли, на физре я имел успех. Но вот прошла перемена и мы с пацанами зашли на труды. Зашли мы туда, а трудовик и говорит сразу:

– Берите деревяшки и что-нибудь вырезайте, а я пока пойду делами позанимаюсь.

«Дела, ага, как же, наверное, опять подбухивать пошел», – подумал я.

Ну, в общем, он ушел, а там у нас такое началось. Я аж, как говорится, диву давался, что мои одноклассники там творили.

Степка, значит, корабль вырезал, но не такой, типа, парус один и лодка, а, Титаник какой-то, здоровый очень. Ларик понавыврезал зверье всякое: медведей там, зайцев, кошек, собак и так далее. Стас вырезал шкатулку какую-то с секретом, и с такими еще узорами красивыми. Игорь вырезал розу большую, и я аж вспомнил про предстоящие свидание, и вздрогнул. Артур вырезал замок многобашенный и ещё много мелких человечков. Ванька этот, жлобьяра облупленный, вырезал шахматы и шахматную доску. На фигура спрашивается. Он даже играть в них никогда не умел. А Димон, естественно, вырезал мужика и бабу, полуголых при

том. А в руках они ещё мяч футбольный держали, как дите какое-то. В общем, фантазия дикая у него разыгралась.

«А мне че делать-то? – думаю, – Я ж ничего такого не умею».

Ну, и взял я просто деревяшку одну небольшую, и неспешно начал вырезать. Я, правда, сам сначала не знал, чё вырезаю, но в итоге ложка стала получаться. Тип, такая, как в старину была. Ёй, наверное, супы там хавали и салаты всякие. Короче, я вырезал ложку, а в это время, эти однокласснички мои, всюю шедевры искусства всякие делали. Опилки во все стороны так и летели. А я же медленно так вырезал свою ложку. Потом отшлифовал её тщательно, чтоб она гладенькой была. Вот и все, что за целых два урока я успел сделать.

Ну вот, значит, подошел к концу второй урок и трудовик вернулся.

– Давайте я гляну, че вы там наделали, – сказал он насупившись так, как индюк какой-то.

Все понесли ему свои шедевры, хоть прям щас в музей. А он нос, прикиньте, воротит.

– Фи, сто раз уже видел, – говорит он и вертит игрушки Ларика, как носки какие-то вонючие, – на тройку потянет. Затем он взял доску шахматную у Ваньки.

– Пойдет на тройку, – говорит и на пол всё бросает.

Хохмина этот аж расстроился немного.

– Да, это неплохо, оригинально довольно, – сказал он про

статуэтку Димона, – твердая четверка.

Димон ухмылочку нарисовал на своем лице самодовольную такую.

Потом Стас поднес свою шкатулку с секретом.

– О, че шкатулку с секретом? – говорит трудовик и куда-то нажимает. – Слабоватый секрет, тройки хватит с тебя.

Затем он начал разглядывать корабль Степкина.

– Ну а это че? Корабль, что ли? Большой. Нормально. Три с плюсом.

– Замок? Ну да, неплохо. Четверку поставлю.

Потом Игорь розу свою показывает, а она, короче, как настоящая прям получилась.

– А че это за цветок?

– Роза, – говорит Игорь.

– Да ты шо? Чет-т не похожа. Ладно, тройку так уж и быть поставлю.

И тут он подошел ко мне, и у него глаза сразу как распахнуты прям. Я думал, шас как заорет, что я за ерунду такую тут наделал. А он, короче, ахнул. Представляете? Реально ахнул. Потом взял мою ложку в руку и на свет так смотрит, типа, она стеклянная или изумрудная какая-то.

– Идеально, – говорит. – Подойдите все сюда.

Прикиньте, да. И пацаны тоже все подошли и опупели. Смотрят такие на мою ложку, типа, это не необычная деревянная ложка, а какая-то там копия скульптуры Микеланджело или еще кого.

– Пятерка, Колбаскин, однозначно пятерка. Можно бы-
ло бы больше, поставил бы больше. Можно я ее на выставку
возьму?

– Да, пожалуйста, – говорю я ошарашенно так.

«Че, – думаю – за фигня тут происходит? Значит, за ко-
рабль огромный, за шкатулку с красивейшей резьбой и за
чуть ли не настоящую розу тройка, а за вшивую ложку пя-
терка, что ли?»

И все, главное, поздравлять меня начали, даже девчонок
позвали. Они пришли в своих фартуках и тоже диву даются
от ложки моей. Все её трогают, осматривают внимательно,
как музейный экспонат какой-то.

«Это, вообще, нормально?!»

Глава 16. Горе-любовничек.

Ну и вот, закончился урок, и мы пошли в раздевалку. А я
иду такой и думаю: «Че-то странно все это. В смысле не толь-
ко труды, да и, вообще, весь день этот учебный. Все прям че-
то удивляются, чуть ли не восторгаются, а я-то всего-навсего
делал все, как обычно. Ну, то есть, как умею просто. Немного
подготовился, конечно, вот и все. А остальные из кожи вон
лезли, че-т старались показать себя. Они ж, типа, особенные,
а на меня больше внимания почему-то обращают. Мне даж
как-то неудобно перед ними».

Дошли мы до раздевалки, значит, а Неллька уже там сто-

ит, и пасет меня, и в руках всё розу эту несчастную держит. А эти однокласснички, да и из параллельного тоже, сразу смеются, короче, начали. Смешочки всё дают из себя, видишь ли.

– Любовничек, – говорят, – идет.

А Ванька этот, лыбу опять натянул себе на морду и говорит:

– Обычный, но удалец какой, гляньте!

И все заржали, как коняги бессовестные. Хотя че, будь кто другой на моем месте, я б тоже ржал и подкалывал. Так что, может, и заслужил.

Я подошел к Нельке.

– Привет, – говорю.

– Привет, Жень.

– Давай, Женек, не подведи! – закричал какой-то шутник неумытый.

– А зачем ты розу-то повсюду таскаешь? – спрашиваю я у неё.

– Как зачем? Ты же мне ее подарил, и она очень красивая.

– Ладно, понятно. Сейчас переобуюсь и выйду.

Ну, и я пошел в раздевалку, а она за мной потащилась за чем-то. А все, главное, перед нами раступаются и ржут ещё противно очень. Нависла она надо мной и всё тут, хоть треснись. Даже переобуться спокойно не дали.

Вышли в итоге мы с ней из школы и пошли гулять, типа. Прямо с рюкзаками и с белой этой розой. Разговариваем

идем. Ну, как разговариваем, она трещит без умолку, будто не говорила ни с кем лет сто, а я иду и головой киваю, как дурачина. Она, и про то, и про сё рассказывает. Про сегодня, про вчера, про позавчера, про завтра и послезавтра. И главное, спросит меня, типа: «А как у тебя там, че?» Я только рот открою и она такая: «А, ну понятно». и дальше: «Ля-ля-ля-ля-ля».

Но так продлилось не очень долго, потому что потом началась какая-то сплошная форменная дичь.

Короче, разговаривали мы (то есть, она одна чесала языком) и шли прям возле дороги, по тротуару. И тут, значит, останавливается, резко так, машина рядом. Розовая такая. Реально, розовая с цветочками. Вообще, идиотизм полнейший. А на всю боковину у него надпись такая была: «ТАКСИ ДЛЯ ВЛЮБЛЕННЫХ». Прикиньте? Я тож там офигел.

Остановилось, в общем, это такси, а из окошка рожа бородатая на нас выглядывает.

– Такси, не желаете? – спрашивает эта рожа. – Специально для влюбленных пар.

«Мы, вообще, как бы не влюбленная пара», – говорю про себя и уже хочу сказать этому мужику, что нам не нужно никакое такси и, что мы любим пешком, типа, ходить. Но...

– Жень, давай прокатимся, пожалуйста, Жень, – начала Неллька канючить прям сразу, хотя я даже сказать ничего не успел-то.

Ну и я, естественно, сдался без борьбы. Мне ж нужна была

любовь, даже жизненно необходима.

Мы залезли в это, так называемое, такси для каких-то там влюбленных и поехали. А этот хмырина, главное, зубы сразу начал заговаривать. Че-то там навешивает нам, музыку включил и я, короче, забыл даже узнать сколько это удовольствие неприятное стоит- то. А Нелльке, типа, по боку всё было. Она просто кайфовала.

– Здесь, остановите, – говорю водителю, когда мы до центра доехали. А проехали мы, наверное, один километр, не больше.

– Пятьсот рублей, – говорит это наглое рыло.

Прикиньте, пятихатка за какой-то километр недоделанный по мухасранску нашему.

– С чего это? – спрашиваю я у этого хмыря, – По городу же 90 рублей все берут.

– Так-то да, но это же специальное такси для влюбленных, комфорт высокого класса, музыка и все дела.

Я такой смотрю на этот комфорт высокого класса. Повсюду грязь, крошки какие-то валяются, потолок как-будто ногами кто-то пинал, а запах стоит такой, будто мышь в багажнике окочурилась. Да и музон его был вообще, дерьмовый: попса голимая, ахи одни и вздохи, фиг разберешь че поют, тарабарщина одна сплошная.

– Нет, – говорю, – пятьсот – это очень много, сто пятьдесят дам, не больше.

И я вижу, значит, в это зеркало заднего вида, что он глазки

свои хитрые сощурил, видать, понял, что я калач не промах.

– Ладно, – говорит, – сто рублей сброшу, четыреста и точка.

Я смотрю на его рожу ухмыляющийся и понимаю, что блефует он. Видать, вообще, на лоха цену назвал, думал раз мы школьники какие-то, то и денег родительских содрать можно по-легкому.

– Нет, сто пятьдесят, – сказал я и на Неллю посмотрел. Вспомнил, что она мысли умеет читать. А она такая головой кивает, типа, продолжай, торгуйся.

– Ладно, давай триста пятьдесят и разбежимся, – продолжает он меня разводить.

– Сто пятьдесят и разбегаемся.

– Ладно, не тебе не мне, триста и все.

– Сто пятьдесят, говорю же, у меня денег больше нет.

– Двести пятьдесят и точка.

– Ну ладно, ни вам, ни нам, двести.

– Согласен, – сказал он и даже обрадованно так. Видать, все равно в плюсе остался. Конечно, в два раза больше обычного содрал.

Отдал я ему двести рублей этих, а он еще и удачи нам пожелал. Скотина такая бессовестная.

Не зря я все-таки, когда мелким был с папой по блошиному рынку ходил. Он всегда любил бродить там и покупать всякий хлам старинный, который мама потом выбрасывала на помойку. Но больше всего, видать, он любил торговаться.

Всегда торговался, за каждую копейку. Вот мне это и пригодилось. Так, типа, и не знаешь когда, че в жизни пригодится, а вот пригодилось.

– Как ты его уделал! – сказала восхищенно Нелля, когда мы выбрались из этой вонючей машины.

– А то! Спасибо, что подсказала.

– Всегда, пожалуйста.

Ну, я, в общем, думал, что теперь всё: мы нормально погуляем, может, зайдем куда поедим, а то жрать уже хотелось сильно. Но не тут-то было. Не успели мы и полсотни метров пройти, а тут, короче, прям чуть ли не на бошки нам, палатка сваливается. Реально, палатка целая. Я имею в виду, знаете, такие, как на рынках стоят. В них там ещё одежду продают всякую и прочий хлам. Только тут не одежда была, а какая-то бутафория блестящая. Кольца какие-то, цепочки, серьги, браслеты, бусы и прочая бабская муть. А за всем этим, значит, тетка такая стояла, наштукатуренная прям сильно очень, типа, она не косметикой красилась, а эмалью какой-то акриловой, той который заборы красят и всякое такое. И сама она, бабища эта, тож вся была обвешана бусами этими, браслетами всякими, а на каждом пальце у неё по кольцу было, а то и по два даже. Металлолом, короче, ходячий. Ну, в общем, приземлилась она на нас и начала нам втюхивать дичь эту свою.

– Здравствуйте, молодые люди, – говорит любезно так, что аж уши в трубочку сворачиваются. – Подходите, покупайте,

золото высшей пробы, очень дешево.

«Ага, золото, конечно, – думаю. – Видать, в магазине все за пятьдесят рублей купила, теперь в тридорога продает».

А Неллька прям сразу побежала такая радостная, и начала там ковыряться, и смотреть на эти, типа, золотые фиговины.

– Вот девушка, сережки, только завезли, новинка, померяйте, – говорит она Неллке и зеркало ей сразу услужливо подставляет.

Нелля мерит их, смотрит на себя и восхищается, какие же «красивые, великолепные сережечки». А они вообще какие-то обычные и неприглядные, на самом-то деле. И главное, я не пойму, она ж, типо, мысли умеет читать, а тут ей лапшу на уши вешают толстенную такую. «Может, эта женщина разум как-то притупляет», – подумал я. Реально, потому что Нелля там, вообще, как слобоумная выглядела.

– У меня денег нет, – говорит Нелля и грустно очень отдает сережки обратно.

– Молодой человек купите девушке сережки, видите же, как они ей идут, – переключилась на меня бабища эта накрашенная.

«Ага, вижу, конечно, а то, как же».

– Жень, пожалуйста, купи, они такие хорошие, – завела Неллька шарманку, да еще с таким жалостливо-туповатым лицом.

– Сколько они стоят?

– Всего семьсот рублей.

«Всего? Ничего себе, всего. Обувают тут среди белого дня, даж глазом не моргают!»

– Семьсот, а это не слишком дешево для золота высокого качества? – спросил я, хотя можно было спросить и наоборот.

А женщина эта улыбнулась только, да так мило ещё, главное. Её, видать, вообще, ни чем не пробить было.

– Молодой человек, – обращается она ко мне вежливо очень, и ещё, типа, с грустным таким оттенком в голосе, – я женщина не молодая и мне много денег ни к чему. Мне лишь бы себя прокормить, да детишек.

«Ага, конечно. С таким умением втюхивать фигню десятисортную, ее детишки, наверное, в Москве уже учатся», – подумал я.

– Жень, пожалуйста, очень прошу, – опять заныла Неллька.

«Ну, мне же нужна любовь. – подумал я. – Она же мне жизненно необходима».

В итоге купил я эти сережки дурацкие, и мы свалили оттуда по-быстрому, пока эта скромная, бедная мать несчастных, голодных детишек, еще чего не начала нам втирать и впаривать.

Идем мы, значит, по улице, а Неллька меня вовсю благодарит и восхищается своими новыми псевдозолотыми сережками. Как вдруг, смотрю я, а из-за угла машина на всей скорости выезжает, и в нашу сторону, короче, несется, и прям

перед нами делает такой разворот полицейский, или как он там правильно называется. В общем, развалюха эта поворачивается к нам задом, и багажник у неё открывается прямо перед нашими носами. А там жарка, короче. Прикиньте, жарка в багажнике. Типа, прилавок какой-то передвижной. Там у них были какие-то колбасы, сыры, чай, кофе, печенье, конфеты и еще че-то. И все, значит, на иностранном языке написано.

Ну и вот, как только эта тачка резко так подкатила, народ прямо сразу и сбежался, и даже очередь выстроилась, человек десят, наверное, не меньше. И все, главное, почему-то стоят и оглядываются. А мы с Неллькой, типа, первыми оказались.

Потом из машины этой быстро вышли мужик с женщиной, они тоже почему – то по сторонам постоянно оглядывались. Ну, в общем, подошли они к нам и сразу меня начали окучивать. Видать, наметанным своим глазом определили рычаг давления или че-т, типа, того.

– Молодой человек, купите девушки конфет, – говорит тетка.

А Неллька и так сразу в конфетах начала рыться. Не знаю, может, у продавцов реально, типа, сверхспособность такая была: разум и волю затуманивать.

– Да, парень, купи девушке конфет, сделай ей приятное, – начал втирать мне этот мужик, да таким голосом ещё, будто мы с ним давнишние приятели.

– Вот, Жень, купи, пожалуйста, эту, – сказала Неллька

и вытащила оттуда самую маленькую коробку. А я – то знаю, чем меньше эта упаковка, тем дороже.

– Хороший выбор, девушка, – говорит мужик, – они очень вкусные.

«Ага, и дорогие, небось», – думаю.

– Сколько стоят? – спрашиваю я у этих спекулянтов недоделанных.

– Всего четыреста. Таких конфет вы здесь не достанете, – обуваает меня опять бабища эта.

«Ну да, а ни че, что я каждый день, в магазине их вижу, и стоят они в два раза дешевле? Просто вместо иностранной тарабарщины, на них по-русски написано».

– Пожалуйста, Женя, – канючит, как мелкая какая-то, Нелля эта, то бишь любовь моя ненаглядная.

И сзади, значит, эти тетki с дядьками тоже начали меня поторапливать. Мол, купи, жмотяра этакий, своей крале конфет. Не мужик ты, што ли?

«Ну, мне ж нужна любовь», – подумал я и отдал им эти четыреста рублей за три конфетки жалких каких-то.

Потом я Неллюку чуть ли не за шиворот оттуда оттягивал. А то мало ли, что ей еще в голову могло взбрести.

Идем мы опять, а я уже по сторонам оглядываюсь, наверх смотрю, чтоб, меня, короче, опять, как лоха не обули и как липку не обобрали. А Нелльке по фиг вообще. Она идет такая радостная, держит коробку конфет в одной руке, а в другой у нее роза эта белая. Благодарит она меня все за сережки,

да за конфеты эти никчемные. Лучше уж спасибо сказала, что я позволил себя, как лоха последнего разводить. Да уж, а все же, типа, ради любви.

Вскоре, мы, значит, подошли к пиццерийки одной задрипанной. Ну, я и говорю Нелльке: «Давай зайдем». А то тут на улице, кто знает, что может произойти. Небезопасно, одним словом. Особенно для кошелька моего.

Ну, мы и зашли в эту пиццерийку. А там и так народу всегда мало было, а в этот раз вообще никого. Сели, мы, значит, за понравившейся столик, хотя разницы-то никакой нет. Они – все одинаковые.

Только, уселись – бац – прямо перед нами возникает официантка. Тетка такая в красной футболке. Мы аж подпрыгнули с Неллькой, а я, так вообще, чуть со стула не грохнулся.

Появилась, она и бросила нам чуть ли не в рожи меню эти. – Выбирайте, – говорит и исчезла, а потом сразу за кассой появилась.

«Вот, – думаю, – ленивая какая, пять метров уже пройти не может. У этих же телепортов ожирение еще начнется какое-нибудь, типа, и за подвижности малой».

Только открыли мы эти меню – бац – опять официантка в воздухе материализуется. Да так неожиданно, что я аж это меню чуть на пол не уронил, хорошо, что реакция сработала.

– Выбрали? – спрашивает она че-т недовольно так, как будто мы ей здесь мешаем своим присутствием.

– Нет, – отвечаю ей.

– Так выбирайте, – говорит она еще недовольнее и зырит на нас страшно очень, – у нас много заказов еще.

Я оглянулся и осмотрел весь зал, где мы сидели. А там, значит, пусто было, как и до этого. «Может, – думаю, – у официантки этой галики какие начались из-за передозировки сверхспособностями».

– Так никого же нету, – так ей и говорю.

А она, короче, гримасу скорчила такую, типа, передразнивает меня.

– В каком веке, – говорит, – живете вы? Сейчас все по мобильному приложению заказывают и едят дома, как нормальные, современные люди.

«Ну да, – думаю, – ничесе, а мы че каменный век, что ли, раз мобильными приложениями не пользуемся? А я ж, наверное, тогда со своим кнопочным мобилой вообще с динозаврами жить должен». Так я подумал, но ей, естественно, ничего такого не сказал, да и бесполезно это. Мы же, типа, дети, а взрослые все знают лучше нас.

– Сейчас, – говорю ей и снова это меню открываю.

Смотрю я на первую страницу, а там пицца – «Вкусная». А че? Простое название. Это вам ни «пепперони» и ни «кальцоне» какой-то. А на фига, вообще, башню ломать-то, если пицца вкусная, то и назовем её «Вкусная», если она острая, значит будет «Острая», с курицей, так и назовем ее просто «С курицей» (а че такого?), если там много мяса, значит

будет «Мясная», если сыров много, значит – «Сколько-то там сыров», а если, короче, в пицце только эта лепешка, сосиски, помидоры и сыр, то значит будет «Студенческая».

– Нелль, «Вкусную», может, возьмем? – спрашиваю я у своей, так сказать, возлюбленной.

– Да, давай.

– Нам, пожалуйста, целую «Вкусную», – говорю этой тетке.

Сказал я ей это, а она че-т все равно продолжает стоять выжидаючи и как-то злобно прям смотрит на нас, что аж чувство такое возникает, будто ты что-то плохое сделал.

– Пить чё будете, десерт какой? – спрашивает она так противно, типа, как будто мы прям знаем в каком порядке, что ей говорить надо. А, может, мы просто забыли?

– Пить? Я сок буду, а на десерт мороженное, – говорю ей.

– А мне, пожалуйста, коктейль шоколадный, а на десерт тоже мороженное, – говорит Неллька.

– А мне можно тоже коктейль вместо сока, – сказал я, потому что че-то тоже коктейль захотелось.

А официантка, значит, зыркнула на меня так, как на врага народа, тип, я тупой какой-то. Губы ещё поджала, как-будто, вообще, их проглотит щас, и че-то зачеркнула у себя там, и написала снова.

– Ждите, – сказала она и исчезла.

– Какая противная, – говорю я Нелльке.

– У нее сейчас проблемы в семье. Муж её что-то натворил.

– А, ну да, ты же мысли умеешь читать, все время забываю. А че она про нас подумала? – спрашиваю я Нелльку.

– Да, ничего, – сказала она и, типа, зажалась.

– Ну скажи, че такого?

– Она подумала, что я привела своего умственного отсталого брата пиццу поесть.

– Че, серьезно?!

– Да.

– Вот же коз...

Не успел я договорить, а она, тетка эта, появилась вдруг с коктейлями и, главное, перед Неллькой нормально поставила, а передо мной шмякнула так, что аж ножка чуть от бокала не отвалилась. И опять, короче, исчезла.

– Что-то она тебя невзлюбила, – сказала мне Неллька, типа, даже сочувственно.

«Ну, естественно, она же, эта бабища, думает, что я тупица непроходимый».

– Да, это уж точно. Нелль, а тебя можно спросить кое-чё?

– Да. Что?

– Ты вот мысли умеешь читать, да? Так ты можешь сказать тогда, о чем люди вообще думают-то?

– Обо всем подряд.

– Ну, это понятно. А чаще всего? О чем?

– Я так и не знаю, как сказать это всё.

– Ну скажи как-нибудь.

– Ладно, постараюсь, как смогу... Ну так, в общем, пожа-

луй, чаще всего люди думают о себе. Да, наверное, о себе. О проблемах своих, делах, переживаниях всяких. Так же они ещё много думают о других людях. О семье, друзьях, любимом человеке или о тех, кто рядом просто находится. Ну, а если они делом просто каким-то занимаются, то обычно, почти все мысли на этом деле и сосредоточенны. Но, а вообще, мысли у человека зачастую быстро очень сменяются, могут даже каждую секунду меняться, поэтому уловить их бывает очень сложно, – сказала она, и мы оба замолчали, тип-по, задумались.

Вскоре принесли нам эту пиццу, но очень уж быстро как-то. Через минут пять, примерно. Раньше же обычно приходилось ждать минут двадцать, если не больше. А тут, значит, официантка эта появилась опять, и швырнула пиццу на стол. Я, конечно, удивился.

– А почему так быстро? – спрашиваю. – Вы ее че просто подогрели в микроволновке?

Вот так вот прям и спросил, потому что уже надоело, что весь день мне лапшину на уши вещают, а я жру и жру её без продыху.

– Нет, мы теперь всегда так быстро готовим, – сказала она мне, чуть ли слюной не брызгая, и опять телепортнулась.

А в принципе да, чей-то я удивился. Наверняка, там какие-нибудь повара у них сверхбыстрые были, которые туда-сюда носились, резали овощи эти, колбасу, и тесто раскатывали со сверхзвуковой скоростью. И какая-нибудь, навер-

ное, суперпечка у них была ещё.

Ну и мы с Неллькой начали точить эту пиццу. Я её вообще-то, всегда руками жру, но тут как бы девушка, свидание и все такое, так что пришлось орудовать ножом и вилкой, что очень тормозило весь процесс поглощения. Да и еще к тому же, запивать мне было не чем, так как свой коктейль я выпил почти сразу же, как его принесли.

Сидим мы, хаваем так, и тут я, значит, решил еще какой-нибудь, типа, умный вопросец закинуть.

– Нелля?

– Да?

– Скажи а тебе способности эти что-нибудь дали вообще?

Ну, я имею в жизни, типа, разве чё-то у тебя поменялось?

Видать, я её этим вопросом за живое, так сказать, задел. Потому что она, как начала мне рассказывать про свою тяжелую жизнь до сверхспособностей. Про то, типа, что у неё друзей не было там никаких, вообще. Про то, что обзывались на неё в школе, и разговаривать с ней никто не хотел. И родители тож у неё че-то там ругались постоянно и всё такое прочее. А после того, как сверхспособности у всех появились, она, значит, двух подружек сразу себе нашла, с одноклассниками терок никаких теперь нет, и родители не ссорятся больше. И в конце, короче, сказала ещё, что, видишь ли, она сидит с хорошим парнем в пиццерийки, и пиццу вкусную вместе с ним точит.

– Ну да, скажешь, тоже. Какой я тебе хороший?– говорю я

ей, а то она меня че-т даже расстрогала нытьем своим, и мне её жалко очень стало. А я, до этого, как ишак тупоголовый, грубо иногда так с ней разговаривал. А она, значит, сидит тут и хорошим парнем меня обзывает.

– Хороший ты, Женя, очень хороший, хоть и считаешь себя плохим.

– Ну, и че я хорошего такого сделал?

– Как что? Ты розу мне подарил, на свидание позвал, подарки мне сделал, разговариваешь со мной и пиццей угощаешь.

«Ну да. Но если так-то подумать, это я все ради себя делаю, типа, чтоб жизнь свою спасти», – сказал я про себя, а Нелльке ничего этого, конечно, вслух не сказал.

– А ты, Жень, о чем сейчас думаешь? – спросила она и глазами своими всю уставилась на меня, что аж не по себе как-то стало.

«О чем? Да, о том, что умру скоро, если ты мне любовь эту дурацкую не дашь».

– Да так о всяком. О том, что мы, типа, сидим здесь с тобой, и так вообще о...

Тут я запнулся, потому что увидел людей, которые заходили в дверь. А этими людьми были Лешка, Настя и Сонька. Вы прикиньте? Они, видать, следили за мной. Даже Соня эта притащилась откуда-то.

Ну и вот, зашли они сюда, и зырят на меня всю, и улыбаются, как придурочные. А я на них глаза вылупил, ти-

па, спрашиваю: «Че вы приперлись-то сюда?». Им же, значит, вообще, по фиг. Они такие, типа, невзначай проходят за Неллькиной спиной, и мне большие пальцы свои показывают, и еще так бровями вверх дергают. Болваны вислоухие, одним словом. Прошли они, короче, мимо нас и сели в угол. Заказали какие-то коктейчки вшивые, и все зырят на меня, и подмигивают ещё. Ну, представляете, вообще?! «Вот им заняться не чем!» – думаю такой, а сам глазами и рукой под столом на выход им показываю, что б проваливали подобру-поздорову. А им, значит, хоть бы хны. Сидят себе, зенки свои на меня пялят, и ухмылочки на лицах изображают.

Сидят они так, а мне кусок в горло не идет. Неллька уже чуть ли не пол-пиццы затрепала, а я только один кусочек и схавал.

– Аппетита нет? – спрашивает меня Нелля заботливо.

– Нет, – говорю, – просто люблю смаковать.

В итоге дождались мы, когда принесли нам мороженное с фруктами, а пиццу я решил домой забрать.

Сидим мы, жрем это мороженное, и тут Лешка вдруг встает и идет, типа, в туалет. А сортир этот прям рядом с ними находится. Но он, значит, решает прогуляться через весь зал, и специально, зараза такая очкастая, мимо нас проходит, гримасы мне строит и лыбу свою кривозобую давит. Потом он в сортир зашел, и сразу же от туда вышел, вернулся обратно, и усадил свою жопу на место.

И тут, только он сел, Соня встает, дылда эта великовоз-

растная, и тоже идет нарочно мимо меня, и сосиски свои большие оттопырила, и как бы подбадривает меня этим. Ну серьезно, спектакль какой-то форменный, или цирк шапито приехал.

Уселась она в итоге на место свое, и тут Настя поднимается, и идет прямо к нам. Подходит такая, улыбается по-идиотски, и мне подмигивает, да так часто ещё, будто у нее нервный тик какой-то.

– Здравствуйте, – говорит она своим писклявым голоском, – извините, пожалуйста, что я вас отвлекаю, вижу, что у вас свидание. Но вы не скажите, какую пиццу вы брали, а то мы выбрать не можем.

«Вот засранка какая наглая. Чепуху тут какую-то несет несусветную», – думаю я, а сам уже закипаю вовсю. Я её кивками мелкими и глазами злющими отправляю обратно, а ей хоть бы хны. Она вообще смотрит только на Неллю и улыбается, типа, сама невинность.

– Мы «Вкусную» брали, нам понравилась. Жень, тебе же понравилась?

– Да, да, конечно, – говорю я так спокойно и мило, а сам внутри горю, короче.

– Спасибо большое, вы очень добры. Хорошего вам дня.

– Спасибо, и тебе тоже, – отвечает ей Нелля.

– Спасибо, до свидания, – говорит вертихвостка эта мелкая и возвращается к остальным.

– Странно, – обращается ко мне Нелля, – ее мысли и мыс-

ли ее родственников, я тоже не могу прочитать.

«Какие родственники?! Пиявки назойливые, вот, кто это!» – говорю я про себя.

– Может, у них сверхспособность такая, типа, блокировать чужие способности? – говорю я Нелльке и делаю такой задумчивый вид.

– Да, наверное.

Ну, в общем, я понял, что от этих натоптошей приставучих надо сматываться. Поэтому я закидал по-быстрому мороженное себе в пасть, швырнул пиццу в рюкзак, оплатил счет, и даж сдачи не стал ждать. Тип, на чай оставил полтинник. Пускай думают, что я щедрый такой, хоть и тупой, как пробка.

Вышли мы, короче, из этой забегаловки и пошли куда-то. Нелля вела нас, и опять болтать о чем-то начала, а я иду рядом и смотрю назад. Эти оболтусы сразу же вышли после нас и за нами поперлись. Я им махаю рукой, типа: «Проваливайте. Чё надо-то вам?». А им все равно. Идут и идут, как ни в чем не бывало. Соня эта по середине, а мелкие по бокам. Радостные конкретно, вообще. «Вот, – думаю, – что они себя шпионами воображают какими-то или просто злить меня им нравится?»

Ну, идем мы, значит, так, и тут вдруг, возле какой-то хибары Неллька остановилась резко, а я по инерции вперед на метров десять прошел, аж возвращаться пришлось.

Нелля стоит че-т довольная такая, улыбается вся, как ду-

решка, и на меня смотрит не отрываясь, а я на засранцев этих поглядываю все время. Как мы остановились, они тож при- тормозили, и на скамейку уселись, и опять пасут нас.

– Ну, ладно, Женя, я домой пошла, – говорит Нелля и на хибaur эту страшную показывает. – Спасибо тебе за прогулку, за розу белую, сережки, конфеты, пиццу.

За все, короче, поблагодарила меня, а я такой:

– Не за что, – и всё. Только это и смог придумать.

А она, значит, стоит и ждет чего-то. Ну, я типа, фильмы эти смотрел и понял, что, видать, засосать её должен. А эти гиббоны на скамейки сидят, и губешки свои в трубочки ска- тали, типа, говорят мне: «Целуй уже. Че ждешь-то?» А мне как-то не удобно когда так смотрят. Поэтому Неллька пожа- дала немного и ушла.

– Пока, Женя.

– Пока.

Глава 17. Прощай, черный ворон.

Ну и пошла она в домишко свой задрипанный, а я рядом на скамейку плюхнулся, как сарделька переваренная, и го- лову руками закрыл. «Ну все, – думаю, – песенка моя, как говорится, спета. Завещание уже надо писать, хотя и остав- лять-то нечего».

И тут эти дундуки подходят ко мне и улыбаются все, да так широко, что аж рожь их на улыбки не хватает. А мне даже и злиться на них лень.

– Почему не поцеловал? – спрашивает Соня.

– Ай, отстаньте, – отмахиваюсь я от них, как от мух на хлебе.

– Ничего страшного, – говорит Настя, типа, она знаток какой, – в следующий раз поцелует.

– Не будет никого следующего раза, – сказал я раздосадованно.

– Почему? Ты же нашел себе девушку, – говорит Леха.

– Ну и что? Любви-то этой нет. И я, вроде как, чувствую, что умираю. Прямо ощущение такое тяжелое.

Они на это ничего не ответили, а просто сели рядом со мной. Ну, и сидим мы так, и греем скамейку своими жопами, и молчим. И тут Лешка, осел этот мелкий, как затянет песню про черного ворона, который над трупками вьется. «Вот, – думаю, – подбодрить решил, спасибо большое». Хотя песня-то, как нельзя кстати пришлась. И сама она, правда, очень красивая. А Леха ещё затянул её прямо как надо, девчонки всплакнули даже не много.

– Слушайте, – вдруг опять запищала мелкая, – а давайте на озеро пойдем, уток кормить! Мне это всегда помогает, когда грустно.

– Ага, что-то я ни разу не видел, что б тебе грустно было, – говорю я ей, а она это мимо ушей пропускает.

– Пойдем, Жень?

– Да, пошли, Женя, пройдемся, – поддержала Настю Соня.

– Ладно, ладно, не отцепитесь же.

Ну и пошли мы, значит, на это озеро. То есть как: они шли, а я еле как плелся сзади. Но сначала мы ещё в ларек зашли и купили две булки хлеба. А Настя, естественно, начала выклянчивать у меня, что б я ей трубочку с кремом купил. И остальные тоже захотели, конечно, чего-нибудь. Ну я и купил им на оставшиеся 300 рублей, трубочек этих и пирожных всяких. Так сказать, решил их напоследок побаловать, перед тем как я коньки отброшу.

Пришли мы в итоге на это озеро. Ну, как озеро, лужа такая довольно-таки большая. Ребята возле берега встали, и начали ломать хлеб, и уткам бросать. Утки все сразу озверели, приплыли, прилетели, гвалт устроили, чуть ли не драться начали. А мелкие с Соней радуются. Весело им прям че-то. А я смотрю на них, как они смеются, как веселятся, и сам тоже начинаю улыбаться. И тут, короче, чувствую внутри, что я, типа, жить буду дальше и не умру скоро.

– Ребят, – заву я свою «Обычную команду».

Они все поворачиваются и смотрят на меня, как-то испуганно, вроде. Может, голос у меня такой тревожный был.

– Я понял, – говорю.

– Что понял? – спрашивает Настя.

– Что я как бы люблю вас. Вот. И я буду жить.

А они тарашатся на меня, как будто поверить словам моим не могут. И тут, резко все с места срываются и наваливаются на меня, и обнимают, и хохочут, и плачут. Короче,

сцена довольно сопливая была, хочу честно вам сказать.

Вот так вот, я и понял, что тот дедок имел ввиду. Что, типа, не только любовь к девушке нужно было найти, а вообще любовь как бы. Наверное, типа, там, и к людям, и к делу какому-то, да и вообще к жизни, в общем. Такая вот муть получается.

А вы что думали, что я буду там при смерти валяться несколько дней, и тут, когда я уже коньки почти откину, неожиданно придет девушка невероятной красоты и засосет меня, что я аж сразу и оживу? Ха, нет уж, мы же не в сказке живем все – таки.

Глава 18. Всем плохо, а мне хорошо.

Но на этом история моя еще не заканчивается. Самое-то интересное случилось на следующий день.

Проснулся я, значит, на следующий день ни как обычно. Не в 7—10 или в 7—15, а ровно в семь. Прямо как будильник прозвенел, так я и встал. И чувствую себя, главное, зашибись. Голова даже ясная была. Пошел я, значит, в ванную. Умылся, причесался, зубы почистил, то есть сделал все, как положено.

Вышел я из ванны и слышу, что дома очень тихо как-то. Мелкие-то просыпаются когда, шуметь сразу начинают, особенно Петька. А в этот раз не звука, короче, не было. Только и слышно было, что мама уже там на кухне чем-то гремит.

Постучался я в шмакодявочную спальню, а от туда никто не откликается. Ну, короче, я и зашел. «Может, дрыхнут ещё», – подумал я в тот момент. Зашел я и вижу, возле шкафа Петька стоит, но он не тот, что прежде. То есть нормальный младший брат, а не горилла перекаченная. Самый обычный пятиклассник, в общем. Он такой грустный весь был, поникший и всхлипывал постоянно. Одевается он в свою школьную форму, а она на нем мешком весит. Конечно, растянул, когда терминатором мелким был. И главное, одевается так уныло, типа, не в школу собрался, а на казнь как будто свою же. Мне че-т немножко даже жалко его стало.

Ну а сестра, сидела на кровати, тоже ни рыба ни мясо, понурая вся и грустная. А Барсик, короче, лежал у её ног, калачиком так свернувшись, то есть, как обычно это было. Надя же все говорила ему чуть ли не плача: «Дай лапу, повернись Барсик, кувырок», но он продолжал просто лежать, как будто ему вообще плевать было, что ему там мелкий человечек этот щебечет че-то.

– Доброе утро, – говорю им.

Они молчат в ответ, только взглянули на меня своими глазенками безразличными, и все тут.

– Че с вами такое? – спрашиваю их.

– Плохо все, – отвечает Петька и вздыхает.

– Да, – говорит Надя, – меня Барсик не слушается.

– Ну и что, что не слушается. Он же и раньше не слушался, но это же все равно твой кот. Он просто такой же, как и был

раньше.

Сестренка, значит, взглянула на меня и улыбнулась.

– Ты прав, Женя, – сказала она, а потом взяла Барсика и обняла его, а он затарахтел, как трактор.

А я к Петьке, короче, подошел и помог ему рукава на рубашке застегнуть, а то он, как размазня какой-то был, даже в дырочки эти попасть не мог. Я его, тряхнул и сказал:

– Давай, замор... Петька, соберись, а то че раскис тут. Сопли вон подбери, до колен аж свисают. Ты мужик или где?

– Да, мужик, – говорит тихо так.

– Чё? Не слышу?!

– Мужик, мужик, – сказал он уже громче.

– То-то же, давайте уже пошевеливайтесь, завтракать надо.

Ну, я же старший брат все-таки. Надо же как-то их в чувство было привести.

Вышел я из их комнаты, и начал уже осознавать, че вообще здесь творится. Поэтому я сразу на кухню и пошел. Зашел я, значит, на кухню, а там мама за плитой стоит и омлет жарит.

– Доброе утро! – говорю, да так ещё как-то громко, повеселому, типа.

А мама развернулась так резко, зыркнула на меня и говорит:

– Ага, доброе. Что раскричался?! Садись, давай и не мешайся под ногами!

Ну, я и сел, а мама к столу подошла и помидоры резать начала. Нарезала, значит, и хотела их в миску высыпать. Хватать, а миски этой и нет. А она в раковине стояла с другой грязной посудой.

– Я ж тебе, говорила, посуду мыть за собой! – обращается она ко мне.

– Я мыл, – говорю ей правду, так как я реально вчера посуду после себя вымыл, чего очень давно не бывало.

Ну и она пошла к раковине, и начала посуду эту всю мыть. И тут заходит батя, весь такой заспанный, небритый, с помятым лицом.

– Карина, – говорит он, – ты мою форму погладила?

Мама, короче, даже не повернулась.

– Ничего я не гладила! Ты не видишь, что я делаю?! У меня, что шесть рук, что ли?! Иди давай сам гладь!

– Ага, ладно, – сказал папа и просверлил взглядом мамину спину, а потом на меня грустно взглянул, и пошел гладить, видимо, форму свою. В мятой-то ходить не очень.

Только он вышел, дед заходит на кухню. Весь скрюченный такой, в очках толстенных своих и за стол сразу ухватился, типа, чтоб не завалится.

– Че вы, детвора, разорались тут с утра пораньше?

– Ничего дед, нормально все, – говорю ему, потому что мама его как будто и не услышала. – Че ты такой весь, как будто разваливаешься?

– А че, так и есть, – говорит он мне и рядом садится. –

Старость – не радость.

– Ага, так ты ж вон вчера с Петькой на турнике такие штуки выделывал, а сейчас уже, старость – не радость?

– Ну, внучок, вчера – это было вчера, а сегодня – день уже новый. Ты-то, Женек, как сам? – спросил он и похлопал меня по спине, но я, типа, даже этого хлопка и не почувствовал.

– Нормально, – говорю, – ничего особенного.

– Это точно. Ну ладно, пойду я еще полежу немножко.

– Давай, дед.

Он встал с трудом и поковылял обратно.

– Женя, иди сходи поторопи Петю с Надей, а то опоздают, – сказала мне мама.

Я посмотрел на часы. «Почему опоздают? – подумал я, – Они ж всегда так и собираются».

– Сейчас придут они, – говорю маме.

– Женя, тебе что сложно, что ли, сходить?

– Нет, но... вот же они, – говорю я, а شماкодьявки заходят на кухню.

Они уже как будто более-менее в форме были, чем до этого. Не такие потерянные, в смысле.

Ну что ж, оставалось еще только одно, что могло подтвердить мои скудные умозаключения по поводу происходящего. Поэтому я встал и врубил телек. На экране опять появился этот противный диктор.

– Здррравствуйте, дорррогие телезрррители, – сказал он своим отвратительным картавым голосом.

Уж лучше слушать звук скрежетания по пенопласту, чем это.

– К главной новости дня, – начал он очень грустно и чуть ли не зарыдал там. – Как вы помните, несколько дней назад, недалеко от города Зурбинск упал метеорит (показывают старые кадры, где мужики и тетки в белых халатах ходят вокруг камня). Он стал причиной неизвестного излучения, которое привело к возникновению у людей различных сверхспособностей (показывают, как разные люди летают, бегают, огнем там пуляются, предметами управляют, под водой плавают и так далее, короче). Но сегодня утром, по неизвестным причинам, излучение прекратило свое действие, и все люди начали терять свои сверхспособности (показывают, как мужики летят над морем каким-то, на перегонки, видать, и резко все начинают падает вниз, и плюхается в воду; женщина пианино ещё, типа, поднимает силой мысли, и тут оно резко валится на пол, и в щепки разлетается; и еще там парень какой-то бетонные плиты рукой разбивает. Он разбил одну, вторую, третью фигагнул и как заорет, а в следующем кадре он уже из больницы с гипсом выходит). Вот я, например, стал говорить, как обычно, не плохо, конечно, но не так как прежде. Да и память стала немного хуже, теперь я даже не могу вспомнить, что ел на завтрак, – сказав это, он заплакал прям по-настоящему. – Извините, дорогие телезрители, эмоции, сплошные эмоции. А сейчас уже не очень экстренный репортаж Зинаиды, Зинаиды, сейчас,

как ее там, забыл (он начал рыться в своих листках). А да, Зинаиды Бурмехино из города Нью-Йорк.

На экране появилась тетка. Она была одета вся в черное, типа, в трауре каком-то, и глаза у нее опухшие ещё были.

– Здравствуйте, Зинаида, вы нас слышите?

Она не отвечает.

– Зинаида, прием. Вы нас слышите?

Не отвечает.

– Зинаида!!!

– Да, да, Дмитрий я вас слышу, просто задумалась немного, – сказала она спокойно и даже не шелохнулась.

– Ну расскажите, что там у вас происходит?

– Эй, осторожней! Куда ты прешь?! – она накричала на какого-то мужика с большим таким рюкзаком.

А этот мужик развернулся и в ответку ей, значит, сказал:

– А че ты здесь встала, курица?!

Реально, так и сказал, прям на чистом русском, видать, турист какой.

– Зинаида?

– Да, Дмитрий. Грубиян тут один. Понапрезжают тоже всякие. Так вот, в Нью-Йорке сегодня обычный вечер. Люди сейчас гуляют, отдыхают после рабочего дня. Ну, сами посмотрите, – сказала эта тетка и отошла в сторону.

А там, значит, на улице, вообще почти никого не было. Человек, может, двадцать, от силы, а то и меньше. Ходили они там тож все унылые и в черной или серой одежке. Не Нью-

Йорк какой-то, а как-будто наш задрипинск, честное слово. Хотя у нас, наверное, народу в такое время, и то больше будет.

И тут оператор, видимо понял, что снимать-то здесь и нечего, и перевел свою камеру на Зинаиду. А она стоит такая, палец к виску приложила и тужится.

– Дима, – говорит она и смотрит в камеру, – твое предложение по поводу свидания еще в силе?

– Нет, я уже с Марией договорился.

Лицо у этой репортерши злое такое вдруг стало, и она как врежет по камере, что картинка сразу и пропала.

– Извините, дорогие телезрители, связь с Нью-Йорком прервалась, и налаживать мы ее не будем. А сейчас репортаж Марии Кулек из Парижа.

На экране появилась опять такая же грустная тетка. Она вытирала глаза платком.

– Мария, здравствуйте.

– Здравствуй, Дима.

– Мария, скажите, пожалуйста, что сейчас происходит в Париже?

– Ну, что я могу сказать, Дима. В Париже сейчас так себе, в принципе, как и всегда. Люди здесь очень злые и недружелюбные. У городских властей сейчас очень много проблем с главной достопримечательностью города. Можете сами посмотреть. Вань, покажи, пожалуйста.

– Ага, щас, – ответил чей-то недовольный голос.

И тут на экране появилась Эйфелевая башня, а вокруг неё стояли машины, типа, наших пожарок. Лестницы эти раздвижные тоже были повсюду. А сами пожарные или спасатели, как их правильно там назвать, снимали людей прямо с башни этой. Вот и ползали, называется.

– Ладно, – говорит оператор, своим унылым голосом. – Что-то мне все это надоело.

И тут, короче, камера упала, картинка погасла, и снова появился Дмитрий.

– Извините, дорогие телезрители, но связь с Парижем прервалась по не очень техническим причинам. А теперь к другим ново... – диктор запнулся и ему что-то начали шептать.

– Ага, понятно, понятно. Вот и все главные новости на сегодня, уважаемые телезрители. Сейчас внизу экрана вы увидите номер телефона горячей линии. У вас есть возможность рассказать об сверхспособностях, которые вы потеряли и о том, как это отразилось на вашей жизни. Наиболее драматичные истории попадут в субботний выпуск программы Игоря Махлыгина «Жизнь без сверхспособностей». Удачи дорог...

Телек вдруг неожиданно отрубился. Свет тоже погас.

– Мама, что со светом?

– Опять дядя Валера в щиток, наверное, полез, все никак не смирится, что не может больше электрическими полями управлять.

– Ааа, ну понятно, – ответил я вообще без удивления даже.

– Садитесь есть, – сказала мама, но с такой интонацией, что типа, не кушать, а жрать.

Ну, мы и уселись. Она вывалила нам в тарелки какую-то черно-белую массу, типа, омлета.

– Петя, руки иди мой, – говорит она и тот сразу, покорно идет в ванну. Ну а че? Сверхспособный ты или нет, а против мамы никак не попрешь.

Сожрал я кое-как этот мамин омлет, слегка совсем пригоревший, и потопал в школу. Иду я по улице, а там опять творятся какие-то дикие, невероятные вещи. Seriously. Сверхспособностей уже ни у кого как бы нет, а все равно продолжают какой-то ерундой заниматься. Ну а чё? Видать, им сложно было смириться со своей обычностью. Ладно уж, расскажу, че они там делали, хоть и вспоминать даже больно.

Ну вот, те, кто летать раньше умел, они че делали, значит. Они просто запрыгивали, короче, на скамейку или еще на какую возвышенность, поднимали свои грабли вверх и прыгали. Надеялись взлететь, наверное. Те, кто быстро бегал, он шли, шли себе спокойненько так и вдруг резко ускорялись, но, правда, очень медленно. Были и такие, кто руки просто вытягивал вперед, и напрягал их, и сам тоже тужился весь со всей силы, как будто на толчке сидит. Они, наверное, типа, надеялись, что им удастся машину поднять, или огонь, или

лед из рук выпустить. Другие же ходили, и за руки людей хватали, или близко так подходили, и очень сосредоточенно смотрели в лицо. Некоторые с собаками дворовыми разговаривали, и че-т от них пытались добиться. Были и такие, кто, типа, с деревьями пытался болтать. Те, наверное, которые сверхсильные были, они, значит, подходили к машинам или к мусорным бакам, и пытались их поднять, и чуть ли не пугали там от натуги такой. А один мужик, короче, прям на фонарный столб залез и к фонарю ладошку всё прикладывал. Наверное, хотел, что б он зажегся. А телепорты эти, они просто стояли с такими умиротворенными лицами, либо наоборот, сильно очень напрягались, что аж глаза у них выпучивались.

В общем, дошел я до школы более-менее нормально. Открываю дверь, захожу и сразу же врезаюсь в кого-то. «Че встал-то по середине?» - думаю. Смотрю, а это Колян из параллельного и тож без настроения че-то. А я, вообще, чуть ли не веселый был. На подъёме, так сказать.

– А, это ты, Колян! – говорю я ему. – Как жизнь?

– Да, так себе.

– Ну ладно, крепись, еще увидимся, – сказал я ему и пошел в свою раздевалку.

Захожу я в эту раздевалку, а там тишина гробовая. Все стоят и переодеваются, да с такими кислыми лицами, что аж самому печально становится. Но мне че-то не стало печально. Я руки всем пацанам пожал, а они, главное, так слабо их

сжимали, что они аж выскальзывали, как мыло какое-то. Ну и подхожу я, значит, к своей вешалке и на че-т мягкое сразу наступаю.

– Извини, Лиза, – говорю, потому что я ей на туплю наступил.

«Щас, – подумал я, – она опять меня поносить начнет, дураком обзовет».

А она на туплю свою посмотрела, потом на меня взглянула, рукой махнула и вышла из раздевалки.

«Вот, – думаю, – что с людьми потеря сверхспособностей делает».

Достал я, значит, сменку и стал неторопливо переобуваться. И тут вдруг звонок прозвенел и все ломанулись сразу, но только как-то по черепашьему, то есть очень медленно. В общем, вышли все, кроме меня и Димона. Он такой стоит возле окошка и вдаль, типа, смотрит. Ну и я подхожу к нему, и как по спине вдарю, что он аж подскочил.

– А, Женек, здорово, – говорит и лыбу свою придурковатую давит.

Смотрю я на него и глазам своим не верю. Нормальный Димон передо мной стоит. Не пижон какой-то, а обычный пацан. Лохматый, как чучело огородное. Джинсы свои черные надел, которые внизу всегда замасканные. Свитер напялил, как обычно, серый и в катушках весь. Воротник рубашки мятый, как-будто его корова жевала часа два, не меньше. Да и духами от него не воняло, и голос обычный был, а не тот

напыщенный и дико раздражающий.

– А че ты стоишь, в окно смотришь, пасешь кого-то, что ли?

– Нет, так просто смотрю и тебя жду.

– Ааа, ну пошли тогда.

– Пошли.

– А че ты такой радостный? – спросил я Димона, когда мы из раздевалки вышли.

– А че мне грустить-то?

– Ну не знаю, все ж грустят. Ну, типа, из-за того, что сверхспособностей у них больше нет.

– Да и че? Мне теперь, вообще, как-то по фиг, – говорит он расслабленно так. – Была сверхспособность, хорошо. Нет ее, тож неплохо.

«Пофигист он и в Африке пофигист», – подумал я.

– Я ж теперь, с Сюзанкой встречаюсь, мы сегодня в кино с ней забились. Зашибись, да?

– Да, – говорю, – краса...

– Эй, по мытому не ходите! Чё обойти сложно?! – вдруг техничка на нас закричала и шваброй своей замахала.

Мы, значит, на цыпочке встали, чтоб как бы не марать. Мы же труд чужих уважаем. Но обходить не стали, это все-таки перебор. У нас же сменка, как-никак. А она, естественно, зыркнула на нас злобно, типа, как рублем одарила, но ничего больше не сказала.

Топаем мы, короче, по лестнице, а впереди учитель по об-

шеству идет. Ну, как идет, еле-еле ноги переставляет. Поравнялись мы с ним, ну я и говорю ему:

– Здравствуйте, Роберт Александрович. Почему опаздываете?

Ну а че? Настроение у меня такое было. Думал, может, хоть в чувство его таким образом приведу.

А он посмотрел на меня виновато так и говорит:

– Извините, ребята, пробки были.

Прикиньте, реально, извинился перед нами, а я ж, типа, в шутку спросил. Он-то мужик сам такой был, приколист тот еще, в общем. А главное-то, отмазку какую придумал. Пробки! Но, вы представляете, да? Еще б сказал, что трамвай сломался. Которых, как и пробок в нашем захолустье вообще нет.

– Ааа, понятно, – говорю и на Димона смотрю такой, а тот угорает всюю.

– Ладно, мне направо, – сказал учитель, глядя в пол, и завернул, и даж чуть в косяк не рубанулся.

– До свидания, Роберт Александрович, – сказал я ему вдогонку.

«Странно, – думаю, – то они все от радости прыгают, то тут даже в косяк чуть не врезаются от расстройства чувств».

Ну и вот, подошли мы к двери, где сидит карга эта усатая, а Димон смотрит такой на меня просящим взглядом и говорит:

– Че, как обычно, я стучу, ты открываешь и оправдыва-

ешься?

– Да? – усмехнулся я, вспомнив недавний разговор возле этой двери. – Ну давай.

Димка, значит, постучался, а я открыл, и мы зашли вдвоем.

– Здравствуйте, Надежда Ивановна, – говорю я, как можно любезнее.

– Здрате. Почему опоздали? – отвечает она совсем без энтузиазма.

– Пробки, – говорю, – были.

«Ну а че? Если учитель по обществу так отмазался, то и у меня получится», – подумал я.

– Ааа, понятно, садись, Колбаскин. А ты куда собрался, Петряков? Ты, вообще-то рядом здесь живешь, в том же доме, что и я.

Вижу я, короче, что жаренным запахло. А Димон вообще, расстерялся такой, на меня глаза вылупил, тип, что делать ему, спрашивает, а сам слова как-будто напрочь забыл.

– Надежда Ивановна, – говорю я, – так Дима со мной ехал, у меня он ночевал. Мы с ним допоздна биологию учили.

Во че я придумал. Представляете? Биологию мы, значит, допоздна учили.

– Ладно, Колбаскин, поверю я тебе. Забери ты его оттуда, а то стоите там проход загораживаете. С минуты на минуту Снежевалко должна прийти.

И реально, токо мы уселись, стучится и заходит Сашка.

А она, короче, всегда опаздывала, тип, привычка у нее такая была или принцип какой. Все это знали: и мы, и учителя.

– Здравствуйте, – говорит Сашка таким голосом, типа, и не опоздала, а вообще раньше положенного пришла.

– Здравствуйте, здрасте. И почему, Снежевалко, ты на этот раз опоздала?

– Будильник не услышала, – отвечает она убедительно, главное, так.

«Ну да, конечно, – думаю, – во всем всегда будильник у нее виноват». То она его завести забыла, то не услышала, то случайно выключила, то он тихо звенел, то собака телефон уронила. А однажды она вообще сказала, что ей, типа, снилось, как будто она на уроке уже сидит, и поэтому проспала, и в итоге опоздала. Вот так вот. Правда, никто, конечно, в ее байки не верил, и уже очень давно. Но по итогу, ее все равно всегда пускали. Один раз только выгнали, когда она под конец урока, короче, пришла.

– Ладно, садись Снежевалко, в последний раз.

Вот видите. И этот последний раз, каждый раз. А я только щас понял, что на прошлом уроке, она уже сидела, когда мы зашли. Видать, у нее сверхспособность такая была, типа, рано вставать или там сверхпунктуальность какая-нибудь.

Ну вот, значит, усадила Сашка свою жопу на стул, и начался обычный урок биологии. Хотя, как обычный. Из обычного только Димон был, который, как и раньше завалился сразу спать, как только училка начала говорить. А я уже, вроде,

говорил, что, типа, на уроках у нас галдеж постоянно стоял и в мобилы многие играли. А щас они все сидели такие потерянные прям и молча на училку смотрели. Только я че-то сомневаюсь, что они там че-то слушали и понимали. Даже Ванька, хохмач этот неумытый, тож сидел, как в воду опущенный.

– Так, ладно, – сказала училка, главное, как-то очень грустно, типа, ей вообще здесь находится и не хочется. – Откройте десятый параграф и выпишите названия костей верхних и нижних конечностей. Мда, и еще несколько костей зарисуйте.

Как она это сказала, так по классу вздох прошел, да и сама училка тож села и вздохнула громко. Ну и вот, все, значит, полезли за учебниками, за тетрадками, и медленно так стали их листать, и еще медление писать.

И тут, короче, Стас, ко мне поворачивается и ручку опять просит. «Ну, – думаю, – щас его в угол опять загонят». А нет, училки вообще плевать было. Она сидела и че-то там писала у себя в журнале. Ну я и дал ему две ручки. А че такого? Про запас, так сказать. Мне и не жалко.

Я, вообще, значит, чет на подъеме был. Аж сам себе удивлялся. Все эту муть написал, нарисовал и прочитал даже еще. Раньше всех закончил, в общем, и начал на этих дохлых селедок смотреть, да и в носу ковыряется.

Ну вот, прошло там сколько-то минут.

– Так, все, хватить писать, – говорит карга эта, – Кто мне

назовет кости верхней конечности?

Никто. Даж Ларик с Катькой руки не подняли. Прикинь-те? Вообще, ноль рук. И тишина такая гробовая стоит, только писка сверчков и не хватает.

– Понятно, – говорит училка, естественно, недовольно совсем. Наверное, она, тип, подумала, что и так все из рук вон плохо, а теперь еще самой выбирать, кого спрашивать. И она опять вздохнула глубоко так, что даже, наверное, мяч футбольный можно таким вздохом накачать за один присест. – Тогда отвечать будет Миронская.

И тут я думаю с наслаждением: «Вот она справедливость-то. Час расплаты настал».

Танька встает такая, на панике вся, и по сторонам зыркает, и на соседку свою – Натаху. А той, типа, вообще, наплевать на всё. Она сидит и куда-то вдаль смотрит. Может, на доску залипла. И тут, значит, ко мне она свою бошку поворачивает, а я тож на нее смотрю и улыбаюсь по- хитрому так.

– Жень, пс, пс, Жень, – псыкает она мне и рученками своими дергает.

– Да, Тань, чего тебе? – говорю я и еще шире улыбаюсь.

– Помоги, плиз.

Прикиньте, да. Она, значит, фыркала на меня и башню свою воротила, а я ей помогай. Наглая какая. Ну и я хотел ей той же монетой отплатить. Но, тут, короче, подумал: "Че я уподобляться-то буду". Ну и подсказал её всё, что смог.

– Ладно, Миронская. Четыре. Неси дневник, – сказала ей

училка.

Она пошла, короче, дневник этот свой относить, а когда возвращалась, то быстро так положила мне свою клешню на мою, типа, поблагодарила. Одноклассница все-таки, как-никак. С первого класса мы с ней ляжку вместе тяним.

– Так, а теперь, кто назовет кости нижней конечности? – сказала она и сразу быстро добавила: «Колбаскин».

Вот так вот! Представляете себе. А, может, ответить кто-то хотел, а она сразу меня, значит, спрашивает. Коза такая.

Ну я и встал, нехотя так.

– А почему я опять? Вон же сколько рук. Может, их спросите, – говорю я, как обычно. Фишка у меня такая.

– Ага, подсказывать меньше надо, – сказала она и даже, вроде, заулыбалась по-хитрому.

– Ладно. Надо назвать кости нижней конечности?

– Да.

– Ну, значит, к костям нижней...

И тут, короче, Димон проснулся и начал мне с учебника все подряд читать. А я ему рукой махнул, тип, не надо, сам справлюсь. Я ж как бы вчера дома читал это и сейчас еще. Ну, я назвал ей все кости эти, которые запомнил, а она сидит и зырить на меня удивленно. Видит, что я сам отвечаю.

– Вот, больше я не помню, – закончил я.

– Да, – говорит училка довольно так, – я же тебе говорила, Колбаскин, что потенциал у тебя есть. Молодец. Пятерка тебе сегодня. Неси дневник.

Беру я портфель, значит. Ковыряюсь там. По всем отделам ищу, а дневника нет. Нигде его не было, как я не старался найти.

– Надежда Александровна, – говорю ей, – я дневник за-был.

– А, ну ладно. Ничего, Колбаскин. Потом принесешь.

Ну нормально это вообще, да? Значит, когда двойку ставить, то давайка телепортнись по-быстрому, а когда пятерка – и так сойдет, потом поставишь, а можешь и вообще не ставить.

«Ай, ладно, – подумал я, – ничем меня сегодня не огорчишь».

Вот так вот, короче, всё у меня и получилось. В принципе, даж и рассказывать, что было дальше, не имеет никакого смысла. Все остальные уроки тож прошли неплохо. Мне, типа, даже чуть-чуть нравилось на них сидеть. По истории я четверку получил, по алгебре тройку, по русскому четверку, а по английскому опять тройку. Ну а че? Я ж не собирался ботаном каким-то становится. Просто решил, что буду учиться более-менее своими силами и списывать поменьше.

На переменах я опять с Димоном торчал и с одноклассниками. Че-т даже там никто в догонялки не играл, да и вообще, все почти в глубокой печали сидели.

Леху я видел. Он там стоял над кучей своих одноклассничков, а они у него скатывали сочинение какое-то. А он каждому говорил, что там заменить, что пропустить, испра-

вить и так далее. Важный, в общем, был, как индюк надувшийся. Но, как меня увидал, сразу мне клешней своей замахал, и лыбу нарисовал. Ну и я ему тож помахал. Дружбан, типа ж, мой, по несчастью, а теперь и просто – друг.

Настюху я тоже видел, когда мимо началки проходил. Она помогала училке своей плакат какой-то на стену вешать. Та че-т тож грустная была такая. А мелкая всё заливала ей что-то, видимо, развеселить пыталась, либо просто надоедала, как она это умеет. И тож она, когда меня увидела, рученкой своей мелкой махать начала, а ей в ответ тож своей клешней махнул. Ну а че? Хоть и мелкая, но своя же.

После второго урока, на перемене, сидел я на скамейки. И тут, ко мне брат мой мелкий подходит. И знаете, че делает? Руку мне протягивает такой и говорит:

– Извини, Жень, за то, что я тебя поколотить хотел.

Прикиньте, да? Я, естественно, пожал его мелкую руку и даж приобнял немного. Ну а че? Брат же мой родной.

– Если хочешь, – говорю ему, – можешь в комп сколько хочешь играть. И диски все мои взять тож можешь.

Петька аж, значит, остолбенел от такой новости. Только и смог сказать:

– Спасибо.

– Ладно, – говорю, – иди давай, а то че, как вкопанный встал здесь.

И он пошел. «А че? Пускай не расслабляется», – думаю такой про себя.

Ну, а на большой перемене я, как обычно, в столовку пошел. Народу там в этот раз было до фига и больше. Сел я, значит, к свои старым знакомым. Жрали они опять булки, но уже не такие горы огромные. И Игорь этот, который жрал, не поднимая головы, нормально, короче, сидел и на меня и на брата своего смотрел. Я с ними лясы там всю перемену точил. Как выяснилось, оба они смышленные пацаны были и учились неплохо. И даж спортом увлекались. Прикиньте? Кто бы мог подумать. Особенно в баскет они рубились вообще, как звери. Особенно животами своими любили толкаться под кольцом. Мы с ними потом частенько ходили играть вместе.

Заключительная глава. Абсурдная фигня.

Ну и вот, чего еще такого рассказать?

На физре всё, как прежде стало. Но я, типа, не выпендривался теперь. Не прикалывался, короче, над одноклассниками, когда они после пяти кругов легкого бега задыхались, как асматика какие-то, а наоборот, подбадривал их, и бежал вместе с ними. Подтягиваться им тоже помогал. И даж в баскет их немного играть научил, что мы аж с пацанами первое место на соревах через год заняли, а девчонки – второе. Да, и этот физрук опять мне предлагал в олимпиаде участвовать, типа, я самый нормальный там. Так он сказал. Но я ему отказал, потому что решил, что не буду это показушной

ерундой всякой заниматься, что мне и так сойдет, так как я просто спорт люблю.

Ну а ложка, которую я на трудах сделал, заняла второе место на городской выставке, а первое – деревянный медведь. Я до сих пор ума не приложу, чей-то им ложка моя так понравилась. Вообще, это как-то ненормально, мне кажется.

Да, ну вот. А что касается семьи моей, то там, типа, ничего не изменилось.

Батя, как обычно работать стал, дрыхнуть, и телек смотреть, и пивко иногда потягивать. Мама тож, то на работе, то дома че-то делала и батю периодически подпиливала. Иногда бывало, что мы все вместе собирались и какой-нибудь фильм по телеку смотрели. Семки там шелкали, чипсы ели и так далее, короче. Даж в эти настольные игры дурацкие играли иногда. Папа, кстати, все равно почти всегда выигрывал. Может у него сохранилась сверхспособность-то эта?

Ну а сестренка моя шибко долго не расстраивалась от потери своих сверхспособностей. Ну а че? Она ж мелкая еще. Научила она Барсика в итоге, с горем пополам, лапу давать. На большее он был не согласен. Я ей книжку еще там купил детскую, как обещал, про приключения какие-то. Читать ее учил немного, или так просто сам вслух ей читал. Она рисовать продолжала и подарила мне, значит, рисунок свой. Там я с Барсиком стою. И всё, главное, как положено: черточки, кружочки, загогулилки и солнце с птичками в виде запятых. Шедевр, одним словом. По-моему, один из ее лучших ри-

сунков. Ну а че? Я его до сих пор храню в той книжонке про теску моего. Книжку эту я, кстати, дочитал, но мне его, героя этого, че-т не очень жалко было. Сам он во всем виноват.

С братом я тож получше стал общаться. Взял его, короче, однажды с собой на стадион футбик погонять. Пацаны, конечно, не хотели его брать, потому что он, типа, мелкий. Но я им сказал, что он за меня токо играть будет. Они и согласились. Мы их там всех и повыносили. Петька гонял, как ненормальный какой-то, голов, наверное, десять заколотил. Пацаны там все рты пооткрывали и спрашивают меня, типа, зачем я такого монстра мелкого привел, играть им нормально не даю. А я у брата спрашиваю: «Где ты так играть научился?». Он мне и отвечает: «Во дворе с пацанами иногда мяч пинаем, и в ФИФу я еще играю». Отвел я его в итоге на секцию эту футбольную. А че? Может он хоть футбол наш с колен однажды поднимет.

Потом мы еще в качалку все вместе ходили, так как батя загорелся неожиданно.

– Спортом, – говорит, – заниматься надо.

Ну мы и пошли. Я, папа, Петька и Димона с Лехой еще прихватили.

Мне, конечно, сначала стыдно за них было. Они даже пятикилограммовую гантелю десять раз поднять не могли. Но потом подкачались и ниче стали.

А бабушка с дедом сразу, как сверхспособности потеряли свои, пошли в аптеку и закупили там столько лекарств, что

весь, наверное, город вылечить можно. И потом, значит, даже когда они уехали, запах этот больничный, недели две в доме стоял и не выветривался. Но а так, в принципе, с ними все нормально было. Дед по жизни хохмачом был, таким и остался. Все подшучивал над нами и прикалывался, как умел. Бабушку злил периодически. Бабушка же все время что-то готовила, и пекла, и деда все жизни учила. А тот, типа, и привык, и даже внимания не обращал.

Йодовича этого ученого-сверхмудреца, тоже видел. По телеку. Он еще в Рыболовце этом был. Сидел, значит, на скамейки и книжку читал, наверняка, какую-нибудь шибко умную. А репортер с камерой подходит и сует микрофон мудрецу чуть ли не в лобешник.

– Мирослав Йодович, что вы можете сказать по поводу излучения? Какова его природа?

– Я ничего не знаю об излучении! Я приехать отдохнуть и посмотреть метеорит! Отстать от меня! – сказал он очень злобно, выхватил микрофон, и запульнул его в кусты.

Да, вот так вот. Великий мудрец, что с него взять. Хорошо хоть, он в бочке в какой не спит или в вазе там. Так же, вроде, все мудрецы делают.

Про мужика еще того надо сказать, который на персиковом соке летал. Он, короче, разбогател в итоге. Нет, машины летать не стали, хотя этот мужик все пытался что-то там намутить. В общем, как он ни старался, машины никак не хотели летать. Может, не в соке тогда было дело. Но он, зна-

чит, не отчаивался и разработал свою рецептуру сока, и его потом стали добавлять в топливо для каких-то там устройств или роботов, фиг его знает. Я его тоже по телеку видел. Он, короче, стоял, возле какого-то завода, вместе со всей своей ненормальной семейкой и жал руку японцу какому-то, а может китайцу или корецу, не знаю, в общем. Они ж все на одно лицо.

Ладно. Че ещё сказать-то?

А, забыл совсем. Оказалось-то, что наша великовозрастная дылда, Соня то есть, училкой была. Вы представляете? Она и учительница. Это все равно, что мёд и деготь, молоко и рыба, то есть вещи совершенно не совместимые. И мало того, что она училкой оказалась, так она еще и переехала в наш задрипаный городишко, и устроилась работать в нашу школу. Вы представляете вообще? Абсурд какой-то форменный. Повсюду они меня преследуют эти обычные. Но несмотря на все, что я тут написал, Соня была толковой училкой. Она, вообще, химию вела. Так как у меня была другая химоза – карга очкастая, поэтому я иногда, когда у меня было окно, захаживал и сидел на Сонькиных уроках. Ну а че? Она добрая была. Школота ее любила, хоть она и такой нудный предмет вела. Мне она тож всегда помогала, если че нужно было объяснить. И мужика она нашла себе в итоге. Врача, вроде, какого-то. Показала однажды мне Соня его фотографию. А он патлатый, короче. Видать, всё-таки это любимый её типаж.

И мы ещё иногда, типа, собирались и собираемся своей «Обычной командой». В киношку там сходить, в кафешку зайти, уток покормить или так поболтаться просто. Ездили даже в этот дурацкий парк влюбленных, или как его там правильно называть. Лавочку, конечно, эту сразу прикрыли. Но парк, озеро, карусели и все че там было, оставили. Теперь там просто можно погулять, посидеть и прочей ерундой помаяться. Единственное, чего нельзя сделать, так это на качелях покачаться, потому что они все обрезаны. Их такими прям и оставили, типа, как напоминание о том, что башкой своей думать надо, и с ума не сходить непонятно по ком. Даже табличку сделали: «Кладбище веревочных качель». Так что это теперь достопримечательность какая-то. И, естественно, что бы зайти на это так называемое кладбище, надо было заплатить. Настя меня упрашивала купить билет, но я наотрез отказался. Одного раза мне вполне хватило.

Что касается Нелли, то она после этой канители стала, типа, моей девушкой. И я перестал считать ее страшной. И это не только из-за того, что она вылечила свои прыщи и купила красивые очки. А, вообще, как бы из-за того, что она просто хорошая девчонка. Мне нравится проводить с ней время, гулять вместе и болтать, хоть, в принципе, только Неллька и трещит, как заведенная. Она, значит, продолжила нормально общаться со своими одноклассниками, и у нее до сих пор есть две этих лучших подружки. Дурочки финишные, если честно, но Нелли как бы нравится с ними болтать и вся-

кой девчачей ерундой заниматься. И она, кстати, до сих пор носит эти дурацкие, фальшивые, как бы золотые сережки. Сто раз я ей предлагал новые купить, получше этих, а она наотрез отказывается. Говорит, типа: «Я буду их носить пока они в пыль не сотрутся, или пока я не помру». «Вот дуреха же какая!»— думаю я всегда, когда она это говорит. Ну, хоть она и дуреха, но все-таки моя же, и я, типа, как люблю её.

Ну вот, короче, и конец моей истории.

— Так и в чем смысл этой несуразной, абсурдной фигни?! — наверняка спросит какой-нибудь шибко умный хмырина, который вечно ищет везде скрытый смысл, даже в каком-нибудь там стакане с водой. А знаете, что я отвечу, глядя прямо в глаза этого умнику переученному: «А я че знаю, что ли?» Вот, что я скажу ему. Ну а че? Обязательно смысл, что ли, должен быть какой-то? Может я так просто поделится с вами хотел. Думал, вдруг моя история интересной окажется.

А вы сами-то тоже, небось, думали, да, что я не свою шкуру любимую спасать буду, а, типа, мир целый от какой-нибудь там сверхзлодейской, вселенской суперугрозы и все в таком роде? Или, вообще, надеялись, что я буду какую-то сверхглубокую, суперумную мораль вам задвигать? Нет уж, это, пожалуй, ни ко мне. Я ведь как бы ни философ, и ни мудрец, и уж тем более ни писака какой-нибудь, а, я так просто, типа, обычный человек.

Конец.